

Журнал зарегистрирован в Национальном агентстве ISSN Российской Федерации (свидетельство о регистрации выдано 14.12.2016 г.)
Периодический научный журнал. Выходит ежегодно.

Редакционный совет научного журнала:

Бувеч Галина Александровна, кандидат педагогических наук, доцент, заслуженный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, ректор Алтайского государственного института культуры (Барнаул, Россия);

Ермекебай Жарас Акишевич, доктор исторических наук, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин Казахстанского филиала Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (Астана, Казахстан);

Криштопович Лев Евстафьевич, доктор философских наук, профессор, начальник научно-исследовательского отдела Белорусского государственного университета культуры и искусств (Минск, Белоруссия);

Мехтиева Нисбет Джанмамед кызы, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории тюркских народов Бакинского государственного университета (Баку, Азербайджан);

Садалова Тамара Михайловна, доктор филологических наук, ответственный секретарь Алтайского отделения Российской комиссии по делам ЮНЕСКО, директор Республиканского центра народного творчества (Горно-Алтайск, Россия);

Синецкий Сергей Борисович, доктор культурологии, доцент, проректор по научно-исследовательской и инновационной работе Челябинского государственного института культуры (Челябинск, Россия);

Тагиров Энгель Ризакович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории, философии и культурологии Казанского государственного института культуры, ректор Института культуры мира (ЮНЕСКО) (Казань, Россия);

Турдугулов Али Турдугулович, доктор филологических наук, профессор, директор Института фундаментальных и социально-гуманитарных исследований при госкомитете по науке и новым технологиям при Кыргызской Республике (Бишкек, Кыргызстан);

Цыремпилова Ирина Семёновна, доктор исторических наук, доцент, и. о. проректора по научной работе Восточно-Сибирского государственного института культуры (Улан-Удэ, Россия);

Шелегина Ольга Николаевна, доктор исторических наук, старший научный сотрудник, ведущий научный сотрудник Института истории Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия);

Шшин Михаил Юрьевич, доктор философских наук, профессор, заместитель директора Института архитектуры и дизайна Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова по научной работе (Барнаул, Россия);

Шунков Александр Викторович, доктор филологических наук, доцент, ректор Кемеровского государственного института культуры (Кемерово, Россия);

Эрдэнэцэцэг Шайнен, Ph. D., доцент, заведующий научно-исследовательского института Монгольского государственного университета искусств и культуры (Улан-Батор, Монголия);

Яфальян Алла Фёдоровна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры истории и теории исполнительского искусства Уральской государственной консерватории им. М. П. Мусоргского (Екатеринбург, Россия).

Редакционная коллегия:

Главный редактор: Полякова Елена Александровна, доктор исторических наук, доцент, проректор по научной работе и международным связям Алтайского государственного института культуры (Барнаул, Россия);

Пономарёв Валерий Дмитриевич, доктор педагогических наук, доцент, проректор по научной и творческой работе Кемеровского государственного института культуры (Кемерово, Россия);

Гендина Наталья Ивановна, доктор педагогических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, директор научно-исследовательского института информационных технологий социальной сферы Кемеровского государственного института культуры (Кемерово, Россия);

Кимеева Татьяна Ивановна, кандидат культурологии, доцент кафедры музейного дела Кемеровского государственного института культуры (Кемерово, Россия);

Марков Виктор Иванович, доктор культурологии, профессор, профессор кафедры культурологии Кемеровского государственного института культуры (Кемерово, Россия);

Матис Владимир Иванович, доктор педагогических наук, профессор, почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, профессор кафедры социально-культурной деятельности Алтайского государственного института культуры (Барнаул, Россия);

Оленина Галина Владимировна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры социально-культурной деятельности Алтайского государственного института культуры (Барнаул, Россия);

Серёгин Николай Васильевич, доктор педагогических наук, профессор, заслуженный работник культуры Российской Федерации, заведующий кафедрой народных инструментов и оркестрового дирижирования Алтайского государственного института культуры (Барнаул, Россия);

Трофимова Раиса Афанасьевна, доктор социологических наук, профессор, заслуженный работник культуры Российской Федерации, профессор кафедры менеджмента информационных ресурсов Алтайского государственного института культуры (Барнаул, Россия);

Ултургашева Надежда Доржуевна, доктор культурологии, профессор, заведующий кафедрой теории и истории народной художественной культуры Кемеровского государственного института культуры (Кемерово, Россия);

Юдина Анна Ивановна, доктор педагогических наук, доцент директор института социально-культурных технологий Кемеровского государственного института культуры (Кемерово, Россия).

Заместители главного редактора: Фролова Анна Сергеевна, кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры музеологии и документоведения, аналитик отдела организации научно-исследовательской работы Алтайского государственного института культуры (Барнаул, Россия); **Егле Людмила Юрьевна**, кандидат культурологии, доцент, начальник научного управления Кемеровского государственного института культуры (Кемерово, Россия).

Ответственные за выпуск: Фролова А. С., Егле Л. Ю.

Учредитель журнала: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Алтайский государственный институт культуры».

Издающие организации: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Алтайский государственный институт культуры», федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кемеровский государственный институт культуры».

Адрес редакционной коллегии: ул. Юрина, 277, г. Барнаул, Алтайский край, Россия, 656055. **Адрес электронной почты:** oonir.agik@mail.ru. **Тел.:** 8 (3852) 54-73-67.

© Алтайский государственный институт культуры, 2018

© Кемеровский государственный институт культуры, 2018

© Авторы статей, 2018

Scientific journal registered in the ISSN National Centre of the Russian Federation (certificate of registration issued on December 14, 2016).
Annual scientific journal.

Editorial Council:

Buevich Galina Alexandrovna, Ph. D. in Pedagogics, Associate Professor, Honoured Worker of Higher Education of the Russian Federation, Head of the Altai State Institute of Culture (Barnaul, Russia);

Ermekbai Zharas Akishevich, Dr. of History, Professor, Department of Social and Humanitarian Disciplines, Kazakhstan Branch of Lomonosov Moscow State University (Astana, Kazakhstan);

Krishtapovich Lev Evstafievich, Dr. of Philosophy, Professor, Head of Scientific Research Department, Byelorussian State University of Culture and Arts (Minsk, Belorussia);

Mekhtieva Nisbet Dzhannamed kyzy, Dr. of History, Professor, Department of the History of Turkic Peoples, Baku State University (Baku, Azerbaijan);

Sadalova Tamara Mikhailovna, Dr. of Philology, Executive Secretary of the Altai Branch of the Russian Commission for UNESCO, Head of the Altai Republic Folk Art Centre (Gorno-Altai, Russia);

Sinetsky Sergei Borisovich, Dr. of Cultural Sciences, Associate Professor, Vice-Chief for Scientific Research and Innovation Work, Chelyabinsk State Institute of Culture (Chelyabinsk, Russia);

Tagirov Engel Rizakovich, Dr. of History, Professor, Head of the Department of History, Philosophy and Cultural Studies, Kazan State Institute of Culture, Head of the Institute of World Culture (UNESCO) (Kazan, Russia);

Turdugulov Ali Turdugulovich, Dr. of Philology, Professor, Head of the Institute of Fundamental and Social and Humanitarian Studies under the State Committee for Science and New Technologies in the Kyrgyz Republic (Bishkek, Kyrgyzstan);

Tsyrempilova Irina Semyonovna, Dr. of History, Associate Professor, acting for Vice-Chief for Scientific Research, East Siberian State Institute of Culture (Ulan-Ude, Russia);

Shelegina Olga Nikolaevna, Dr. of History, Senior Researcher, Leading Researcher, Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia);

Shishin Mikhail Yurievich, Dr. of Philosophy, Professor, Vice-Chief for Research, Institute of Architecture and Design, Polzunov Altai State Technical University (Barnaul, Russia);

Shunkov Aleksandr Viktorovich, Dr. of Philology, Associate Professor, Head of the Kemerovo State Institute of Culture (Kemerovo, Russia);

Erdenetsetseg Shainen, Ph. D., Associate Professor, Head of Research Institute, Mongolian State University of Culture and Arts (Ulaanbaatar, Mongolia);

Yafalian Alla Fyodorovna, D. Ed., Professor, Department of History and Theory of Performing Arts, Mussorgsky Ural State Conservatory (Ekaterinburg, Russia).

Editorial Board:

Chairman, Polyakova Elena Aleksandrovna: Dr. of History, Associate Professor, Vice-Head for Scientific Work and International Relations, Altai State Institute of Culture (Barnaul, Russia);

Ponomaryov Valerii Dmitrievich, D. Ed., Associate Professor, Vice-Chief for Scientific and Creative Work, Kemerovo State Institute of Culture (Kemerovo, Russia);

Gendina Natalia Ivanovna, D. Ed., Professor, Honoured Scientist of the Russian Federation, Head of the Research Institute of Information Technologies of Social Sphere, Kemerovo State Institute of Culture (Kemerovo, Russia);

Kimeeva Tatyana Ivanovna, Ph. D. in Cultural Sciences, Associate Professor, Department of Museology, Kemerovo State Institute of Culture (Kemerovo, Russia);

Markov Viktor Ivanovich, Dr. in Cultural Sciences, Professor, Department of Cultural Science, Kemerovo State Institute of Culture (Kemerovo, Russia);

Matis Vladimir Ivanovich, D. Ed., Professor, Honoured Worker of Higher Education of the Russian Federation, Department of Social and Cultural Activities, Altai State Institute of Culture (Barnaul, Russia);

Olenina Galina Vladimirovna, D. Ed., Professor, Department of Social and Cultural Activities, Altai State Institute of Culture (Barnaul, Russia);

Seryogin Nikolai Vasilievich, D. Ed., Professor, Honoured Worker of Culture of the Russian Federation, Head of Department of Folk Instruments and Orchestral Conducting, Altai State Institute of Culture (Barnaul, Russia);

Trofimova Raisa Afanasievna, Dr. of Sociology, Professor, Honoured Worker of Culture of the Russian Federation, Department of Management of Informational Resources, Altai State Institute of Culture (Barnaul, Russia);

Ulturgasheva Nadezhda Dhorzhuevna, Dr. of Cultural Sciences, Professor, Head of Department of Theory and History of Folk Artistic Culture, Kemerovo State Institute of Culture (Kemerovo, Russia);

Yudina Anna Ivanovna, D. Ed., Associate Professor, Head of the Institute of Social and Cultural Technologies, Kemerovo State Institute of Culture (Kemerovo, Russia);

Vice Chairman: Frolova Anna S., Ph. D. in Pedagogics, Senior Lecturer of the Department of Museology and Documentation, Analyst of the Research Organization Department, Altai State Institute of Culture (Barnaul, Russia); **Yegle Lyudmila Yu.**, Ph. D. in Cultural Sciences, Associate Professor, Head of Scientific Administration, Kemerovo State Institute of Culture (Kemerovo, Russia).

Copy Editors: Frolova Anna S., Yegle Lyudmila Yu.

Scientific Journal Founder: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Altai State Institute of Culture".

Issuing organizations: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Altai State Institute of Culture And Arts", Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kemerovo State Institute of Culture".

Editorial Board Address: st. Yurin, 277, Barnaul, Altai Territory, Russia, 656055. **E-mail:** oonir.agik@mail.ru.

Phone number: 8 (3852) 54-73-67.

© Altai State Institute of Culture, 2018

© Kemerovo State Institute of Culture, 2018

© Authors of articles, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I. Евразийство в социально-культурологическом и историческом контекстах

- Бабаскин С. А.** Д. И. Менделеев и евразийство..... 5
- Гусякова Л. Г., Григорьев С. И., Говорухина Г. В.** Социокультурное пространство евразийства в оценках экспертов..... 8
- Матис В. И.** Роль духовного наследия в формировании евразийской поликультуры..... 11

Раздел II. Исследования этнокультурных процессов евразийского региона: опыт, проблемы, перспективы

- Аязбекова С. Ш.** Культура в евразийском пространстве: теория, практика и современность..... 16
- Иванов А. В.** Алтай и Индийские Гималаи как биосферные доноры и центры диалога евразийских культур: результаты и перспективы исследований..... 21
- Касымалиева Г. М.** Духовные основы экологической культуры киргизского эпоса..... 25
- Криштапович Л. Е.** Вернуть общерусскую историю..... 30
- Носоченко М. А.** Этническая идентичность в социокультурном пространстве Евразии..... 37
- Рындина О. М.** Коды традиционной культуры и этническая идентичность в современности..... 40

Раздел III. Интеграционные процессы в образовательном пространстве Евразии

- Бувич Г. А., Полякова Е. А.** Развитие межкультурных коммуникаций в области культуры и образования в рамках Содружества азиатских учреждений образования в сфере культуры как фактор социальной интеграции евразийского региона..... 45
- Идиев Х. У.** Место информационных технологий в расширении пространства культурного взаимодействия стран Содружества Независимых Государств..... 49
- Оленина Г. В.** Развитие волонтерского движения за рубежом в контексте национальной молодежной политики, концепций социального государства и гражданского общества..... 53
- Серёгин Н. В.** Художественное образование в современном мире..... 57

Раздел IV. Библиотечно-информационная деятельность: евразийский вектор

- Вихрева Г. М.** Некоторые аспекты библиотечной деятельности в глобальной информационной среде... 63
- Редькина Н. С.** Тенденции развития библиотек в современном евразийском пространстве..... 67
- Федотова О. П., Махотина Н. Б.** Библиотечно-информационная деятельность как неотъемлемая компонента в формировании сциентистского ландшафта региона..... 71

Part I. The Eurasianism in Social, Cultural, and Historical Contexts

- Babaskin S. A.** Dmitri Mendeleev and the Eurasianism..... 5
- Guslyakova L. G., Grigoriev S. I., Govorukhina G. V.** The Eurasianism's Social and Cultural Space in the Experts' Assessments... 8
- Matis V. I.** Spiritual Heritage in the Eurasian Culture Forming..... 11

Part II. Exploring Ethnic and Cultural Processes in the Eurasian Region: Experiences, Problems and Perspectives

- Ayazbekova S. Sh.** Culture in the Eurasian Space: Theory, Practice and Modernity..... 16
- Ivanov A. V.** The Altai and the Indian Himalayan Region – Biosphere Donors and Centers of the Dialogue Between the Eurasian Cultures: the Research Results and Perspectives.. 21
- Kasymalieva G. M.** Spiritual Basis of Kyrgyz Ethnos' Ecological Culture..... 25
- Krishtapovich L. E.** To Bring Back the All-Russian History..... 30
- Nosochenko M. A.** Ethnic Identity in the Eurasian Social and Cultural Space..... 37
- Ryndina O. M.** Codes of a Traditional Culture and an Ethnic Identity in the Modern era..... 40

Part III. Integration Processes in Educational Sphere of Eurasia

- Buevich G. A., Polyakova E. A.** Development of Cross-Cultural Communications in Culture and Education Sphere within the Commonwealth of Asian Educational Institutions in Culture Sphere as a Factor of Social Integration of the Eurasian Region..... 45
- Idiev Kh. U.** Informational Technologies in Expanding of Commonwealth of Independent States' Cultural Interactions Space..... 49
- Olenina G. V.** Volunteer Movement Abroad in the Context of State Youth Policy, Social State and Civil Society Theories..... 53
- Seryogin N. V.** Artistic Education in the Present-Day World..... 57

Part IV. Library and Information Activity: the Eurasian Vector

- Vikhreva G. M.** Some Aspects of a Library Activity in Global IT Environment..... 63
- Red'kina N. S.** Libraries Development Trends in the Today's Eurasian Space..... 67
- Fedotova O. P., Makhotina N. B.** Library Activity as an Element of Regional Scientific Landscape forming..... 71

Раздел V. Изучение, сохранение и трансляция историко-культурного наследия в евразийском пространстве

Артамонова Т. А. К вопросу о паломническом туризме (на примере Алтая и Гималаев).....	77
Дугаров Б. С. Образ праматери-богини в бурятском эпосе.....	81
Родионова Д. Д., Насонов А. А. Формы взаимодействия вузов, музеев и религиозных организаций в рамках профессиональной подготовки музеологов.....	85
Сапанжа О. С. Евразийский концепт и музейная парадигма в дискурсе наследия.....	88
Цыремпилова И. С. К вопросу о сохранении и использовании культовых памятников на территории Бурятии.....	91
Шелегина О. Н. Исследовательские и социокультурные проекты по освоению историко-культурного наследия Евразии.....	97

Раздел VI. Современные искусствоведческие исследования: теория и практика

Москалюк М. В. Вызовы глобализма в евразийском пространстве: искусство и не-искусство.....	102
Шишин М. Ю. Искусствоведческие подходы в изучении комплексов петроглифов: опыт сематического анализа композиции «Шаман на волке» в Бага-Уйгур в Западной Монголии.....	106

Раздел VII. Социально-культурная деятельность в евразийском регионе

Волощенко Г. Г. Досуг между Востоком и Западом в Средневековье.....	112
--	-----

Part V. Learning, Preservation and Transfer of Historical and Cultural Heritage in the Eurasian Space

Artamonova T. A. Revisiting the Pilgrimage Tourism (Evidence from the Altai and the Hymalayas).....	77
Dugarov B. S. The Image of the Protomother Goddess in the Buryatian epos.....	81
Rodionava D. D., Nasonov A. A. Forms of Interaction Between Educational Organizations of Higher Education, Museums and Religious Institutions within the Frames of Museum Specialists Training.....	85
Sapanzha O. C. The Concept of the Eurasianism and Paradigm of a Museum Activity in Context of the Heritage discourse.....	88
Tsyrempilova I. S. Conservation and Usage of Cult Monuments within the Territory of the Republic of Buryatia.....	91
Shelegina O. N. Research, Social and Cultural Programs on Historical and Cultural Heritage Development.....	97

Part VI. Contemporary Studies in Art Criticism: Theory and Practice

Moscaluk M. V. Challenges of Globalization in the Eurasian Space: Art and Non-Art.....	102
Shishin M. Y. Petroglyphs Complexes from the Viewpoint of Art History: Semantic Interpretation of the “Shaman Riding the Wolf”, Petroglyphs Composition (Baga-Uyghur, Western Mongolia).....	106

Part VII. Social and Cultural Activity in the Eurasian region

Voloshchenko G. G. Leisure Activity in the East and in the West in the Middle Ages.....	112
--	-----

РАЗДЕЛ I

ЕВРАЗИЙСТВО В СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ И ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТАХ

УДК 130.2(4/5)+001-057.4Менделеев
DOI: 10.32340/2541-772X-2018-1-5-8

С. А. Бабаскин, кандидат философских наук, доцент
Алтайский государственный институт культуры (Барнаул, Россия)
babaskin7a@gmail.com

Д. И. МЕНДЕЛЕЕВ И ЕВРАЗИЙСТВО

Аннотация. Рассмотрены мировоззренческие позиции и концептуальные подходы русского учёного-энциклопедиста, химика, физика, педагога, приборостроителя Д. И. Менделеева (1834–1907 гг.) к научному осмыслению культурного своеобразия и перспектив исторического развития России, которые были восприняты представителями евразийского учения и использованы в их теоретических построениях. Автор обращает особое внимание на тесную связь взглядов Д. И. Менделеева с геополитической доктриной евразийцев; отмечает существенное влияние взглядов великого естествоиспытателя на характер воззрений евразийцев на проблемы социально-экономического развития Российского государства.

Ключевые слова: географический детерминизм, срединный материк, геополитическое пространство, культурная идентичность, социально-экономическое обустройство России.

У евразийства как движения русской эмиграции 20–30-х гг. XX в. прослеживается несколько идейных истоков в российской мысли конца XIX в. и начала XX в. Так один из его основателей П. Савицкий писал: «Определяя русскую культуру как "евразийскую", евразийцы выступают как осознатели русского культурного своеобразия. В этом отношении они имеют предшественников... Таковыми в данном случае нужно признать всех мыслителей славянофильского направления, в том числе Гоголя и Достоевского. Евразийцы в целом ряде идей являются продолжателями мощной традиции русского философского и историософского мышления» [1, с. 190]. Также в плане предтеч геополитической позиции евразийства его представители называли имена таких исследователей, как А. П. Щапов, Л. И. Мечников, Н. Я. Данилевский, В. И. Ламанский, Л. Н. Фатеев, А. А. Крубер, особенно выделяя Д. И. Менделеева как одного из первых разработчиков такой оригинальной полидисциплинарной науки как «россиеведение».

Социально-гуманитарные взгляды Д. И. Менделеева, изложенные им в работах «К познанию России», «Заветные мысли» и оказавшие влияние на формирование мировидения и теоретические конструкции евразийцев будут рассмотрены в данной статье.

Прежде всего необходимо обратиться к тем мировоззренческим основаниям, которые определили общую направленность учения Д. И. Менделеева, тем более что и сам учёный считал для себя принципиально важным прояснение этого вопроса. В главе

«Мировоззрение» своих «Заветных мыслей» он утверждал, что совершенно правильно и необходимо исходить «из вековечно существовавшего и должного существовать стремления людей признать единство всего внутреннего и внешнего мира, что и выражено в признании единого Бога». Эта определяющая интенция позиции Менделеева на единство и синтез созвучна холистскому характеру евразийской концепции, ориентированной на целостность и органичность.

В своих трудах Д. И. Менделеев, рассуждая о судьбах России, придавал большое значение ее географическому положению, поскольку считал, что это положение возлагает на Россию определенную цивилизационную культурно-историческую миссию: «Россия, по моему крайнему разумению, назначена сгладить тысячелетнюю рознь Азии и Европы, помирить и слить два разных мира, найти способы уравнивания между передовым, но кичливым и непоследовательным европейским индивидуализмом и азиатской покорной, даже отсталой и приниженой, но все же твердой государственно-социальной сплоченностью» [2, с. 116]. Подобного рода мысли мы находим в рассуждениях евразийцев: «Россия занимает основное пространство земель «Евразии». Тот вывод, что земли ее не распадаются между двумя материками, но составляют скорее некоторый третий и самостоятельный материк, имеет не только географическое значение. Поскольку мы приписываем понятиям «Европы» и «Азии» также некоторое культурно-историческое содержание, мыслим как нечто

конкретное... обозначение «Евразия» приобретает значение сжатой культурно-исторической характеристики» [1, с. 187–188].

В приведенном выше высказывании Менделеев проводит идею значимости «географического пространства» как объяснительного принципа, который занял важное место в теоретических построениях евразийцев и, прежде всего, в их геополитической доктрине. На наш взгляд, эта идея реализуется в понятии евразийцев о «срединном материке «Евразия» и концепции П. Савицкого «месторазвития». Мысль Менделеева о том, что «...у России есть такая сплошная непрерывность занятой ею суши, какой нет ни у одной из трех западноевропейских мировых держав», постоянно присутствует в рассуждениях евразийцев.

Подчеркивая культурно-историческое своеобразие России, евразийцы стремились отметить ее стойкую культурную идентичность перед лицом Европы. Эту идентичность они обосновывали следующим образом: «Историческое своеобразие России не может определяться её принадлежностью к "славянскому миру"... Формула "евразийства" констатирует присутствие в русской культуре "европейских" и "азиатских" элементов, она устанавливает связь русской культуры с широким и творческим миром культур "азиатских". И эту связь выставляет как одну из сильных сторон русской культуры» [1, с. 191–192]. Говоря о плодотворности связей русской культуры с миром культур «азиатских», евразийцы не могли не опираться на идеи Менделеева, высказанные им в работе «Заветные мысли»: «...ни для кого не подлежит сомнению, что мы сохранили больше, чем западноевропейцы, некоторые начальные стороны азиатской жизни. По мне, все это может послужить к нашему благу, тем более что мы географически занимаем середину между настоящим Западом и Востоком...» [3].

Эта мысль Менделеева является одной из главной, которая была воспринята евразийцами и проявилась в их культурно-исторической концепции о синтетической природе русской культуры.

Уделяя внимание истории происхождения Российского государства, Менделеев указывал на особый характер присоединения новых территорий к формирующемуся государству, что сказалось на взаимоотношении народов, населяющих Россию. Он отмечал: «В России народов разного происхождения, даже различных рас, скопилось немалое количество. Оно так и должно быть вследствие того срединного положения, которое Россия занимает между Западной Европой и Азией, как раз на пути великого переселения народов... Тот путь, которым Россия расширилась до громадной современной величины, особенно в Азии, определился больше всего тем, что почти без войн сделали казаки, присоединяя к Русской державе земли маленьких народов, затем охотно сливавшихся с Россией, так как через это слияние их выгоды были, очевидно, большими, чем для покоряющей России» [2]. Эти мысли созвучны воззрениям

евразийцев, которые считали, что каждый народ должен быть «самим собой» и никого нельзя подчинять.

Размышления Менделеева о принципах устройства будущей России касались, говоря словами Менделеева, проблемы «соотношения общего блага» и «личной инициативы». По этому поводу он отмечал: «Моя мысль об отношении единоличного к общему, или индивидуального к социальному (которая должна явно отличаться от социалистического) скажется, я полагаю, еще яснее, если я выражу уверенность, что глубокие изменения во множестве прежних, стародавних отношений заставят, по моему мнению, признать наше время концом "новой" истории и началом "новой", или современной. Новая история характеризуется преобладанием и развитием интересов индивидуальных, новейшая должна дать наибольший простор и широкое, прежде небывалое развитие интересам социальным» [3]. В русле этих рассуждений Менделеев обращается к теории социализма, которая претендовала на радикальное решение проблемы отношения общего к индивидуальному и дает свою оценку такому решению: «Во всяком случае, увлечение социализмом, по моему мнению, нельзя правильно понимать, если не принять во внимание лучших его стремлений достижения общего блага и если не видеть, что основную ошибку социализма составляет подавление личной инициативы, которая в сущности ведет ко всем видам прогресса... Словом, утопия социализма есть крайняя противоположность утопии индивидуализма. Истина в срединном сочетании» [3]. Мы можем сегодня только удивляться такой прозорливости Менделеева в оценке учения социализма, имея в виду то, что ученый не застал практику советского социализма, которая подтвердила его предположение.

Анализируя взгляды евразийцев, можно утверждать, что они опирались на идеи Менделеева о «срединности» «общего блага» и «личной инициативы». Так, П. Савицкий в своем труде «Евразийство как исторический замысел» подчеркивал: «Евразийцы не закрывают глаза на отрицательное в традиционном: на малое уважение к человеческой личности, к свободе её самоопределения, на духовный гнет, на злоупотребления принуждением. Но они видят не только отрицательное. Они видят и положительное – и в тоже время русское традиционное – в поставлении многих на служении общему делу, в обращении к инстинктам самопожертвования и аскезы, в грандиозности замысла и в силе организации. Через все это нужно пройти, чтобы отыскать синтез между общим делом и интересами личности. Евразийцы стремятся к такому синтезу» [4].

Другим выражением проблемы соотношения «общего дела» и «личной инициативы» являлось сочетание форм или способов организации различных секторов экономики России, чему Менделеев посвятил многие свои труды. Следуя своей идеи «срединности», он критиковал как капитализм,

так и социализм, усматривая в них определенные крайности, и считал, что русская индустриализация будет не частнокапиталистической, а государственно-централизованной, но в тоже время учитывающей общинный характер российской цивилизации: «Артельно-кооперативный способ борьбы со злом капитализма со своей стороны считаю наиболее обещающим в будущем и весьма возможным для применения во многих случаях в России именно по той причине, что русский народ, взятый в целом, исторически привык к артелям и к общинному хозяйству» [2].

Аналогичные суждения о принципах организации экономики России мы находим у евразийцев. В уже упомянутой статье П. Савицкий, в частности, отмечал: «В экономической области система евразийцев именуется "частно-государственной". Евразийцы уверены, что в этой сфере деятельность государства может быть только в том случае целесообразной, гибкой и успешной, если наряду с государственным сектором будет существовать сектор частный. Основным надлежит признать первый из них. Именно он выражает собой принципы "общего дела". Частный сектор нужен функционально – для того, чтобы имелось мерило "добротности" государственно-хозяйственной деятельности, для того, чтобы избежать разложение государственного сектора в обстановке ничем неограниченной монополии» [4].

Рассуждая о будущем России, Менделеев сформулировал очень важную философско-правовую идею, которая впоследствии нашла отражение в теоретических построениях евразийцев: «Россия, взятая в целом, думается мне, доросла до требования свободы, но не иной, как соединенной с трудом и выполнением долга» [2]. Мы видим, что Менделеев не воспринимал идею свободы личности как формально-правовую, а связывал ее с идеей долга человека перед коллективом, с требованием быть полезным для коллектива. Аналогично рассуждали и евразийцы: «...Высшим призванием личности евразийцы считают служение общему делу; они по-

лагают, что в таком служении личность приобретает и высшую свободу – не в формальном, но в материальном смысле этого слова: возможность осуществлений. Но для того, чтобы служение это не превратилось в закрепощение, в нем должна присутствовать свобода выбора. Разнообразие форм экономической жизни обеспечивает личности и эту свободу» [4].

Таким образом, сравнение исследовательских подходов Менделеева и евразийцев по проблемам национальной идентичности и принципам обустройства российского общества выявляет единство их базовых мировоззренческих установок. Вместе с В. И. Ламанским, автором труда «Три мира Азийско-Европейского материка» Менделеев также заложил основы географического детерминизма и геополитического подхода, которые впоследствии были использованы в концептуальных построениях участников евразийского движения.

Обращение к научному наследию Д. И. Менделеева представляется актуальным еще и потому, что этот ученый, вошедший в отечественную науку своими достижениями в области химии и физики, все же недостаточно известен как мыслитель, занимавшийся и проблемами социально-экономического блока. Восполнение этого пробела позволит глубже оценить масштабность и многогранность вклада Д. И. Менделеева в российскую культуру.

Список литературы

1. Савицкий П. Н. Избранное. Москва, 2010. 776 с.
2. Менделеев Д. И. К познанию России. URL: http://az.lib.ru/m/mendeleeew_d_i/text_1906_k_poznaniu_rossii.shtml (18.01.2018)
3. Менделеев Д. И. Заветные мысли. URL: http://az.lib.ru/m/mendeleeew_d_i/text_1905_zavetnye_myсли.shtml (8.03.2018)
4. Савицкий П. Н. Евразийство как исторический замысел. URL: <http://gumilevica.kulichki.net> (13.02.2018).

Sergey A. Babaskin, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Altai State Institute of Culture (Barnaul, Russia)
babaskin7a@gmail.com

DMITRI MENDELEEV AND THE EURASIANISM

Summary. The paper gives an analysis of several key ideas and approaches developed by Dmitry Mendeleev (1834–1907), the famous Russian encyclopaedist, chemist, physicist, schoolmaster, instrument maker, that have been appreciated by the Eurasianists' and used them in their theoretical constructions. The author points out on close coherence between Dmitri Mendeleev's views and the Eurasianists' geopolitical doctrine, notes his influence on their opinion on problems of Russia's social and economic development.

First of all, the author of the paper remarks a relation between Dmitri Mendeleev's ideas on significance of geographic space in research of Russia's cultural and

historical development and the Eurasianism's geopolitical doctrine. The method of geographical determinism preached by Mendeleev pierces through the entire Eurasianists' thinking.

On the author's opinion, the influence of Dmitri Mendeleev's ideas has shown itself in the next: the Eurasianists' accepted some methods generated by natural sciences for studying problems appertained to social reality. In particular, it can be seen in applying naturalistic ideas to a comprehension of a society structure by the Eurasianists they have been developing at the beginning. Also, it is expressed in using terms accepted in natural sciences by the Eurasianists.

The author pays special attention to influence of Dmitri Mendeleev's views on Russia's future that were accepted by the Eurasianists: in particular on building the Russia's economy upon terms of community spirit and of separate undertaking. Mendeleev strongly believed in combination of typical for Russia co-operative household and a private undertaking. These Mendeleev's views reflected in the Eurasianists' economic convictions.

The author concludes: Dmitri Mendeleev famous mostly as successful naturalist was able to generate and clearly tell down some social and humanitarian views that had deep influence on the Eurasianism doctrine.

Key words: *geographical determinism, medial continent, geopolitical space, a cultural identity, Russia's social and economic development.*

УДК 32.019.52::[316.324.8:316.75](4/5)

DOI: 10.32340/2541-772X-2018-1-8-11

References

1. *Savitskii P. N.* Izbrannoe [Selected]. Moscow, 2010. 776 p. [In Russ.].
2. *Mendeleev D. I.* K poznaniyu Rossii [To the Comprehension of Russia]. URL: http://az.lib.ru/m/mendeleew_d_i/text_1906_k_poznaniu_rossii.shtml (18.01.2018). [In Russ.].
3. *Mendeleev D. I.* *Zavetnye mysli* [Precious Thoughts]. URL: http://az.lib.ru/m/mendeleew_d_i/text_1905_zavetnye_mysli.shtml (8.03.2018). [In Russ.].
4. *Savitskii P. N.* Evrazijskoe kak istoricheskij zamysel [The Eurasianism as Historical Project]. URL: <http://gumilevica.kulichki.net> (13.02.2018). [In Russ.].

Л. Г. Гусякова, доктор социологических наук, профессор,
международный магистр социальной работы
Алтайский государственный институт культуры (Барнаул, Россия)
guslyakova@mail.ru

С. И. Григорьев, доктор социологических наук, профессор,
член-корреспондент Российской академии образования
Институт художественного образования и культурологии
Российской академии образования (Москва, Россия)
garry_2005@mail.ru

Г. В. Говорухина, кандидат социологических наук, доцент
Алтайский государственный институт культуры (Барнаул, Россия)
govorgv@gmail.com

СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО ЕВРАЗИЙСТВА В ОЦЕНКАХ ЭКСПЕРТОВ

Аннотация. На основе анализа результатов международного опроса, проведенного авторами в 2012 г., выявлены отношение экспертов к евразийству и оценка его значения для развития социокультурного пространства славянского мира. Авторы отмечают: сосуществование различных подходов к пониманию феномена евразийства обуславливает необходимость разработки уточнённой стратегии дальнейшего исследования евразийства в целом и особенностей культур стран Евразии в частности.

Ключевые слова: *евразийство, социокультурное пространство, евразийская идеология, славянский мир, экспертный опрос, национально-государственная безопасность.*

Евразийская идеология и политика, евразийские исследования ученых и педагогов на рубеже XX–XXI веков вновь еще более масштабно заявили о себе. Они были стимулированы, очевидно, в главном двумя основными группами факторов и условий современного общественного развития: во-первых, углублением и продолжением исследований глобальных и локальных рисков возможного самоуничтожения человечества в его нынешнем развитии; во-вторых, теми признанными явлениями, изменения которых нарастают в условиях возникновения переходного периода человечества к новому типу цивилизационного развития, к обществу цивилизации управляемой социоприродной эволюции, где формируются новые отношения

между людьми и социальными институтами, новая взаимозависимость людей по поводу собственности и власти, современные формы их организации.

В настоящее время в развитии национальных государств как больших общественных систем сочетаются интернационализм, поликультурализм и культурный национализм, патриотизм, сохранивший государственность, а также основы международного, межгосударственного сотрудничества. В последней трети XX века убедительно проявилась закономерность сочетания этих тенденций. В частности, на фоне эволюции глобализма, активизации международных информационно-коммуникационных связей и финансового, политического сотрудничества, развития транснациональных корпораций и общественных

организаций возникло более 70 новых национальных государств, сохранивших этнокультурную идентичность своих народов, их социальную безопасность и суверенитет.

В таких условиях идеология евразийства, учитывающая особенности культур стран Евразии, близких по ментальности и их жизненному пространству, стала мощным средством реализации мировых и национальных, а также региональных процессов прогрессивного общественного и личностного развития. Сохраняя народы и государства Евразии, их культуры и жизненный потенциал, евразийская идеология стимулирует прогрессивное международное, глобальное развитие, обеспечивает его безопасность. Развитие России в XXI веке стратегически и локально-регионально, национально-культурно связано именно с этим.

В настоящее время существуют различные трактовки понимания евразийства [1–4 и др.]. Целью исследования, проводимого нами с 2012 года в России под эгидой Международного фонда славянской письменности и культуры в рамках международного проекта «Евразийская идеология для России и славянского социокультурного пространства», стало выявление оценок экспертами роли евразийства в развитии славянских народов, славянского мира в целом, а также его влияния на идеологию и политику евразийства [5–6].

Это исследование позволило решить целый ряд задач, касающихся оценки восприятия и использования евразийской идеологии в современной России, где решается стратегически значимый вопрос поиска оптимального национально-государственного пути развития в XXI веке, так называемого «третьего пути», который не является ни капитализмом, ни социализмом, ни западным и ни восточным вариантом общественного прогресса. Он должен стать «евразийским», что требует развития и применения соответствующей идеологии и политики, адекватной социокультурным основам народов Евразии, их культур.

При решении поставленных задач были получены результаты, раскрывающие характер оценок роли евразийства, данных экспертами. Так, на вопрос: «Как Вы оцениваете в главном значимость евразийской идеологии для развития современного славянского мира?», – были выявлены следующие распределения экспертных оценок:

- это очень важное основание единения народов славянских стран (23 %);
- это достаточно значимое явление, фактор единения стран и народов славянского мира (17 %);
- эта идеология может иметь и уже имеет как позитивные, так и негативные результаты влияния на развитие славянского мира (19 %);
- это – относительно слабый, малозначительный фактор для развития стран и народов славянского мира (13 %);

– это – весьма вредное для современного славянства идейно-политическое течение современности (8 %);

– другое (2 %);

– трудно сказать (3 %).

По преимуществу, позитивные оценки в данном распределении, как можно заметить, дают 40 % участников экспертного опроса. Еще 19 % экспертов дали на этот вопрос противоречивые оценки, в которых предполагается возможность как позитивных, так и негативных результатов использования евразийской идеологии в славянском мире. Таким образом, при вполне определенном доминировании количества тех, кто позитивно оценивает ее роль в славянском мире (40 %) нельзя не видеть и не учитывать того, что доля экспертов, относящихся к ней, по преимуществу, критически (21 %) или противоречиво (19 %) тоже велика. В этой связи принципиально важно учитывать мотивацию позитивных и отрицательных экспертных оценок идеологии евразийства в славянском мире.

В контексте осмысления данной проблематики существенно значимы результаты оценки экспертами отношения большинства населения России к идее евразийства, единения народов и государств Евразии. Эти оценки выглядят следующим образом:

– однозначно положительно – 20 %;

– главным образом, чаще положительно – 18 %;

– противоречиво, в чем-то положительно, в чем-то нет – 20 %;

– главным образом, отрицательно – 16 %;

– однозначно отрицательно – 8 %;

– другое – 2 %;

– трудно сказать – 16 %.

Такое распределение экспертных оценок свидетельствует о доминировании позитивного отношения населения современной России к евразийской идеологии – такое отношение выразили 38 % опрошенных экспертов. Еще 20 % участников констатировали противоречивое отношение жителей современной России к евразийству; отрицательное отношение к евразийству отметили 24 % опрошенных, еще 16 % из них затруднились с ответом. Эти данные обозначили проблемный характер развития представлений населения России об евразийстве.

При этом очевидно, что евразийская идеология, как свидетельствует наше экспертное исследование, имеет не только сторонников, но и противников. Это, как и другие результаты исследования, может и должно использоваться не только наукой, но и практикой. При этом мы обязаны учитывать основные условия и факторы современного развития России, которые препятствуют развитию евразийской идеологии в нашей стране, ее использованию в разработке и реализации

«третьего пути» развития российского общества в XXI столетии.

В частности, мы должны, как минимум, учитывать тот факт, что развитию евразийской идеологии в современной России противодействуют следующие причины: во-первых, прозападный характер радикальных либерально-рыночных реформ последнего 20-летия, а также наличие сегодня в России активных политических групп прозападной ориентации, дискредитирующих, отрицающих целесообразность евразийской идеологии; во-вторых, нельзя не учитывать сохраняющиеся левосоциалистические группировки глобально-интернационалистической ориентации, которые также выступают против евразийства и соответствующей идеологии и стратегии развития российского общества; в-третьих, рост массовости индифферентных масс, выживающих в условиях бедности, ухода современного российского государства из социальной сферы. Они игнорируют евразийство и его идеологию по причине ухода из политики, общественной жизни только в быт, в сферу выживания, сохранения физического существования; в-четвертых, разнообразие трактовок евразийства, его концептуального обоснования, что порождает разобщенность не только в среде интеллектуалов, интеллигенции, но и политиков, населения страны в целом; и др. Все это и многое другое следует учитывать и корректировать в прогрессивном направлении развития России, в интересах ее обеспечения национально-государственной безопасности.

Таким образом, проведенный в России экспертный опрос выявил вполне определенные масштабы симпатий и антипатий, критического настроения экспертов к евразийству, евразийской идеологии, о которой активно вновь заговорили в последние годы, что требует дальнейшего исследования этой

проблематики в России, на Украине и Белоруссии. Сопоставление оценок евразийской идеологии экспертами и населением славянских стран позволит разработать стратегию оптимизации сотрудничества субъектов социокультурного пространства славянского мира.

Список литературы

1. Дугин А. Г. Евразийский путь как национальная идея // Евразийское обозрение. 2003. № 9. [Б. с.].
2. Мисонжников Б. Я. Евразийство: речная гладь и пороги (медийный фактор решения проблем) // Современная периодическая печать в контексте коммуникативных процессов. Будущее Евразии (медийно-политический дискурс). Санкт-Петербург, 2018. С. 26–35.
3. Фарбер В. А. Евразийская интеграция как фактор укрепления экономической безопасности России // Современная периодическая печать в контексте коммуникативных процессов. Будущее Евразии (медийно-политический дискурс). Санкт-Петербург, 2018. С. 60–63.
4. Флоровский Г. В. Евразийский соблазн // Новый мир. 1991. № 1. С. 180–182.
5. Гулякова Л. Г., Григорьев С. И., Говорухина Г. В. Евразийская идеология в оценках экспертов // Современная периодическая печать в контексте коммуникативных процессов. Будущее Евразии (медийно-политический дискурс). Санкт-Петербург, 2018. С. 14–17.
6. *Евразийская идеология и «третий путь» социального развития России: контекст современного славянского социокультурного пространства (материалы всероссийского экспертного опроса по программе международного проекта)*. Москва, 2012. 63 с.

Liudmila G. Guslyakova, Doctor of Sociology Sciences, International Master of Social Work, Professor
Altai State Institute of Culture (Barnaul, Russia)
guslyakova@mail.ru

Sviatoslav I. Grigoriev, Doctor of Sociology Sciences, Professor,
Corresponding Member of the Russian Academy of Education
Institute of Artistic Education and Cultural Studies of the Russian Academy of Education (Moscow, Russia)
garry_2005@mail.ru

Galina V. Govorukhina, Ph. D. in Sociology, Associate Professor
Altai State Institute of Culture (Barnaul, Russia)
govorgv@gmail.com

THE EURASIANISM'S SOCIAL AND CULTURAL SPACE IN THE EXPERTS' ASSESSMENTS

Summary. The philosophy of the Eurasianism and state policy inspired by the Eurasianists' ideas show themselves again at the turn of the 20th and 21st centuries. Scientific research led at this field determined by two key framework of factors: firstly, by deepening of research in global and local risks of the mankind's self-destruction; secondly, by changes came out of the hu-

manity's transit to a new type of a civilizational development – to a society of a civilization managed by social and natural evolution.

At the present day, there are different variants of reading the “Eurasianism” concept. The article presents some results of the research work aimed at finding out experts' assessment of the Eurasianism's role in Slavic

ethnoses' development, in development of the Slavic world in general, as well as its influence on ideology and policy of the Eurasianism. The research let the authors to solve the set of tasks touched with today's Russia's people's perception of the Eurasianism. In the 21st century, Russia is in search of right way of state and ethnical development, so-called "the third way". The paper gives a sense of experts' views on a question of the Eurasianism's place in today's Russia's ideological landscape.

The expert poll clears up levels of specialists' liking and disliking of the Eurasianism's philosophy and ideology which are on the agenda again; that claims a need to continue studies of this question (in Russia, in Ukraine, in Belorussia). Comparison of the experts' assessments towards the Eurasianism's ideology with the one given by peoples who live in Slavic countries would let the specialists to elaborate a strategy of good partnership between the actors of social and cultural space of the Slavic world.

Key words: *The Eurasianism, social and cultural space, the Eurasianism ideology, Slavic World, an expert poll, national security.*

References

1. *Dugin A. G.* Evrazijskij put' kak nacional'naya ideya [The Eurasian Path as a National Purpose and Direction] // *Evrazijskoe obozrenie* [The Eurasian Review]. 2003. No. 9. [No inf.]. [In Russ.].

2. *Misonzhnikov B. Ya.* Evrazijstvo: rechnaya glad' i porogi (mediumicheskij faktor resheniya problem) [The Eurasianism: a River's Smooth Surface and Rapids] // *Sovremennaya periodicheskaya pechat' v kontekste kommunikativnyh processov.* Budushchee Evrazii

(medijno-politicheskij diskurs) [Today's Periodical Press in a Context of Communicative Processes. The Eurasia's Future (Media and Political Discourse)]. Saint-Petersburg, 2018. Pp. 26–35. [In Russ.].

3. *Farber V. A.* Evrazijskaya integraciya kak faktor ukrepleniya ehkonomicheskoy bezopasnosti Rossii [The Eurasian Integration as a Condition for Strengthening Russia's Economic Safety] // *Sovremennaya periodicheskaya pechat' v kontekste kommunikativnyh processov.* Budushchee Evrazii (medijno-politicheskij diskurs) [Today's Periodical Press in a Context of Communicative Processes. The Eurasia's Future (Media and Political Discourse)]. Saint-Petersburg, 2018. Pp. 60–63. [In Russ.].

4. *Florovskij G. V.* Evrazijskij soblazn [The Eurasian Temptation] // *Novyj mir* [The New World]. 1991. No. 1. Pp. 180–182 (?). [In Russ.].

5. *Guslyakova L. G., Grigoriev S. I., Govoruhina G. V.* Evrazijskaya ideologiya v ocenah ehkspertov [The Eurasianism Ideology in Experts' assessment] // *Sovremennaya periodicheskaya pechat' v kontekste kommunikativnyh processov.* Budushchee Evrazii (medijno-politicheskij diskurs) [Today's Periodical Press in a Context of Communicative Processes. The Eurasia's Future (Media and Political Discourse)]. Saint-Petersburg, 2018. Pp. 14–17. [In Russ.].

6. *Evrazijskaya ideologiya i "tretij put'" social'nogo razvitiya Rossii: kontekst sovremennogo slavyanskogo sociokul'turnogo prostranstva (materialy vserossijskogo ehkspertnogo oprosa po programme mezhdunarodnogo proekta)* [Eurasian Ideology and the "Third Way" of Russia's Social Development: Context of the Modern Slavic Social and Cultural Space (materials of the all-Russian Expert Survey on the International Project Program)]. Moscow, 2012. 63 p. [In Russ.].

УДК 130.2:159.922.4(4/5)

DOI: 10.32340/2541-772X-2018-1-11-15

В. И. Матис, доктор педагогических наук, профессор
Алтайский государственный институт культуры (Барнаул, Россия)
vmatis@rambler.ru

РОЛЬ ДУХОВНОГО НАСЛЕДИЯ В ФОРМИРОВАНИИ ЕВРАЗИЙСКОЙ ПОЛИКУЛЬТУРЫ

Аннотация. В статье на основе поликультурного подхода в образовании и культурной сфере представлены условия формирования евразийского культурного пространства, охарактеризована его структура, где совокупность национальных культур – это проявление и выражение интересов всех этнических культур в общей культуре. Евразийская культура, обогащаясь национальными особенностями народов региона, представляет собой не механистическое соединение, а интеграцию различных культур. Интеграция заключается в сохранении в евразийской культуре самых важных и определяющих особенностей национальной культуры.

Ключевые слова: *евразийская культура; поликультурное сообщество; картина мира; глобализационные процессы; взаимообогащение культур; этнопедагогические особенности; межкультурное сотрудничество; культура межнационального общения; модели поликультурного общества; социально-культурные условия; компоненты евразийского культурного пространства; задачи формирования евразийской культуры; знаниевый, мировоззренческий, поведенческий компоненты формирования культуры межнационального общения; межкультурные компетенции.*

Понятия культура и цивилизация на протяжении многих исторических периодов использовались в разных целях и имели различные значения. В настоящее время широкое использование таких понятий, в контексте евразийской культуры и евразийской цивилизации связаны с их теоретическим значением. Появление понятия «евразийская культура», свидетельствует об усилении взаимосвязей между всеми народами и взаимопроникновении культур, становлении и формировании современной цивилизации на огромной территории Европы и Азии [11].

Феномен евразийства предполагает комплексный подход в изучении духовного наследия народа. В том числе, как это представляют в своих исследованиях некоторые авторы – религиозно-мифологические воззрения, эпические произведения, архитектура и музыка, во многом определяющие культурный ландшафт Евразии. Это явление постепенно, но необратимо превращается в противоречивый, но единый системный комплекс, который развивается во многом стихийно, сталкивается со своими собственными ограничениями, но, тем не менее, развивается и обогащается.

Анализируя суть самого понятия, различие подходов, методологии разных наук и другие аспекты изучения евразийства, можно обозначать некоторые особенности культур Евразии в его территориальном значении. Евразийская культура представляет собой взаимодействие и сосуществование в рамках формирования функционирования и развития единой культурной системы генетически, типологически и территориально различных культур: европейской и азиатской. Эта характерная черта нашла своё отражение во многих культурных памятниках и трудах. Н. С. Трубецкой и Г. В. Вернадский, например, составляя каталог языковых, этнических, религиозных, бытовых и культурных традиций Евразии, старались доказать наличие «единства в многообразии» на этом пространстве [4].

Этот методологический принцип в определении евразийства и в настоящее время не утратил своего значения и актуальности, и вполне применим для определения поликультурного общества. «Характеристика поликультурного общества, как новой целостности, на наш взгляд, может иметь различные основания, но в основе своей все они так или иначе будут затрагивать взаимоотношения между этносами, конфессиями и различными культурами, перспективы взаимодействия и взаимосвязей между всеми субъектами [1, с. 5–41]. «Если эти индикаторы взять за основу, то типологизация может выглядеть как несколько моделей поликультурного общества» [7, с. 137].

Можно согласиться с авторами, предлагающими для анализа евразийства или поликультурного общества три основных уровня: «континентальный, региональный и государственно-страновой (локальный). В континентальном контексте евразийское пространство предстает как мультицивилизационное про-

странство. Оно объединяет множество этносов, государств, языков, разных систем. Именно такая модель характеризуется «многообразием в едином. Это перспективная целостность, использующая стратегию демократического объединения народов и их культур для прогрессивного продвижения общества к более высшим формам. Образное представление такой модели может ассоциироваться с многоцветной гармонией красок в единой цельной картине» [7, с. 139].

На региональном уровне предполагает рассмотрение русской, тюркской, китайской, дальневосточной и других культурных общностей как региональных культур и цивилизаций Евразии. В XX в. понятие цивилизаций расширилось до обозначения всего сообщества людей, объединенных основополагающими духовными ценностями, устойчивыми чертами социально-политической организации, культуры, экономики и чувством принадлежности к этому сообществу. Важнейшей характеристикой цивилизации является культура в совокупности ее материально-технических, социальных и духовных ценностей. В таком общем значении употребляются понятия российской, японской, европейской, азиатской, американской, западной, восточной цивилизации, обозначая особые черты и признаки соответствующих обществ.

Примером здесь может быть концепция круговорота цивилизаций А. Тойнби («Постижение истории»), который исследует пять живых цивилизаций: западную, православно-христианскую, исламскую, индуистскую, дальневосточную, и тридцать две мертвых цивилизаций, проходивших такие фазы жизненного цикла, как возникновение, рост, надлом, распад [9]. В это же русло классификации укладывается и волновая теория Э. Тоффлера [10], согласно которой первая волна «неолитической революции» привела к созданию сельскохозяйственных обществ, вторая – промышленная революция – ознаменовала приход индустриальных обществ, а третья (с конца XX в.) означала переход к постиндустриальному обществу и складыванию единой мировой цивилизации. Конечно, во втором десятилетии XXI века можно говорить о некоторой недосказанности и после постиндустриального общества уже утвердилось информационное общество и теперь становится понятно, что на этом развитие не заканчивается...

Методология третьего подхода основывается на анализе артефактов локальной культуры» [2], которые также подтверждают близость культур их взаимозависимость и взаимосвязи.

Сегодня евразийский мир – это пестрая картина национального многообразия, которая не упрощается, а постоянно усложняется и, тем самым, обогащает все человечество, развивает его цивилизованность. Все это один из важнейших аспектов национальных процессов, и в то же самое время – характеристика современного поликультурного сообщества [6].

Философско-методологическое осмысление, выявление универсальных парадигм духовности

явились предметом многочисленных культурологических концепций. Отдельными авторами [2; 3], предложены новые социальные ракурсы в освещении теории и истории национальной, этнической культуры с учетом духа, духовности и типов мышления, мировоззренческой ориентации.

Н. С. Трубецкой в своих исследованиях отмечал важную роль русского народа в евразийском пространстве [11]. Русский народ представляет собой связующий элемент в евразийском национальном разнообразии. Автор отмечал, что без русского народа «нет перехода от одного евразийского звена к другому, нет целостности, придающей смысл всем остальным частям. И при этом русская культура, пополняемая элементами культур других народов Евразии, должна стать базой наднациональной евразийской культуры, которая служила бы потребностям всех народов России – Евразии, не стесняя их национальных особенностей» [4, с. 142].

В сегодняшнем, пронизанном коммуникациями мире, с повышенной миграционной мобильностью, взаимосвязями и взаимозависимостями культур и народов идут сложные процессы ассимиляции, сближение некоторых позиций в духовной жизни, религиях [5; 6; 7]. Для народов России или других евразийских стран очень важно найти своё место в этих процессах, сохраняя свой уникальный духовный строй.

Однако сохранение духовной жизни и духовных особенностей не может означать изоляцию, определенную закрытость, хотя может существовать и такая модель поликультурного общества – однообразное единое. Достижению целей такой модели общества способствуют различные доктрины «стирания граней», «стирания существенных различий», «создания монолитного общества» и т. д. Такая целостность, на наш взгляд, «бесперспективная, поскольку, как правило, сопровождается жестким подавлением уникального разнообразия различных этнических, региональных, местных и других особенностей» [7, с. 139]. Но, как показывает практика, нивелировки, в конце концов, не происходит, а культуры разобщаются, отдаляются.

Невозможно сегодня быть закрытой страной, как нельзя оставаться и одинокой. Если допустить, что национальные, культурные особенности и различия этносов в евразийском регионе окажутся закрытыми, то они приведут к неблагоприятным последствиям. Изолированные страны и народы отстают в своем социально-культурном развитии, и имеют шанс рано или поздно исторически проиграть.

Поскольку с одной стороны замкнутость и изоляция – «неспособность к диалогу» тормозит процесс формирования поликультурного сознания и создание условий для взаимодействия и сотрудничества народов, обогащения культур. С другой стороны, нивелирование и унификация культур, например, национальных, конфессиональных или духовной жизни в целом, могут привести к утрате стержневого начала национальной культуры и размыванию системы цен-

ностей. Что также не способствует интеграции и взаимообогащению.

Поскольку ни первое, ни второе не способствуют объективным процессам взаимодействия и сотрудничества стран евразийского региона, именно разумное сочетание двух подходов позволит выработать следующее представление об аксиологии современного мира: жизнеспособные и гармоничные мировоззренческие установки формируются в лоне национальных культур, создавая органическое единство материального и духовного начал для взаимодействия и сотрудничества. В этом одна из важнейших установок поликультурного общества – «многообразия в едином».

Долгое время мы были достаточно закрытым обществом и не накопили опыта интеграции при общении и сотрудничестве. Поэтому утверждая и признавая фундаментальный дуализм христианской и постхристианской цивилизаций, например, нам необходимо взять на себя ответственность за то, чтобы безусловное различие цивилизаций не переходило в «конфликт цивилизаций», развивалось в режиме их диалога, чтобы культуры не разделялись или ассимилировались, а интегрировались и дополняли друг друга.

Идя навстречу всем мирным и созидательным инициативам, исходящим от Запада, мы должны твердо блюсти собственную цивилизационную, духовную идентичность, в уникальности которой убеждено подавляющее большинство россиян. Более того, мы должны углублять идентичность, укрепляя в творческом диалоге и с Западом и с нехристианским, неправославным Востоком наше собственное цивилизационное, русское, евразийское «я».

В связи с этим возникает необходимость изучения путей евразийских стран, которые, существуя в такой степени общения в течение столетий, смогли сохранить присущую им национальную самобытность.

Для устойчивого развития современного поликультурного мира необходимо учитывать две основные тенденции: с одной стороны, неизбежность самого процесса глобализации, обуславливаемого, в первую очередь, экономическими причинами, с другой стороны, необходимость сохранения духовности, складывающейся в шкалу ценностей современного человека в рамках национальных, региональных и конфессиональных культур.

Для формирования поликультурного сознания, конструктивного диалога культур и цивилизаций необходимо определение базовых ценностей современной евразийской цивилизации. Такой подход позволит создать условия для выявления все большего числа точек соприкосновения между различными культурами для последующего диалога.

Поэтому необходимо сознавать важную роль сохранения национальной идентичности при определении общего вектора развития как пути глобализации, который неизбежен и в сфере культурного сознания. В этой связи особое значение приобретают

национальные культуры в поликультурном евразийском регионе, репрезентирующие культурное многообразие [8]. Необходимость их включения в общее русло формирующегося поликультурного сознания определяет пристальный интерес и внимание к ним, к этапу их самоидентификации, утверждения своей идентичности для дальнейшего определения своей роли и места в современной евразийской культуре.

Следует помнить, что в результате анализа современных исследований можно предположить, что индоевропейская общность формировалась в степях юго-восточной Европы. Данные археологии, которые относят это время к периоду так называемой срубной культуры, и данные сравнительной лингвистики, этнографии, антропологии, истории позволяют сделать вывод о несомненной общности того большого этнического массива, в котором будущие ведические арии-скотоводы теснее других соседствовали с праславянами-пахарями. Это означает, что наши культуры больше сближает, нежели разделяет общая история.

Таким образом, в понятии культура Евразии выдвигаются территориальные и этнические критерии. К ней могут быть отнесены культуры государств и этносов, населяющих пространство Евразии. В этом понятии акцентируется внимание на национальных особенностях культуры, а связь между ними формируется по принципу территориальной близости и общности культурных традиций, а вместе с ними возрастает роль духовного наследия в формировании евразийской поликультуры.

Если эти требования современной цивилизации соблюдаются, то сохраняется и надежда, что поликультурное сознание и поликультурное мышление все более прочно будут входить в плоть и кровь носителей евразийской культуры, а это, на наш взгляд, залог взаимопонимания и налаживания конструктивных диалогов между культурами.

Рассматривая культуру конкретного этноса во всём богатстве его индивидуальных личностных

качеств личности, как всеобщего родового существа, как активную часть всей живой природы, выделим идеальное его качество как то, которое, в первую очередь, делает его человеком той или иной культуры, и в котором сплетаются всеобщие, общие и единичные объединяющие его со всем живым родовые и индивидуальные черты культуры и сознания.

Список литературы

1. Амоглонова Д. Д. Буддизм в Бурятии: Российское государство и конфессиональная конкуренция // Страны и народы Востока. Москва, 2015. Вып. XXXVI: Религии на Востоке. С. 50–41.
2. Аязбекова С. Ш. «Культура Евразии» и «евразийская культура». URL: <http://www.viaevrasia.com/ru/культура-евразии-и-евразийская-культура-сабина-аязбекова.html> (12.01.2018).
3. Криштанович Л. Е. Беларусь как русская святая земля. Минск, 2012. 141 с.
4. Ларюель М. Идеология русского евразийства или мысли о величии империи. Москва, 2004. 287 с.
5. Маняхина М. Р. Конфессиональные особенности сибирской культуры Нового времени // Поликультурное пространство Российской Федерации. Санкт-Петербург, 2013. С. 223–241.
6. Матис В. И. Культура межнационального общения в системе социально-национальных связей на Алтае. Барнаул, 2017. 316 с.
7. Матис В. И. Поликультурное образование в современном обществе. Барнаул, 2016. 307 с.
8. Русский узел евразийства. Восток в русской мысли. Москва, 1997. 526 с.
9. Тойнби А. Д. Постигание истории. Москва, 2010. 640 с.
10. Тоффлер Э. Шок будущего. Москва, 2002. 557 с.
11. Трубецкой Н. Наследие Чингисхана // Общеславянский элемент в русской культуре. Москва, 2007. 287 с.

Vladimir I. Matis, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor
Altai State Institute of Culture (Barnaul, Russia)
vmatis@rambler.ru

SPIRITUAL HERITAGE IN THE EURASIAN CULTURE FORMING

Summary. The article describes some terms of the Eurasian cultural space forming, its structure where composition of ethnic cultures is an expression of their needs and favors in common culture. The more local ethnic communities' cultural peculiarities will find their own reflections in common Eurasian culture, the more stable the Eurasian *multiculture* will be. The Eurasian culture enriching with the Eurasian area ethnic groups' cultural specific is not mechanical summation of cultures, but live integration of different cultural organisms. And the integration here is in preservation of the most important ethnic peculiarities in context of the joint Eurasian culture.

The author notes today's trends in interrelations between cultures, offers to consider some methodological approaches to the interaction. Compliance with the requirements of the modern civilization is a pledge for entree of multicultural thinking into the Eurasia inhabitants' consciousness, which is in the author's opinion, is a guarantee of understanding between cultures, of healthy many-sided intercultural dialogue.

Keywords: *the Eurasian culture; multicultural society; picture of the world; globalization processes; mutual enrichment of cultures; ethnic and pedagogical peculiarities; intercultural cooperation; culture of inter-ethnic*

communication; models of multicultural society; social and cultural context; elements of the Eurasian cultural space; tasks of the Eurasian culture forming; a personality's knowledge, worldview, and behavior as subcomponents of inter-ethnic communication culture; intercultural competences.

References

1. *Amogolonova D. D.* Buddizm v Burjatii: Rossijskoe gosudarstvo i konfessional'naja konkurencija [Buddhism in Buryatia: Russian State and Inter-Confessional Antagonism] // *Strany i narody Vostoka* [Countries and Peoples of the East]. Moscow, 2015. Is. 36: Religii na Vostoke [Faiths in the East]. Pp. 50–41. [In Russ.].

2. *Aiazbekova S. Sh.* «Kul'tura Evrazii» i «evrazijskaja kul'tura» [“The Culture of the Eurasia” and “The Eurasian Culture”]. URL: <http://www.viaevrasia.com/ru/культура-евразии-и-евразийская-культура-сабина-аязбекова.html> (12.01.2018). [In Russ.].

3. *Krishtapovich L. E.* Belarus' kak russkaja svjatynja [Belarus – the Russian Sacred Object]. Minsk, 2012. 141 p. [In Russ.].

4. *Laruelle M.* Ideologija russkogo evrazijstva ili mysli o velichii imperii [Russian Eurasianism Ideology or Thoughts about the Empire's Mightiness]. Moscow, 2004. 287 p. [In Russ.].

5. *Manjahina M. R.* Konfessional'nye osobennosti sibirskoj kul'tury Novogo vremeni [Confessional Peculiarities of Siberian Culture in Modern Era] // *Polikul'turnoe prostranstvo Rossijskoj Federacii* [Multicultural Space in the Russian Federation]. Saint-Petersburg, 2013. Pp. 223–241. [In Russ.].

6. *Matis V. I.* Kul'tura mezhnacional'nogo obshhenija v sisteme social'no-nacional'nyh svjazej na Altae [Culture of Inter-Ethnic Communication in Context of Social and Ethnical Relations in the Altai Region]. Barnaul, 2017. 316 p. [In Russ.].

7. *Matis V. I.* Polikul'turnoe obrazovanie v sovremennom obshhestve [Multicultural Education in the Modern Society]. Barnaul, 2016. 307 p. [In Russ.].

8. *Russkij uzal evrazijstva. Vostok v russkoj mysli* [The Russian Center of the Eurasianism. The East in Russian Philosophical Thought]. Moscow, 1997. 526 p. [In Russ.].

9. *Toynbee A. D.* Postizhenie istorii [A Study of History]. Moscow, 2010 640 p. [In Russ.].

10. *Toffler A.* Shok budushhego [The Future Shock]. Moscow, 2002. 557 p. [In Russ.].

11. *Trubetskoy N. S.* Nasledie Chingishana [The Legacy of Genghis Khan] // *Obshheslavjanskij jelement v russkoj kul'ture* [Common-Slavic Component in the Russian Culture]. Moscow, 2007. 287 p. [In Russ.].

РАЗДЕЛ II

ИССЛЕДОВАНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ ЕВРАЗИЙСКОГО РЕГИОНА: ОПЫТ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

УДК 161.14:130.2(4/5)

DOI: 10.32340/2541-772X-2018-1-16-21

С. Ш. Аязбекова, доктор философских наук, профессор,
International Academy of Science and Higher Education (Великобритания), академик
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, казахстанский филиал (Астана, Казахстан)
ayazbekova@mail.ru

КУЛЬТУРА В ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА И СОВРЕМЕННОСТЬ

Аннотация. Статья посвящена проблеме научного осмысления феномена евразийского культурного пространства. В основе анализа – понятие «евразийская культура», введенное в научный оборот классиками филологии евразийства. Автор фокусирует своё внимание на необходимости переосмысления содержания понятия «евразийская культура» в свете результатов современных генетических, исторических и культурологических исследований с учётом характера и динамики актуальных геополитических процессов. Сформулированные автором теоретические положения рассматриваются сквозь призму практики – на примере алтайской культуры, исторически входящей в состав тенгрианской, скифо-сакской и тюркской цивилизаций. Современный этап развития евразийского типа культуры характеризуется конкуренцией двух разнонаправленных тенденций, одна из которых связана со стремлением интеграции в глобализированный культурный контекст, а другая – со стремлением к сохранению этнокодифицирующих свойств культуры.

Ключевые слова: евразийское культурное пространство, евразийская культура, алтайская культура, тенгрианская, скифо-сакская и тюркская цивилизации, глобализация и мировые культурные универсалии.

Современные исследования археогенетиков свидетельствуют о том, что 2 млн лет назад *Homo erectus*, а затем и *Homo sapiens*, мигрировав из Африки, заселили Евразию. Стало быть, именно с этого времени в Евразии возникает и культурное пространство.

Данные палеогенетических исследований свидетельствуют также и о том, что в результате миграций и адаптаций «культуры раннего этапа верхнего палеолита в Африке, Европе, Восточной Азии и Австралии существенно отличаются друг от друга» [1].

Сегодня нам известны и результаты расшифровки генома неандертальцев, которые подтвердили версию о скрещивании *Homo sapiens* и неандертальцев 45 тыс. лет назад [2]. В это время в результате миграций со Средней Азии и с Ближнего Востока *Homo sapiens* со своими более развитыми технологиями, языком и культурой появился в Европе, постепенно ассимилировав и вытеснив обитавших здесь неандертальцев на Пиренейский полуостров [3, 4]. Соответственно, этот факт можно отнести к одному из ранних контактов культур Европы и Азии.

О многом могут говорить и найденные останки Денисовского человека, проживавшего на Алтае 40 тыс. лет до н. э. Именно они позволили профессору Сванте Паабо обосновать утверждение о том, что в

этот исторический период Запад заселяли неандертальцы, а Восток – *Homo altaiensis*. Палеогенетические исследования говорят и об их смешении [5]. Эти данные могут также свидетельствовать о ранних контактах культур Азии и Европы.

Почему сегодня мы обращаемся к этим результатам палеогенетиков? Прежде всего потому, что они позволяют переосмыслить устоявшиеся теоретические положения классического евразийства.

Понятие «евразийская культура» в концепции евразийства.

В одной из своих работ я уже останавливалась на онтологическом, семантическом, аксеологическом и политическом контексте понятия «евразийская культура» в концепциях евразийства [6], поэтому обозначим здесь лишь базовые характеристики.

Российские историки и философы, сформировавшие в прошлом веке геополитическое и социально-философское учение «евразийства», определили первоначальную форму и сущность бытия евразийской культуры. Границы эти исходят из признания географической целостности русской культуры, что дало основание евразийцам структурировать евразийский материк следующим образом: «1) срединный континент или собственно Евразию и два

периферических мира; 2) азиатский (Китай, Индия, Иран) и 3) европейский, граничащий с Евразией, примерно по линии реки Неман – Западный Буг – Сан-Устье Дуная» [7, с. 132].

В концепции евразийцев такое географическое членение Евразии прослеживаются исключительно в контексте русской государственности. Поэтому и понятие «евразийская культура» было ассоциировано с Российской империей, а затем – и с Советским государством как «срединной частью» Евразии, которая была представлена как особый этнографический мир – культурно-исторический тип, занимающий «срединное» место между Европой и Азией» [8, с. 105].

Однако сегодня очевидно несоответствие этой градации с общенаучными географическими представлениями, согласно которым Евразия как континент состоит из двух основных частей – Европы и Азии. Согласно классификации ООН, Россия является составляющей частью Восточной Европы. При этом документами ООН признается изменчивость и контекстная зависимость термина «Восточная Европа», которая понимается как «социальная и культурная конструкция» [9].

Евразийское культурное пространство и евразийская культура: понятийный контекст.

Суть нашего подхода – в понимании евразийской культуры как особого типа культуры, локализованного не только в России, но и во многих регионах и цивилизациях Евразии, начиная с периода палеолита [10]. По нашему представлению, евразийская культура бикультурна по своей структуре, она представляет собой ту типологическую общность, в основе которой – взаимодействие и сосуществование в рамках формирования и функционирования единой культурной системы двух типологически и территориально различных культур: европейской, с одной стороны, и азиатской – с другой.

Продолжая осмысление евразийской культуры с точки зрения географического подхода, нами были выделены три основных уровня рассмотрения: континентальный, региональный и локальный (государственно-страновой).

В континентальном контексте евразийское пространство предстает собой мультицивилизационное пространство, объединившее множество культур, этносов, государств, конфессий, языков, различных социальных, политических и экономических систем.

Общность культур евразийского пространства может быть выявлена и на региональном уровне. Такой подход предполагает рассмотрение отдельных локальных цивилизаций Евразии.

Что касается государственно-странового подхода к изучению культур Евразии, то его методология зачастую основывается на анализе артефактов локальной культуры.

Исходя из этого, говоря о евразийском типе культуры, мы подразумеваем тот тип культуры, который сложился в процессе взаимодействия культур Европы и Азии [11; 12; 13].

Рассмотрим данное положение в практической плоскости – на примере алтайской культуры.

Алтайская культура и ее роль в формировании евразийской культуры.

Культура Алтая с периода палеолита формировалась и развивалась в русле азиатских культурных традиций. Об этом же свидетельствуют данные генетиков, указывая на генетическую общность обширного ареала от Передней Азии и до Алтая [14], а также единство некоторых культурных традиций, простирающихся от Древнего Алтая до Древней Месопотамии. Важным в этой связи представляется и то, что общность значительной части Центральной и Восточной Азии определяется существованием алтайской языковой семьи, включающей тюркские, монгольские, тунгосо-маньчжурские, корейский и японский языки. Выдающийся исследователь алтайской языковой группы С. А. Старостин на основе анализа соответствий в области фонетики и базисной лексики пришел к выводу о реальности генетического единства алтайской языковой семьи, датировав ее распад VI тыс. до н. э. [15; с. 62].

Алтайская культура с древнего периода оказала большое влияние на процессы взаимодействия европейской и азиатской культур. Так, анализ миграционных путей древности позволил исследователям говорить о том, что «Древнейшая история начинается не с шумеров, хеттов или филистимлян, а задолго до них: и очевидно, начинается одинаково и одновременно в Западной Европе и в Ханаане, ее «двигателями» стали выходцы из степей Урала-Алтая [16]. Об этом же свидетельствует и изучение параллелей петроглифов, к примеру, сибирско-монгольских с норвежскими. По мнению шведского исследователя А. Берна, это древнее искусство распространялось из центрально-азиатского очага культуры тремя волнами: через Центральную Европу; через Колу и Северную Норвегию; через Берингов пролив в Северную Америку [17].

Современные геномные данные указывают на становление генетической структуры Европы в эпоху бронзы, когда были получены гены степного региона. Неоценимо значение Алтая в формировании и распространении культуры сарматов, гуннов, скифосаков, тюрков и других кочевых народов, внесших огромный вклад в историю и культуру древней Европы. Об этом свидетельствует и такой пример, как общность ямной и афанасьевской археологических культур и их роль в становлении и развитии европейских культур шнуровой керамики, колоковидных кубков, угнетичской и скандинавской культур [18].

Новый виток развития евразийской культуры проявляется в IV–VII веках – период Великого переселения народов, в процессе которого вдвое увеличилось население Европы, при этом большинство людского ресурса происходило с территории Алтая. В это время, когда Евразийский континент проявил свою целостность, обозначились и яркие очертания новой культуры – евразийской по своей структуре и

содержанию. «Пришельцы с Алтая щедро делились с жителями Евразии своими навыками и богатым жизненным опытом, традициями и знаниями. Вот, пожалуй, что было самым-самым главным в ту пору – обмен достижениями, который двигал прогресс человечества. Старое, отслужившее отступало, новое, перспективное брало верх» [19].

Значительна роль алтайской культуры и в процессах формирования локальных цивилизаций древности и средневековья, объединяющих территории и культурные особенности Европы и Азии, а также особенности номадической и оседлой мировых цивилизаций. К ним относятся такие цивилизации, как тенгрианская (VII тыс. до н. э. – конец I тыс. до н. э.), скифо-сакская (I тыс. до н.э. – IV в. н. э.), тюркская (нач. I тыс. – XXI в.) и монгольская (XII–XIV вв.). Единство этих цивилизаций и их историческая преемственность запечатлены в общности территории, простирающейся от Восточной Европы и до Южной Сибири, этногенеза, языка и культуры. Генетическое сходство от Алтая до Скандинавии подтверждается последними результатами геномов популяций Евразии в бронзовом веке [20]. Языковую общность подтверждают филогенетические исследования о единстве алтайской языковой группы. Культурная общность проявилась в быту (одежда, пища, жилища), захоронениях (погребальная обрядность, погребальные сооружения, инвентарь), мифологии (космогоническая и эсхатологическая мифология), музыке (Музыка-Вселенная, Музыка-Душа и Музыка-Искусство), петроглифах (образы кочевья, оседлости и тенгрианства), а также в представлении о времени и пространстве (временная цикличность, и спиралевидность, противопоставление «открытого» и «закрытого» пространства как символов жизни и смерти) [21; 22; 23; 24].

Распространение тенгрианской, тюркской и скифо-сакской локальных цивилизаций в обеих частях Евразии определяют высокий уровень взаимодействия в ее структуре европейских и азиатских особенностей культуры. Так, к примеру, в эпоху бронзы со 2-й половины (или с конца) IV тыс. до н. э. под влиянием мигрировавших на Алтай из восточно-европейских степей раннескотоводческих европеоидных племён возник алтайский вариант афанасьевской культуры, проявившийся в особенностях могильников и погребальном инвентаре [25]. И наоборот, посланцы Алтая принесли в Европу веру в Тенгри, ритуалы тенгрианства, многие военные технологии. Так, Ф. Кардини указывает на основополагающую роль скифов, сарматов и гуннов в возникновении в Европе института рыцарства, что повлияло на особенности мировосприятия европейского населения, оказав значительное влияние на формирование новой для Европы эпохи – эпохи великих достижений и культуры Средневековья [26].

Алтайская культура, формируясь в лоне номадической мировой цивилизации, вобрала в себя такую ее важную характеристику, как экстравертность, выражающуюся в толерантности к другим культурам и

религиям, способности воспринимать и включать в состав своей культуры достижения и особенности других культур. Номадическая цивилизация, значительной частью которой стала алтайская культура, была той контактной зоной, где во взаимодействие входили различные гаплогруппы, культуры, технологии и языки, что привело к широкому распространению евразийской интеграции даже для резко отличающихся друг от друга культур.

Евразийский тип алтайской культуры в Новое и Новейшее время.

Маятник истории, в древнее время продвигающийся из Азии – в Европу, в Новое и Новейшее время сменил свою траекторию и двинулся в обратном направлении – из Европы – в Азию. Непосредственным участником этих культурных процессов стала и алтайская культура.

Для алтайских, как и для многих других азиатских народов, таким медиатором, запустившем процесс взаимодействия европейской и азиатской культур, стала русская культура, которая, начиная с реформ Петра I, сама изменила свою культурную парадигму, включив во все свои культурные процессы модели, формы и стили европейской культуры. В это время на Алтай с русской культурой пришла европейская культура – архитектурные стили, особенности функционирования системы образования и науки, европейские жанры литературы, музыки, драматического театра, оперы и балета, изобразительного и циркового искусства, а затем – кино и телевидения.

Особенность этого периода евразийского типа культуры состоит в том, что европейская и азиатская культуры, приобретая в предшествующие периоды своего развития черты целостности и идентичности, начинают функционировать в Азии в нескольких формах – в форме параллельного сосуществования, а также в многообразных формах взаимодействия. В этом процессе возникает структура бикультуры, в которой сосуществуют и взаимодействуют в целостном поле культуры традиционная культура, с одной стороны, и европейская – с другой. Результатом такого взаимодействия стало творчество алтайских композиторов, писателей, художников и других деятелей культуры, в котором традиционное искусство реализуется в жанрах и формах европейской культуры. Достаточно ярко об этом свидетельствует творчество и художественные образы А. Адарова, А. Ахонина, Г. Болдыревой, А. Ильина, Л. Кокышева, Ю. Кюнзегеша, Э. Палкина, А. Саруевой, В. Хозловой, А. Тозыякова, Б. Шульгина, Н. Чевалкова, Ч. Чупижеева и многих других.

Судьба евразийской культуры в эпоху постиндустриальной цивилизации.

Маятник исторического культурного развития в эпоху постиндустриальной цивилизации возвращается и на глобальном уровне.

Предначало евразийской культуры возникло в недрах африканского генезиса как мировая куль-

турная универсалия, получившая свое дальнейшее развитие путем миграции на территорию Евразии и дальнейшим формированием особенностей культур Европы и Азии, а также их взаимодействием.

Современная культура свидетельствует о втором витке развития мировых культурных универсалий, многие из которых возникают в недрах афроамериканской культуры. Речь идет о возникновении феномена глобализации, информатизации, компьютеризации и массовой культуры, охватившей весь мир. В этот процесс, наряду с многими народами, включена и культура Алтая.

Исходя из этого, говоря о судьбе евразийского типа культуры в современную эпоху, можно отметить две одновременно существующие тенденции: с одной стороны, углубление мировой интеграции культур, а с другой – стремление сохранить культурное наследие всех народов Европы и Азии. И от того, каким образом каждый народ сможет решить для себя пути совмещения этих двух парадигм культурного развития, зависит будущее каждого народа, каждой культуры, поскольку с утерей кодифицирующих свойств культуры происходит исчезновение самого народа. Поэтому такое большое значение придается усилиям и творчеству деятелей культуры по сохранению национальной идентичности, а изучение генезиса и развития национальных культурных кодов в контексте их развития с мировыми цивилизациями и локальными цивилизациями Европы и Азии, Востока и Запада приведет к осмыслению парадигм, а значит – и конструированию будущего развития.

Список литературы

1. *Деревянко А. П., Шульков М. В.* Откуда пришел Homo sapiens // Наука из первых рук. 2015. Т. 65/66. № 5/6. URL: <https://scfh.ru/files/iblock/967/967489600c741c0045711a3b9ddc845.pdf> (10.04.2018).
2. *Наймак Е.* Геном неандертальцев прочтен: неандертальцы оставили след в генах современных людей // Элементы. URL: http://elementy.ru/novosti_nauki/431316 (15.02.2018).
3. *Currat M., Excoffier L.* Modern Humans Did Not Admix with Neanderthals during Their Range Expansion into Europe // PLOS Biology. 2004. Vol. 2. Is. 12: e421. Pp. 2264–2274. DOI: 10.1371/journal.pbio.0020421. PMID 15562317 (12.01.2018).
4. *Maca-Meyer N., González A. M., Larruga J. M., Flores C., Cabrera V. M.* (2001). Major Genomic Mitochondrial Lineages Delineate Early Human Expansions // BMC Genetics. 2001. No. 2:13. DOI:10.1186/1471-2156-2-13. PMID 11553319 (2.03.2018).
5. *Паллаб Гов.* Учёные: Человек алтайский скрещивался с Homo sapiens // British Broadcasting Corporation. URL: http://www.bbc.com/russian/science/2010/12/101222_new_human_species_siberia (28.12.2017).
6. *Аязбекова С. Ш.* Понятие «евразийская культура» в концепциях евразийства // Creativity as a Personal Self-Expression Mechanism And a Way to Reveal The Level of Sociocultural Development. Correlation Between Individual And Collective Needs in The Context of Improving The Effectiveness of Social Processes. London, 2017. Pp. 43–47.
7. *Евразийство (опыт систематического изложения) [коллективная монография первых евразийцев, 1926 г.]* // Основы евразийства. Москва, 2002. С. 107–165.
8. *Предчувствия и свершения (предисловие к сборнику «Исход к Востоку»)* [коллективный манифест первых евразийцев, 1921, Прага] // Основы евразийства. Москва, 2002. С. 103–106.
9. *Азия.* URL: ru.wikipedia.org/Азия (18.12.2017).
10. *Аязбекова С. Ш.* Евразийская культура: становление и основные этапы развития // Культура в евразийском пространстве: традиции и новации. 2017. № 1. С. 5–10.
11. *Аязбекова С. Ш.* К вопросу об осмыслении феномена евразийского культурного пространства // Наследие Л. Н. Гумилёва и современная евразийская интеграция, материалы IX Евразийского научного форума. Астана, 2012. С. 364–368.
12. *Аязбекова С. Ш.* «Культура Евразии» и «евразийская культура» // Казахстан и евразийская идея в новом мире. Астана, 2012. Т. 1. С. 216–220.
13. *Аязбекова С. Ш.* Бикультура как феномен взаимодействия культур Европы и Азии // Cultural and Historical Heritage in the Context of a Modern Outlook Formation. London, 2015. Pp. 43–46.
14. *Медникова М. Б.* Посткраниальная морфология и таксономия представителей рода Homo из пещеры Окладникова на Алтае. Новосибирск, 2011. 128 с.
15. *Старостин С. А.* Алтайская проблема и происхождение японского языка. Москва, 1991. 298 с.
16. *Тихомиров А.* Миграции народов. Бытие как истоипический источник. [Москва?], б. и.
17. *Vjörn A.* Til bronses Iders problemet I Norge. Tromso Mus, Arch. 1925.
18. *Максименко Ю.* Изыскания о древней истории Руси-России. [Москва?], б. и.
19. *Мурад Аджи.* Азиатская Европа. Москва, 2006. 1128 с.
20. *Morten E., Allentoft M. A., Sikora M., Sjögren K.-G., Willerslev E.* Population genomics of Bronze Age Eurasia // Nature. 2015. No. 522. Pp. 167–172 DOI: 10.1038/nature14507.
21. *Аязбекова С. Ш.* Картина мира этноса: Коркутата и философия музыки казахов. Алматы, 1999. 285 с.
22. *Аязбекова С. Ш.* Сакральная история и география: тенгрианская цивилизация в зеркале археологии // Мәдениет. Культура. Culture. 2017. № 1. С. 14–35.
23. *Аязбекова С. Ш.* Степная философия, запечатленная в камне (к проблеме начала тенгрианской цивилизации) // Актуальные проблемы мировой философии, развитие человека, его сознания, нравственности. Астана, 2018. Т. 1. С. 85–89.

24. Аязбекова С. Ш. Образы кочевья в петроглифах тенгрианской цивилизации // Историко-культурные связи и интеграция Казахстана со странами Востока. Астана, 2018. [Б. и.].

25. Цыб С. В. Афанасьевская культура Алтая: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.06. Новосибирск, 1983.

26. Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства. Москва, 1987. 384 с.

Sabina Sh. Ayazbekova, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Full Member and Holder of the International Academy of Science and Higher Education (Great Britain) Lomonosov Moscow State University, Kazakhstan Branch (Astana, Kazakhstan) ayazbekova@mail.ru

CULTURE IN THE EURASIAN SPACE: THEORY, PRACTICE AND MODERNITY

Summary. The article is devoted to a question of scientific comprehension of the Eurasian cultural space phenomenon. The analysis is based on a 'Eurasian culture' concept that had been introduced into scientific discourse by classics of the Eurasianism. The author of the article focuses on the need to rethinking the content of the concept taking into account results of today's genetics, historical and cultural science research that let the scientists to date a process of forming peculiarities of European and Asian cultures and its interactions with Paleolithic era (from 45 thousand years before Christ).

The essence of the author's approach is in understanding the Eurasian culture as a peculiar type of culture located not just in Russia but also in many other Eurasian regions and civilizations (starting with Paleolithic era). Eurasian culture is bicultural phenomenon (that combines two cultures) on its structure, it is such typological generality that bases on interaction and coexistence of two cultures in context of forming and living of common cultural system that includes two typological and territorial different cultures such as European, on the one hand, and Asian, on the other hand.

The author's theoretical propositions is considered through a prism of practice by the example of the Altaians' culture which have been formed and developed in context of Asian cultural traditions since the Paleolithic era. The paper considers how and in what forms Altaian culture had influenced on interactions between European and Asian cultures.

Also, the article highlights an outstanding role of the Altaian culture in processes of forming local ancient civilizations, cultural organisms of the Middle Ages that became a connection between territories and cultural peculiarities of Europe and Asia as well as features of nomadic and settled world civilizations: Tengrian, Scythian and Saxon, Turkic and Mongolian.

A mediator who has started a process of interaction between European and Asian culture in Modern Age for Altaians as well as for many other Asian peoples was the Russian culture with which the European culture came on Altai.

Today's period of development of Eurasian type of culture is characterizes as a conflict of two differently directed vectors, one of which is touched with intention to integration into globalized cultural context and the other one is targeted to preservation on unique quality of culture that let to code a peculiar ethnic face.

Key words: Eurasian cultural space, Eurasian culture, Altaian culture, Tengrian civilization, Scythian and Saxon civilization, Turkic civilization, globalization, world cultural constants.

References

1. Derevyanko A. P. Shun'koff M. V. Otkuda prishyol Homo sapiens [From Where *Homo Sapiens* Came] // Nauka iz pervykh ruk [Science at First Hand]. 2015. Vol. 65/66. No. 5/6. URL: <https://scfh.ru/files/iblock/967/967489600c74e1c0045711a3b9ddc845.pdf> (10.04.2018). [In Russ.].

2. Naimark E. Genom neandertal'cev prochten: neandertal'cy ostavili sled v genah sovremennykh ljudej [Neanderthals' Genome Had Been Read: Neanderthals Have Leave a Trace in Genes of Modern People] // Elementy [Elements]. URL: http://elementy.ru/novosti_nauki/431316 (15.02.2018). [In Russ.].

3. Currat M., Excoffier L. Modern Humans Did Not Admix with Neanderthals during Their Range Expansion into Europe // PLOS Biology. 2004. Vol. 2. Is. 12: e421. Pp. 2264–2274. DOI:10.1371/journal.pbio.0020421. PMID 15562317 (12.01.2018). [In Eng.].

4. Maca-Meyer N., González A. M., Larruga J. M., Flores C., Cabrera V. M. (2001). Major Genomic Mitochondrial Lineages Delineate Early Human Expansions // BMC Genetics. 2001. No. 2:13. DOI:10.1186/1471-2156-2-13. PMID 11553319 (2.03.2018). [In Eng.].

5. Pallab Gosh. Uchenye: Chelovek altajskij skreshhivalsja s Homo sapiens [Homo Altaian had been cross-breed with Homo Sapiens] // British Broadcasting Corporation. URL: http://www.bbc.com/russian/science/2010/12/101222_new_human_species_siberia (28.12.2017). [In Russ.].

6. Aiazbekova S. Sh. Ponjatie «evrazijskaja kul'tura» v koncepcijah evrazijsstva [“Eurasian culture” Concept in Eurasianism Theories] // Creativity as a Personal Self-Expression Mechanism and a Way to Reveal the Level of Sociocultural Development. Correlation Between Individual and Collective Needs in the Context of Improving the Effectiveness of Social Processes. London, 2017. Pp. 43–47. [In Russ.].

7. Evrazijsstvo (opyt sistematicheskogo izlozhenija) [kollektivnaja monografija pervykh evrazijscev, 1926 g.] [The Eurasianism (an Experience of Systemic Description) [the First Eurasianists' Multi-Authored Monograph, 1926]] // Osnovy evrazijsstva [The Essence of the Eurasianism]. Moscow, 2002. Pp. 107–165. [In Russ.].

8. *Predchuvstvija i svershenija (predislovie k sborniku «Ishod k Vostoku»)* [kollektivnyj manifest pervyh evrazijcev, 1921, Praga] [*Preperceptions and Achievements (Introduction to “Exodus to the East”)*] [the First Eurasianists’ Multi-Authored Manifest, 1921, Prague] // *Osnovy evraziizstva [The Essence of the Eurasianism]*. Moscow, 2002. Pp. 103–106. [In Russ.].
9. *Aziya [Asia]*. URL: ru.wikipedia.org Азия (18.12.2017). [In Russ.].
10. *Aiazbekova S. Sh.* Evrazijskaja kul'tura: stanovlenie i osnovnye jetapy razvitija [The Eurasian Culture: Genesis and the Main Phases of Development] // *Kul'tura v evrazijskom prostranstve: tradicii i novacii [Culture in the Eurasian Space: Traditions and Novations]*. 2017. No 1. Pp. 5–10. [In Russ.].
11. *Aiazbekova S. Sh.* K voprosu ob osmyslenii fenomena evrazijskogo kul'turnogo prostranstva [On Comprehension of the Eurasian Cultural Space Phenomenon] // *Nasledie L. N. Gumil'jova i sovremennaja evrazijskaja integracija, materialy IX Evrazijskogo nauchnogo foruma [Lev Gumilyov's Heritage and Today's Eurasian Integration, the 9th Eurasian Scientific Forum Proceedings]*. Astana, 2012. Pp. 364–368. [In Russ.].
12. *Aiazbekova S. Sh.* «Kul'tura Evrazii» i «evrazijskaja kul'tura» [“The Culture of the Eurasia” and “The Eurasian Culture”] // *Kazahstan i evrazijskaja ideja v novom mire [Kazakhstan and the Eurasian Idea in a New World]*. Astana, 2012. Vol. 1. Pp. 216–220. [In Russ.].
13. *Aiazbekova S. Sh.* Bikul'tura kak fenomen vzaimodejstvija kul'tur Evropy i Azii [Biculture as a Phenomenon on the European and Asian Cultures Interaction] // *Cultural and Historical Heritage in the Context of a Modern Outlook Formation*. London, 2015. Pp. 43–46. [In Russ.].
14. *Mednikova M. B.* Postkranial'naja morfologija i taksonomija predstavitelej roda Homo iz peshhery Okladnikova na Altae [The Postcranial Morphology and Taxonomy of Altaian Homo from the Okladnikov Cave]. Novosibirsk, 2011. 128 p. [In Russ.].
15. *Starostin S. A.* Altajskaja problema i proishozhdenie japonskogo jazyka [Altaian Problem and Genesis of Japan Language]. Moscow, 1991. 298 p. [In Russ.].
16. *Tikhomirov A.* Migracii narodov. Bytie kak istoricheskij istochnik [Peoples Migrations. Existence as a Historical Source]. [No inf, no inf.]. [In Russ.].
17. *Björn A.* Til bronses Iders problemet I Norge. Tromso Mus, Arch. 1925. [In Norw.].
18. *Maksimenko Yu.* Izyskanija o drevnej istorii Rusi-Rossii [Research Work about Ancient History of Rus'/Russia]. No inf., no inf. 434 p.
19. *Murad Adzhi.* Aziatskaja Evropa [the Asian Europe]. Moscow, 2006. 1128 p. [In Russ.].
20. *Morten E., Allentoft M. A., Sikora M., Sjögren K.-G., Willerslev E.* Population genomics of Bronze Age Eurasia // *Nature*. 2015. No. 522. Pp. 167–172 DOI: 10.1038/nature14507. [In Eng.].
21. *Aiazbekova S. Sh.* Kartina mira jetnosa: Korkut-ata i filosofija muzyki kazahov [An Ethnos' World Picture: Korkut-Ata and Philosophy of Kazakhs' Music] Astana, 1999. 285 p. [In Russ.].
22. *Aiazbekova S. Sh.* Сакральная история и география: тенгрианская цивилизация в зеркале археологии Sakral'naja istorija i geografija: tengrianskaja civilizacija v zerkale arheologii [Sacral History and Geography of Tengrian Civilization in Mirror of Archaeology] // *Mädeniet. Kultura. Culture [Culture. Culture. Culture]*. 2017. No. 1. Pp. 14–35. [In Russ.].
23. *Aiazbekova S. Sh.* Stepnaja filosofija, zapechatlennaja v kamne (k probleme nachala tengrianskoi civilizacii) [Steppe Philisophy Infixed in Stone] // *Aktual'nye problemy mirovoj filosofii, razvitie cheloveka, ego soznanija, npravstvennosti [Actual Problems of World Philosophy, Development of a Human, Human Conscious, Human Morality]*. Astana, 2018. Vol. 1. Pp. 85–89. [In Russ.].
24. *Aiazbekova S. Sh.* Obrazy kochev'ja v petroglifakh tengrianskoi civilizacii [Nomadic Images in the Tengrian Civilization's Petroglyphs] // *Istoriko-kul'turnye svjazi i integracija Kazahstana so stranami Vostoka [Historical and Cultural Relations and Integration of the Kazakhstan into Community of East Countries]*. Astana, 2018. [No inf.]. [In Russ.].
25. *Tzyb S. V.* Afanasyev Culture of the Altai Territory: diss. thesis ... Ph. D. in History: 07.00.06. Novosibirsk, 1983. [In Russ.].
26. *Cardini F.* Istoki srednevekovogo rycarstva [The Origins of Medieval Chivalry]. Moscow, 1987. 384 p. [In Russ.].

УДК 316.454.5:316.347(235.222+235.243)
DOI: 10.32340/2541-772X-2018-1-21-25

А. В. Иванов, доктор философских наук, профессор
Алтайский государственный аграрный университет (Барнаул, Россия)
ivanov_a_v_58@mail.ru

АЛТАЙ И ИНДИЙСКИЕ ГИМАЛАИ КАК БИОСФЕРНЫЕ ДОНОРЫ И ЦЕНТРЫ ДИАЛОГА ЕВРАЗИЙСКИХ КУЛЬТУР: РЕЗУЛЬТАТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Аннотация. В статье представлены результаты двухгодичных исследований, проведенных российско-индийским авторским коллективом, входящим в состав научной группы «Алтайско-Гималайская Инициатива» международного научно-исследовательского проекта «Алтай и Гималаи как уникальные культурно-биосферные

регионы Евразии: поиск общих ценностей, эколого-экономических стратегий, социокультурных параллелей». Получил подтверждение известный тезис Н. К. Рериха об Алтае и Гималаях, как двух магнитах и двух устоях Евразии: оба горных региона могут рассматриваться как её биосферные доноры, обеспечивающие воспроизводство жизни и хозяйственной деятельности народов, традиционно населяющих эти территории. В то же время, Алтай и Гималаи выступали и выступают важнейшими центрами межрелигиозного и межкультурного диалога различных этносов и субэтнических общностей.

Ключевые слова: Алтай, Гималаи, Евразия, биосфера, хозяйственные практики, культура, межкультурный диалог, меридиональный транспортный коридор.

Широко известна фраза Н. К. Рериха, что «Алтай – Гималаи» – два магнита, два равновесия, два устоя. Радостно видеть жизненность в связях индо-русских» [1, с. 268–269]. В этой короткой фразе была заключена целая программа будущих сравнительных исследований Алтая и Гималаев, которая стала особенно интенсивно реализовываться в последние годы. В частности, в 2015 году была создана международная междисциплинарная научная группа «Алтайско-Гималайская Инициатива», в которую вошли ученые алтайских вузов и индийские ученые из Штата Химачал-Прадеш в Западных Гималаях. Этой группой в ходе совместных исследований в рамках гранта РФФИ-администрации Алтайского края, проведенных в 2016–2017 годах, были получены довольно интересные научные результаты, отраженные в коллективной монографии [2].

Прежде всего, стало понятным, что Алтай и Гималаи действительно являются двумя *биосферными устоями*, обеспечивающими жизнь на огромных пространствах Северной (Россия), Центральной (Казахстан, Западная Монголия и Синьцзян) и Южной (Индия, Пакистан, Афганистан) Евразии. С их ледников стекают важнейшие реки евразийского континента (Ганг, Ямуна, Брахмапутра, Тарим, Обь, Иртыш, Ховд). Склоны гор Алтая и Гималаев покрыты элитными старовозрастными лесами, а недра таят многочисленные полезные ископаемые, что создает благоприятные природные условия для воспроизводства жизненных укладов и хозяйственной деятельности многих народов Евразии. Оба горных региона являются также всемирно значимыми центрами биологического разнообразия. Как Алтайский край и Республика Алтай являются всей северной Евразией в миниатюре, включая в себя все ее географические зоны от тундры до пустынь, так и крупнейший штат Северо-Западной Индии Химачал-Прадеш, как пишет крупный исследователь Западных Гималаев М. Г. Сингх, «может быть назван Индией-в-миниатюре, так как все основные климатические зоны, встречающиеся в нашей стране, могут быть найдены в этом штате» [3, с. 242]. Исторически оба региона являлись центрами металлургического производства, приручения диких животных, развития пчеловодства и фитотерапии. Алтай и Гималаи правомерно назвать глобально значимыми биосферными донорами, чьи ресурсно-климатические и экологические услуги, предоставляемые людям, невозможно оценить в денежных эквивалентах.

Весьма схожи структуры хозяйственных практик у населения двух горных систем. Это касается и животноводства, когда скот в течение года кочует по вертикали гор с практически одинаковыми видами домашних животных, включая яков; и культивирования схожих земледельческих культур, таких, как картофель, гречиха, все виды овощей; и использования в пищу лесных даров. Здесь наблюдаются интересные параллели. Так, жители некоторых высокогорных районов Индийских Гималаев используют в пищу орех гималайской сосны, называемый чилгозой, который и по вкусу, и по внешнему виду схож с нашим кедровым орехом (точнее, орехом сибирской сосны).

Схожи и проблемы двух горных регионов. Это касается экспансии техногенно-потребительской цивилизации, несущей угрозу хрупким горным экосистемам и размывающей традиционный уклад жизни. Сюда же можно отнести низкие доходы населения, технологическое отставание в области ведения сельского хозяйства, стремление молодежи в города, где жизнь комфортна и гораздо доступнее блага цивилизации. Особая тема – хищническая эксплуатация энергетических и рекреационных ресурсов горных регионов со стороны городской цивилизации. Так, удручающее впечатление производят сегодня долины священных гималайских рек Беаса и Сатледжа, изуродованных каскадами плотин. Это фактически разрушило традиционный образ жизни и обрекло на нищету значительное количество местных сельских общин, лишившихся пахотных земель, пастбищ, а также природных святынь и храмов с местными богами (так называемыми «девами»), которым их предки поклонялись в течение тысячелетий. Только побывав в Индийских Гималаях, понимаешь, какое это счастье, что на Катунь не была в свое время построена Катунская (Алтайская) ГЭС, иначе привычный нам ландшафт горного Алтая был бы изменен до неузнаваемости.

Сходство биосферных условий, близость хозяйственных практик, общность экологических и социально-экономических проблем делают весьма актуальным и перспективным сотрудничество алтайских и гималайских ученых. В ближайшее время начнется реализация совместного научного проекта между учеными Алтайского государственного аграрного университета и учеными гималайского университета из г. Солан (штат Химачал-Прадеш) в области сохранения почв на горных склонах, восстановления лесов и производства экологически чистого (органического) продовольствия.

Жизнь этносов в суровых условиях гор, где сама природа (изолированность ущелий и высокогорных плато, отсутствие дорог, труднопроходимые леса) позволяет этносам вести относительно автономное существование, сохраняя традиционный уклад жизни и мировоззрение, – в значительной степени определяет и этнокультурные параллели между Алтаем и Гималаями. Оба горных региона сохранили исключительное этническое и культурное разнообразие, где народы могут, храня автономию и культурную самобытность, выстраивать долгосрочный культурный диалог с соседями. Когда ты имеешь возможность в течение столетий вести привычный образ жизни и исповедовать определенные ценности, тогда и отношение с соседними народами выстраиваются мирно и гармонично, а культурные заимствования осуществляются свободно и естественно. Это дает основания считать Алтай и Гималаи важнейшими мировыми центрами этнокультурного равновесия. Так, на Алтае в течение многих столетий уживаются и ведут достаточно интенсивный культурный диалог русские и алтайцы, монголы и китайцы, казахи и тувинцы. Несмотря на все сложности, силы мира на Алтае все же всегда побеждали силы вражды и ненависти, а его природные и культурные святыни служили центрами духовного притяжения разных народов. Неслучайно здесь ищут сегодня свою историческую прародину венгры и корейцы, турки и японцы. Любопытно, что первый европейский ученый-востоковед Александр Чома де Корош (1784–1843 гг.) навсегда связал свою жизнь с Гималаями, направляясь на Алтай в поисках исторической прародины венгров.

В Индийских Гималаях, как и на Алтае, налицо многовековое мирное сосуществование древнего индоевропейского населения (кхашы) с носителями тибето-монгольской культурной традиции (кираты), причем эти народы заняли вполне определенные хозяйственные ниши. Если кхашы в основном земледельцы, населяющие предгорные и среднегорные гималайские территории, называемые Шивалик, то кираты – это кочевники, кочующие по вертикали гор. Это соответствует традиционным занятиям русского и алтайского населения на Алтае. И как русские с алтайцами обожествляют Катунь, берущую начало с ледников священной Белухи, так и кхашы с киратами считают сакральной реку Сатледж, текущую от подножия священной для буддистов и индуистов горы Кайлас. Сегодня на Алтай и в Гималаи люди стремятся для того, чтобы близ их священных вершин обрести духовное равновесие и просветление, приблизиться к культурным и этническим истокам многих народов, т. е. два горных региона продолжают в новых исторических условиях выполнять миссию центров сохранения этнокультурного равновесия.

Алтай и Гималаи являются также важными мировыми центрами религиозного равновесия. Если на Алтае исторически сошлись и доныне мирно сосуществуют буддизм, христианство, ислам и разнообраз-

ные языческие практики, то и в Индийских Гималаях мы наблюдаем нечто подобное. Здесь, если не считать штата Кашмир, мирно уживаются исламские, сикхские, буддийские и индуистские общины. А если мы обратимся к уже упоминавшемуся штату Химачал-Прадеш и его самому высокогорному округу Киннаур, то увидим, что здесь и доныне стоят рядом и собирают многочисленных верующих храмы, посвященные богу Кришне и другим ведийским богам; монастыри различных буддийских общин, а также ашрамы черношапочной добуддийской религии бон. И Алтай, и Гималаи являются всемирно известными центрами религиозного паломничества со всего мира. Очень показательно, что особым почитанием окружены женские богини, часто связанные с той или иной горой, рекой или определенной местностью. В Гималаях это индуистская Кали, буддийская Тара, Ямуна (буквально «богиня реки») и Вайшну-Деви, обитающая на вершине священной трехглавой горы штата Джамму Трикуты. На Алтае это алтайская богиня Умай и православная Богородица, Кадын-Баши, связанная с горой Белухой и рекой Катунью. На Алтае, как и в Гималаях, на перевалах мы находим пирамиды из камней (обо) и ленты, посвященные местным духам-хранителям. Оба горных региона выступают, говоря языком Н. К. Рериха, подлинными «твердынями духа», возвышающимися над зачастую совершенно бессмысленной суетой равнин и напоминающими людям о самом важном – горнем – измерении бытия, позволяющем укорениться в свете вечных и абсолютных ценностей.

О том, что эти ценности живут в сознании местного населения, свидетельствуют данные сравнительно-социологического российско-индийского исследования «жизненных миров» населения долины Киннаура в Западных Гималаях и Уймонской долины на Алтае. Это ценности традиционной семьи; родственных и дружеских связей; принципов сотрудничества, а не конкуренции между людьми и народами; почитания религиозных и природных святынь. Правда, религиозные ценности в шкале ценностных приоритетов жителей Гималаев оказались намного выше, чем у жителей Алтая. В целом же, горы Алтая и Гималаев, в отличие, например, от Кавказа или Балкан, являются оплотами религиозного согласия и равновесия, что следует особенно ценить и хранить в нынешнюю эпоху эскалации религиозной вражды и насилия. Это должно также стимулировать дальнейшие совместные алтайско-гималайские сравнительно-культурологические и сравнительно-религиоведческие исследования, которые пока еще находятся – будем откровенны – в зачаточном состоянии.

Эта задача представляется тем более актуальной, что с древнейших времен существовало несколько торгово-транспортных и паломнических путей, связывающих Алтай и Гималаи, т.е. они в полном согласии с фразой Н. К. Рериха выступали двумя важнейшими меридиональными магнитами Евразии. Так, на рынках северной Индии торговали шкурка-

ми сибирских соболей [4, p. 87], поставлявшимися из Яркенда, а предметы роскоши, созданные индийскими мастерами, мы находим на Алтае уже в скифское время [5]. Эти торговые пути шли из Индии на Алтай, преодолевая высокогорные перевалы Трансгималаев и Каракорума, и далее по территории Восточного Туркестана (нынешнего Синьцзяна) на север к Джунгарскому Алатау, Тарбагатаю и Алтаю; или же пролегали через долины рек Спити и Сатледжа в Тибет и далее уходили в сторону Халхи с возможностью отклониться к северо-западу в сторону Монгольского Алтая. По этому последнему пути и ходили искать легендарное Беловодье русские крестьяне. Любопытно, что знаменитая экспедиция Рерихов 1925–1927 годов прошла обоими указанными маршрутами, не только подтвердив их существование и относительную доступность, но и собрав по пути большое количество археологических и письменных свидетельств о древнейших культурных контактах и заимствованиях евразийских народов на этом великом меридиональном торгово-паломническом пути.

Сегодня представляется исключительно важным на новом уровне и в новых геополитических условиях возродить этот стратегический евразийский мегакоридор «Алтай-Гималаи», который стал бы хорошим меридиональным восполнением китайского широтного проекта «Один пояс-один путь» [подробнее: 2, с. 47–60; 6]. На первых порах это мог бы быть авиарейс «Новосибирск – Нью-Дели» с промежуточной посадкой в Урумчи. В перспективе можно предположить создание железнодорожного транспортного коридора (Новосибирск-Барнаул-Усть-Каменогорск-Урумчи-Нью-Дели), который связал бы Юго-Западную Сибирь с Северной Индией, через территорию Восточного Казахстана и Синьцзяна. Возможна прокладка части этого коридора через Туву и Западную Монголию (Кызыл-Ховд-Урумчи). В идеале могут быть проложены обе северные ветки этого меридионального мегакоридора. С индийской стороны интерес к подобным проектам достаточно высок, и он уже вышел на уровень межгосударственных российско-индийских обсуждений [7].

Как бы ни сложилась судьба этого мегапроекта, безусловно, выгодного для Алтая и его экономики, учитывая большие и все возрастающие потребности

Индии в продовольствии и питьевой воде, а России – в надежных и проверенных поставщиках фруктов и рекреационных услуг из теплых южных земель, – сотрудничество между алтайскими и гималайскими учеными надо всемерно расширять и максимально диверсифицировать. Здесь найдется место всем алтайским вузам и специалистам самых разных областей знания. Известно, что именно научные и культурные связи готовят почву и дают стратегический импульс контактам политическим и экономическим.

Проведенное совместное исследование алтайских и гималайских ученых убеждает в наличие важных и многомерных связей между Алтаем и Гималаями – *двумя устоями и магнитами*, образующими стратегическую биосферную, геополитическую и культурную ось Евразии. Познание и своевременное использование потенциала этой оси – один из важных практических шагов по переходу от тупиковой техногенно-потребительской к спасительной духовно-экологической линии цивилизационного развития.

Список литературы

1. Рерих Н. К. Из литературного наследия. Москва, 1974. 534 с.
2. Алтай и Гималаи как уникальные культурно-биосферные регионы Евразии. Барнаул, 2017. 336 с.
3. Singh M. G. Himachal Pradesh: History, Culture & Economy. Shimla, 2010. 334 p.
4. Tabdon. Ancient Trade Routes and Wool Markets in Himachal Pradesh // Manimahesh. A Journal of Himalayan Studies. 2015. Vol. VI. Pp. 81–93.
5. Васильков Я. В. Древнейшие индийские зеркала из скифо-сарматских курганов Алтая и Южного Приуралья // Степи Евразии в древности и Средневековье. Санкт-Петербург, 2003. Кн. II. С. 28–33.
6. Иванов А. В., Попков Ю. В., Фотиева И. В., Гунта П. М. Трансевразийские транспортные мегапроекты: проектные замыслы // Регион: экономика и социология. 2017. № 4. С. 267–284.
7. Fasbender T. Integrating Eurasia North-South: Evolving Russian-Indian Infrastructure Links. URL: <https://doc-research.org/en/integrating-eurasia-north-south-evolving-russian-indian-infrastructure-links/> (15.03.2018).

Andrey V. Ivanov, Doctor of Philosophical Sciences, Professor
Altai State Agrarian University (Barnaul, Russia)
ivanov_a_v_58@mail.ru

THE ALTAI AND THE INDIAN HIMALAYAN REGION – BIOSPHERE DONORS AND CENTERS OF THE DIALOGUE BETWEEN THE EURASIAN CULTURES: THE RESEARCH RESULTS AND PERSPECTIVES

Summary. The article presents some results of the two-year (2016, 2017) research conducted by Russian and Indian authors who are in “*Altai-Himalayan Initiative*”, the scientists group, within “*The Altai and the Himalayas as the Unique Cultural and Biospheric Re-*

gions of the Eurasia: Search of Common Values, Ecological Strategies, Social and Cultural Parallels” project. The well-known Nikolai Roerich’s proposition that the Altai and the Himalayas both are magnets and pillars of the Eurasian area got its confirmation: these regions can

be considered as its biosphere donors that provide a process of local ethnoses and subethnic groups' cultural life and economic activity reproduction as well as process of interreligious and interethnic dialogue between cultures of the Northern, Central and Southern Eurasia. The author shows that these two great mountain systems supply the similarity of economic development and cultural practices of the Altaians and ethnic groups settled in the Himalayas. Both there and here animal breeding has seasonal, "drove away" nature.

The wheat is the key sort of cereals in the Altai and the Himalayas, peoples grow the same vegetables, mostly, a potato. It is remarkable that a nut of a Siberian pine is very similar to a nut of a Himalayan pine called "chilgoza".

At the same time, the Altai and the Himalayas are and always were the most important center of interreligious and intercultural dialogue. Many ethnic groups were always in active interaction here and forces of peace always prevailed over forces of antagonism. The Altai is the area where the world religions and local shamanic cults are peaceful coexisted; analogically, Hindu, Buddhist, and Sikh temples are located side by side with each other in the Himalayas. The Russian and the Altaians are two title ethnoses for the Altai where and first are people of settled culture, the other are people of nomadic culture. So, like that the Himalayas is the place where Khashes (farmers) who represent the Arian cultural sub-ethnic community coexist with Kirates (nomads) who belong to the Tibetan and Mongolian ethnic substrata. It makes the Altai and the Himalayas the important centers of interreligious and interethnic balance. Finally, there were straight commercial, travel, and pilgrimage paths between these mountain systems since the 1st millennium before Christ till 1950s. All of this, let the author concludes that the Altai and the Himalayas are two magnets that form strategic meridional pivot of the Eurasia that should be considered today as the natural supplying of "One Belt One Road Initiative"(OBOR), the Chinese lati-

tudinal project. In the conclusion of the article, the author offers to take steps to actualize geopolitical, economic, and cultural potential of this pivot of the Eurasia.

Keywords: *the Altai, the Himalayas, Eurasia, biosphere, economic practices, culture, intercultural dialogue, meridional travel corridor.*

References

1. Roerich N. K. Iz literaturnogo naslediya [From the Literary Heritage] Moscow, 1974. 534 p. [In Russ.].
2. *Altaj i Gimalaj kak unikal'nye kul'turno-biosfernnye regiony Evrazii* [The Altai and the Himalayas as Unique Cultural and Biospheric Areas of Eurasia]. Barnaul, 2017. 336 p. [In Russ.].
3. Singh M. G. Himachal Pradesh: History, Culture & Economy. Shimla, 2010. 334 p. [In Eng.].
4. Tabdon. Ancient Trade Routes and Wool Markets in Himachal Pradesh // Manimahesh. A Journal of Himalayan Studies. 2015. Vol. VI. Pp. 81–93. [In Eng.].
5. Vasilkov J. V. Drevneyshii indijskii zerkala iz skipho-sarmatskich kurganov Altai i Jugnogo Priuralya [The Most Ancient Indian Mirrors from Scythian and Sarmatian Burial Hills in the Altai and the Southern Cis-Urals] // Step'i Eurasia v drevnosti I Srednevekovye [The Eurasian Steppes in Ancient Time and Middle Ages]. Saint-Petersburg, 2003. 2nd book. Pp. 28–33. [In Russ.].
6. Ivanov A. V., Popkov Y. V., Fotieva I. V., Gupta P. M. Eurasiyskie transportnie megaproekti: proektnie zamisli [The Eurasian Transport Megaprojects: Design Concepts] // Region: economica I sociologia [Region: Economics and Sociology]. 2017. No. 4. Pp. 267–284. [In Russ.].
7. Fasbender T. Integrating Eurasia North-South: Evolving Russian-Indian Infrastructure Links. URL: <https://doc-research.org/en/integrating-eurasia-north-south-evolving-russian-indian-infrastructure-links/> (15.03.2018) [In Eng.].

УДК 130.11:574:159.922.4(575.2)=512.1

DOI: 10.32340/2541-772X-2018-1-25-30

Г. М. Касымалиева, доцент,
Кыргызский государственный университет культуры и искусств им. Б. Бейшеналиевой (Бишкек, Кыргызстан)
kasymalieva.63@mail.ru

ДУХОВНЫЕ ОСНОВЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ КЫРГЫЗСКОГО ЭТНОСА

Аннотация. В статье раскрываются основы экологического и культурного развития духовного и природного компонентов в культуре кыргызского этноса; представлен перечень фундаментальных эколого-нравственных принципов, формирующих облик традиционной духовной культуры кыргызского народа. Обозначен круг факторов, определяющих состав и содержание культурных ценностей кочевых народов Востока: зороастризм, тенгризм, шаманизм, манихейство и другие виды доисламских верований.

Ключевые слова: *культура, духовная культура, природа, ценности, инкультурация, миф, традиции, кочевая культура.*

Эколого-познавательные ценности в системе духовной культуры того или иного народа, в частности, кыргызов, приобретает статус разнообразного

социокультурного явления, проявляющегося во всех сферах общества, в его историческом развитии. Они выступают в качестве интеллектуального,

аксиологического основания развития, сотворчества общества и природы, толерантного, креативного сознания субъекта экологической деятельности.

Кыргызская Республика – страна гор. Из 199 тыс. кв. км общей площади более 60 % занимают сильно расчлененные горы, возвышающиеся от 500 м до 7 тыс. м над уровнем моря. Свыше 90 % территории поднято выше 1500 метров. Около 40 % почти непригодно для жизни – это ледники, вечные снега, скалы, осыпи, высокогорные щебенистые пустыни и т. д. Около 7 % занимает культурный ландшафт: поля и населенные пункты, дороги и промышленные объекты. На остальной территории богато представлены разнообразные естественные сообщества: орехово-плодовые, арчовые, еловые, лиственные леса: высокогорные, среднегорные, низкогорные луга; степи и пустыни, водно-болотные угодья.

В Кыргызстане произрастает около 2 % видов мировой флоры и обитает более 3 % видов мировой фауны. Это достаточно много, если принять во внимание что площадь страны занимает всего 0,03 % площади планеты или 0,13 % от площади суши.

Благодаря сложности, контрастности географической среды, в стране наблюдается очень высокая концентрация видов. На единицу площади здесь приходится на порядок-два больше видов, чем в среднем по планете и Центральной Азии.

Это малая толика природных ценностей, приведена нами для констатации богатства экологической среды, помимо них существует разнообразие эколого-познавательных и духовно-нравственных ценностей, они в совокупности и составляют одну из актуальнейших частей духовной культуры кыргызского народа.

Это духовно-нравственные, ценностно-нормативные положения, установки, правила и неписанные законы, требования, поведения, в которых определены объединяющие, жизненно важные принципы, способы совместного развития этносов и наций в необходимой гармонии с культурной и природной средой. Именно эти две среды и есть основные ценности Кыргызстана, которыми мы можем гордиться по праву и должны изучать и инкультурировать в последующие поколения.

Инкультурационное (осваиваемое) поле предстает, как конструирование смыслов, аккумулирующихся в многообразных артефактах общего видения мира, ибо культура есть целостное (духовно-практическое и духовно-когнитивное) восприятие мира как необходимый способ бытия человека в мире природы. Культура в данном случае понимается достаточно широко как совокупность духовного опыта, включающего традиции, нормы, ценности, образцы поведения, в том числе теоретико-практические способы отношения субъекта к природному, космическому миру и другим людям. «Культура-всеобъемлющая, предвосхищающая истолкованность мира, мир, истолкованный в языке... Вместо при-

вычной субъектно-объектной парадигмы изучается система культуры как со-существования, со-бытия человека и культуры, как способ бытия человека в Мире... К определяющим константам, имеющим методологическое значение при исследовании морфологии культуры, относятся целостность, сакральность, intersубъективность (общезначимый смысл), полифункциональность» [1, с. 198].

Следует констатировать то, что в новом геосоциальном, геополитическом пространстве в процессе развития современной культуры наблюдается не только поляризация материального и духовного (которая достигла своего апогея), но и медленно, но верно осуществляется поворот к приоритету духовности как смыслодержателю основанию культуры. В этом смысле приоритетное назначение культуры состоит в выработке духовности человека, в формировании человеческой субъективности как духовно-нравственного феномена, мировоззренческих ориентаций. «Антропологический поворот в современной философии и культуре позволил по-новому представить всю систему ценностей и ее главную часть – систему духовных ценностей. Человек вновь предстал как некое единство, определяемое через систему духовных ценностей. Именно духовные ценности выступают как культуротворческие и культуурообразующие... Человек не просто универсален (универсален-природен), но духовно-универсален. Его бесконечные, многообразные и неисчерпаемые творческие способности коренным образом связаны, прежде всего, с духовным началом, которое по самой сути своей и призвано двигать человеческим стремлением отдавать способности окружающему миру. И тогда универсальность духовности следует понимать как всеобщую субстанцию и основу человеческого содержания в индивидууме, т. е. как собственно человеческое начало, которое свойственно всем людям, является его стержнем, сердцевинной, ядром» [2].

Следовательно, субъективно человек сегодня должен быть ответственен за гармонию мира. Не просто культурой, но прежде всего духовно-нравственным творчеством во имя расцвета гармонии бытия. С этой же позиции А. Н. Нысанбаев пишет: «Культура в точном смысле слова представляет собой внешнее, предметно-практическое проявление и воплощение духовности – нравственной сущности человека. Духовность не преобладает, она преобразует, облагораживает материальный мир» [2, с. 111].

Философско-методологическое осмысление и выявление универсальных парадигм духовности как основания бытия культуры, ее интерпретация в целом, в особенности духовной культуры этноса как живого развивающегося организма явились предметом многочисленных культуурофилософских концепций. Отдельными авторами, предложены новые социальные ракурсы в освещении теории и истории национальной, этнической культуры с учетом духа, духовности и типов мышления, мировоззренческой ориентации кочевой цивилизации (С. Н. Акагай, С. Ш. Аязбекова,

Р. А. Ачылова, А. Ч. Какеев, Ж. К. Урманбетова, Дж. А. А. Аширалиев, А. А. Айтбаев, Б. А. Аманалиев, Т. А. Аскараров и др.). Ряд исследователей уделяли и уделяют внимание разновидностям духовности, в частности, тенгрианству, экологическому мировоззрению, которые являются основаниями бытия этнической культуры (Д. Сарыгулов, М. Жумагулов, С. Н. Акатай, Н. Г. Аюпов, К. Ш. Шулембаев, Г. Есим, В. Безертинов). Продуктивным оказалось исследование духовно-нравственного содержания, мировоззренческой парадигмы устного народного творчества (Т. А. Аскараров, К. М. Матиев, Б. А. Аманалиев, А. Касабек, Н. Ж. Шаханова и др.).

Сложность структурной организации духовного бытия показывает, что ни одна его сфера в изолированном виде (миф, религия, нравственность, искусство и др.) не в состоянии дать целостную картину мироздания, бытия человека в мире. «На всем протяжении своей земной истории человек постигал себя, законы Универсума не только разумом, но и сердцем, не только умом, но и интуицией (озарением). Динамика культурных доминант – закономерный процесс, отражающий способы осознания человеком Универсума, а также своего предназначения в нем. Если миф, религия, отчасти искусство артикулируют духовный аспект сакрального, священного знания, дающего чувство общности со всем космосом, вызывают чувства бескорыстной любви, неземной красоты, позволяют ощутить существование чистого, вечного внепространственного духовного Абсолюта, то философии и науке предназначена иная роль. Интеграция естественных, технических и гуманитарных наук, философская рефлексия над культурными основаниями позволяют раскрыть сущность культуры, способствуют реактуализации бытийного вопроса в новом – космическом измерении» [3, с. 120].

Одним из начальных форм духовности является миф (мифология), который в свое время способствовал возникновению и развитию культурных сфер человеческого бытия. Миф как исходный способ структурирования реальной действительности, архаичная форма выражения мироотношения, обозначает на основе родственно-генетических связей человеко-соразмерный образ мира (как социального, так и природного). На уровне мифологического сознания мир, природа или космос воспринимались как живое существо, они одушевлялись и одухотворялись. В связи с этим в мифах древних народов силы природы всегда уподобляются человеческим силам, а ее процессы – действиям людей, т. е. мифологическое мышление при объяснении явлений реальности неизменно прибегает к их сравнению с человеческими поступками и мотивами. Тем самым человек не отличает себя в мифе от себе подобных, от животного мира, природы и космоса в целом, он един с ними, растворен в них. Представление природы в образе богов (или множества богов) было доминирующим в мифологическом отношении людей к окружающей действительности.

Непреодолимую ценность в мифологии составляет осознание единства человека и среды обитания, мотивы равновесия и сохранения живой, неживой природы, проявления своего рода элементов нравственности, направленной на сохранении внешнего мира. Единство воплощения прекрасного и безобразного, возвышенного и обыденного тесно связанное с условиями жизни древних людей, в частности кочевников. Согласно мифологическому сознанию, общество ограничивало действия человека рядом запретов, табу, лишь бы «не обидеть» неосторожным поступком «душу» дерева, реки или зверя. Люди старались добиться «расположения» природных сил, искупить вызванные человеческой активностью нарушения естественного порядка. Первобытный миф выполнял своеобразную регулятивную функцию в гармонизации отношений человека с природой. Здесь мы, по существу, имеем дело как бы с первоначальной (древней) моралью [4, с. 143].

Заметное влияние на содержательную сторону культурных ценностей, в том числе духовной культуры народов Востока, оказали зороастризм, тенгризм, шаманизм, манихейство и другие формы доисламских верований. При этом поклонения кочевников (кыргызов, казахов и др.) небу выливалось в жажду высокого, наставляло человека быть гордым, непримиримым, исповедовать философию героизма, несовместимую с рабской психологией.

Поклонение Матери-Земле укрепляло веру в силу человека труда, чувства святости родной земли, поддержку духов предков. Зороастрийская этика прививала необходимость следования в повседневной жизни трем принципам: благомыслию, благославию и благодеянию. В этой связи выбор между добром и злом, каждый должен делать не для собственного благополучия, а для решения судьбы всего мира. Шаманизм ориентировал людей на совесть и цельность поведения в земной жизни. Если в исламе реальное человеческое существование являлось своего рода подготовкой к потусторонней жизни, то для сторонников шаманизма реальной была земная жизнь с императивами совести и правдивости, дабы не потерять удачу и здоровье.

Доисламские верования имели преемственную природу и были выражением эволюционной сущности кочевого общества. В них были заложены первоначальная чистота, понимания жизни самой по себе, изначальные мотивации и ценности, истинные начала духовности, выражающие единство человека и природной среды, гармоничность их взаимоотношения. С этой позиции можно утверждать, что принципы кочевого бытия не религиозны по внутренней сути, и для познания истины жизни кочевник не стремится прибегнуть к чему-то потустороннему, сверхскрытому от него, он исходит из определенной (очевидной) данности. Вероятно, поэтому ни одна религия не смогла полностью завоевать сердце кочевника, и в глубине души он остался язычником. В этом аспекте у кыргызского народа прочно сохранился культ

божеств Тенгри, Умай-Эне, Жер-Суу, т. е. языческие верования широко распространялись и в поклонении земле, воде, родникам, камням, лесу, «святым горам», вознесении молитв Солнцу и Луне. Хотя надо отметить, именно современники, все более прочно и с небывалой фанатичностью инкультурируют устои и нормы ислама, в обществе идет философская и культурологическая полемика о целесообразности такого инкультурационного процесса в религиозных предпочтениях общества.

«Необходимо подчеркнуть, что особенности доисламского верования, их аксиологическое содержание ярко выражались в тенгризме, тотемизме и зороастризме как воплощение традиционного мышления кочевников, в частности, кыргызов. В системе этих верований наблюдались культы, представляющие собой комплекс народных воззрений, убеждений и обрядов, с почитанием и олицетворением природы, космоса и их бесчисленных и многозначных объектов, процессов. Об этом ярко свидетельствует феномен Тенгри, являющегося воплощением небесного, универсального субстанционального начала. Почитание неба (как духовной субстанции) – это не результат чистого обыденного сознания, религиозного мышления, а скорее попытка уяснить целостность космоса, неразрывное единство природы и человеческого бытия» [4].

Признание единого Бога – Тенгира как высшего Творца принадлежит тенгризму, но в отличие от христианства и ислама он не уподобляется человеку. Тенгир представлялся единой тайной, силой, расположенной на седьмом небе, недоступной человеческому разуму и отсюда определяющей всё, что происходит во Вселенной. В тенгризме исключалось противопоставление природы и человека, а тем более возвышение человека над нею, люди воспринимали себя как неотъемлемую частицу Великой, всемогущей, но справедливой и равной ко всему, живой Природы. В тенгрианстве мало привнесенного фантазией человека, его домыслами, оно возникло как отражение самой природы, ее логики, сути и содержания законов и понимания ее смысла таким, каким ее воспринимали люди той исторической эпохи. Тенгрианство утвердило единство человека с природой, человек есть ее продолжение, в ней существуют духи-властители рек и степей, гор и лесов. Весь мир в тенгрианстве предстает одухотворенным, в нем также отражаются мироощущение и миропонимание кочевников, основы их менталитета и коллективного бессознательного, прошедшие сквозь тысячелетия. При этом все поступки и жизнь людей в тенгризме должны исходить и отвечать таким базовым принципам морали, как справедливость, реальность души человека (его духовные качества ставились, ценились выше материальных благ); милосердие, доброта и отзывчивость, сочувствие человека не только к себе подобным, но и к природной среде.

Кыргызы, как наиболее древние из сохранившихся алтайских народов, смогли до середины

XX века сохранить основы тенгрианства, благодаря кочевому образу жизни, языку, эпической культуре, обычаям и традициям, глубоко впитавшим в себя смысл и исходные принципы указанного верования. С этой позиции «в мировоззрении кочевников-кыргызов, глубоко воплощались такие функции тенгрианства, как указание на верх, т. е. на верховное божество; созидательная (или покровительская) функция, функция распределения человеческих судеб, связь с мужским началом (предком), согласительная функция человека с природой (возвышение их гармоничности, сотворчества), аксиологическая функция, т. е. развитие ценности (нравственности), ответственности человека перед Космосом и своей совестью» [5, с. 328]. Таким образом, в истинной сущности и функциях тенгрианства содержались основные принципы морали и духовности, выражающие эгоцентризм (тем более исключаящие идеи антропоцентризма и антропоморфизма), отличающиеся рационализмом и реалистичностью, отражая относительную «простоту», «открытость» мировоззрения кочевников и их восприятия окружающего мира, которые в совокупности являются духовным основанием становления и развития культуры народов Востока.

Следует отметить, что система традиционных религиозных ценностей является одним из истоков возникновения и функционирования духовной культуры того или иного этноса. В самом деле, парадигмы религии ближе к языку духовности, нравственности, к феномену духовной культуры, ибо они получают определенные импульсы от религиозной веры. Сконцентрированные в них своеобразные ценностно-гуманистические и моральные нормы требуют тщательного изучения и инкультурации. Социально-культурное развитие человеческой цивилизации показывает, что мировые и локальные религиозные культуры, каждая по своему, содержат в себе уникальный «спектр» моральных ценностей и экологически-этических правил (императивов) для управления людьми в их отношениях с природой, социумом и субъектами исторического процесса.

«К духовным истокам бытия культуры народов (или этносов) также относятся проявления нравственности, ибо они главное свое богатство, т. е. духовную силу, высоту и величие, несли в душе, хранили в сердце, которые содержали в себе богатый морально-гуманистический потенциал. С учетом того, что духовно-онтологические основания культуры обусловлены многообразием отношения человека (социумов) к Миру, целесообразно констатировать, что сформировавшиеся в течении многих поколений в народном сознании нравственные ценности оказывали огромное воздействие на бережное отношение кочевников к окружающей среде, животному и растительному миру, на систему социумов, взаимоотношений исторических, этносоциальных общностей. Чаще всего духовно-созидательная сущность нравственных ценностей выражалась в идее добра, милосердия, справедливости и гуманизма» [6, с. 145].

Так, у кыргызов, как правило, безнравственным, а поэтому и наказуемым считалось неуважительное отношение к природе, особенно к земле, воде. В народе говорили: «Жер – жашоонун булагы» («Земля – источник жизни»); «Конгон журтушдан к-чк-н журтуш таза болсун» («Пусть место, откуда ты откочевал, будет чище того, куда ты перкочевал»). В обыденной жизни строго соблюдались запреты засорения водных источников, устройства запруд, препятствующих естественному потоку воды: «Суу ичкен кудукка түкүрбө», «Булак көрсөң, көзүн ач» («Не плюй в воду», «Увидел источник расчисти его» бросить в них нечистый предмет считалось большим грехом); «Суу сыйлаган зор болоор, суу кордогон кор болоор» («Кто ценит воду, почтение обретает, непочтительный к воде, сам презренным станет»). В поверьях, обрядах и запретах кыргызов содержится большая эколого-нравственная мудрость: нельзя причинять боль тому, что дает жизнь и пищу, иначе не будет ни того, ни другого.

Древние этнические традиции и обряды всегда закрепляли нравственные ценности и «категорические императивы» положительного природосообразного поведения, оптимальной социокультурной динамики и передавались от поколения к поколению. Отсюда очевидно требование к человеку жить разумно с окружающей природой и людьми. И не случайно процесс воззрения на природу, социальной действительности идет от единой развивающейся целостности: человек и природный мир, они сосуществующие формы бытия. Чтить природу – значит чтить человека и его совокупную индивидуальную сущность (природную, социальную и культурную). С этой позиции, в основе традиционной духовной культуры кыргызского народа, издревле лежали следующие эколого-нравственные принципы: 1) признание великой мудрости Природы и любовь к ней как среде обитания и как духовной, нравственной и эстетической ценности;

2) постоянное стремление людей вникать в причинно-следственную направленность и обусловленность природных явлений; 3) осознание зависимости человека от природы; 4) уважение ко всему живому; 5) понимание неотвратимости жестокой расплаты за любые проявления неуважения к экологической среде; 6) изучение, осмысление, освоение и использование экологического и духовно нравственного опыта предыдущих поколений (процессы социализации и

инкультурации); 7) глубокая гуманность и экологичность форм общественного сознания. При этом основными принципами построения системы нравственных ценностей, составляющими важный элемент духовности, являются полезность, гуманность и целесообразность. Они, объединенные канонами, традициями, условностями, формируются в процессе целесообразной производственной, социально-политической и бытовой, познавательной деятельности людей, ориентируют субъекта к непосредственной жизненной среде (социальной и природной) и отражают его ближайшие духовно-культурные и экологические интересы.

В заключении хотелось подчеркнуть, мир кочевой цивилизации гармонично сосуществовал с природой, не нарушая естественного ландшафта, а приспособляясь к природной нише, создавая уникальные виды жилья, традиций, игр и культуру в целом. Данную миссию мира, добра и согласия культуры и экологии, продемонстрировали проведенные «Всемирные игры кочевников» на берегах озера Иссык-Куль – жемчужины Кыргызстана. «Они дали миру толчок в развитии этноспортивного и этнокультурного единения культуры народов» [7, с. 34]. В век глобализации и интеграции, поглощающего уникальные особенности каждого этноса и народа сохранить и инкультурировать эти достижения задачи как науки, так и общества.

Список литературы

1. *Кокумбаева Б. Д.* Онтология культуры. Павлодар, 2005. 268 с.
2. *Нысанбаев А. Н.* Человеческая субъективность как духовно-нравственный феномен // XXII Всемирный философский конгресс (г. Сеул, Южная Корея, 30 июля – 5 авг. 2008 г.). Доклады Казахстанской делегации. Алматы, 2008. С. 149–160.
3. *Акматова Н. С.* Экологическое сознание древних кыргызов. Бишкек, 2011. 132 с.
4. *Жумагулов М.* Экологическое мышление в эпистемологическом измерении. Бишкек, 2005. 147 с.
5. *Байбосунوف А. Ж.* Донаучные представления кыргызов о природе и обществе. Бишкек, 2010. 340 с.
6. *Аскарров Т. А., Мукасов Ы. М.* Роль художественного наследия кыргызов в познании социокультурного процесса. Бишкек, 2008. 153 с.
7. *Отчёт секретариата «Всемирных игр кочевников».* Бишкек, 2016. 98 с.

Gulmira M. Kasymalieva, Assistant Professor,
Beishenaliyeva Kyrgyz State University of Culture and Arts (Bishkek, Kyrgyzstan)
kasymalieva.63@mail.ru

SPIRITUAL BASIS OF KYRGYZ ETHNOS' ECOLOGICAL CULTURE

Summary. For Kyrgyz ethnos' spiritual culture, ecological and gnostic values became a complex phenomenon that appears in different aspects of public life, in its historical development. Moral and spiritual, value-

based and statutory attitudes, requirements, rules and unwritten laws define vital principles for needed inter-ethnic dialogue which also consolidates ethnoses with the nature and cultural environment. As a conse-

quence, a human should be responsible for the world's harmony, and not just by his culture but mostly by moral creativity in the name of prosperity of existential harmony.

Zoroastrianism, Tenriism, Shamanism, Manichaeism and other forms of pre-Muslim beliefs have had marked impact on cultural values of the Eastern ethnoses including on their spiritual culture. Herewith nomads' (Kyrgyz, Kazakhs, etc.) heaven-worship took a form of yearning of sublime, made a human prideful, irreconcilable, and made him or her a person who espouses a philosophy of heroism that stands against a slave's psychology.

Basis of Kirghiz traditional spiritual culture anciently included the next ecological and moral principles: firstly, recognition of the Nature's wisdom, and admiration of Nature as an environment, and as spiritual, moral and ethical value. Secondly, it was people's constant intention to seek cause-and-effect relationship, to see determinism in natural phenomenon. Thirdly, it was a human's awareness of his dependence on nature. Fourthly, respect to everything that alive. Fifthly, clear comprehension of certainty of punishment for a human's disrespect attitude towards nature. Sixthly, studying, understanding, familiarization and usage of previous generations' ecological and spiritual experience (enculturation and socialization). Seventhly, humanness and environmental friendliness of public consciousness forms.

In conclusion the author stresses out that world of nomadic civilization was in full harmony with nature, with original landscape; a nomad in an effort to preserve natural conditions tried to create unique types of houses, cultural traditions, games, etc. The last "World Nomad Games" (Issyk-Kul lake, Kyrgyzstan) help to carry out

such mission of peace, kindness, and consent between culture and ecology.

Keywords: culture, spiritual culture, nature, values, enculturation, a myth, traditions, nomadic culture.

References

1. Kokumbaeva B. D. Ontologija kul'tury [The Ontology of Culture]. Pavlodar, 2005. 268 p. [In Russ.].
2. Nysanbaev A. N. Chelovecheskaya sub"ektivnost' kak duhovno-nravstvennyj fenomen [Human Subjectivity as a Moral Phenomenon] // XXII Vsemirnyj filosofskij kongress (Seul, Koreya, 30 iyulya – 5 avg. 2008 g.). Doklady Kazahstanskoj delegacii [The 22nd World Congress of Philosophy (Seoul, South Korea, Seoul, July 30 – August 5, 2008). The Kazakh Delegation's Reports]. Almaty, 2008. Pp. 149–160. [In Russ.].
3. Akmatova N. S. Jekologicheskoe soznanie drevnih kyrgyzov [Ancient Kyrgyz' Ecological Consciousness]. Bishkek, 2011. 132 p. [In Russ.].
4. Zhmagulov M. Jekologicheskoe myshlenie v jepistemologicheskom izmerenii [Ecological Thinking in Epistemological Dimension]. Bishkek, 2005. 147 p. [In Russ.].
5. Bajbosunov A. Zh. Donauchnye predstavlenija kyrgyzov o prirode i obshhestve [Kyrgyz' Pre-Scientific Nature and Society Concepts]. Bishkek, 2010. 340 p. [In Russ.].
6. Askarov T. A., Mukasov Y. M. Rol' hudozhestvennogo nasledija kyrgyzov v poznanii sociokul'turnogo processa [Kyrgyz Artistic Heritage in Cultural Process Comprehension]. Bishkek, 2008. 153 p. [In Russ.].
7. Otchjot sekretariata «Vsemirnyh igr kochevnikov» [The World Nomad Games Committee Report]. Bishkek, 2016. 98 p. [In Russ.].

УДК 130.2:930.1(476+470+571)

DOI: 10.32340/2541-772X-2018-1-30-37

Л. Е. Криштапович, доктор философских наук, профессор
Белорусский государственный университет культуры и искусств (Минск, Беларусь)
levkrishtapovich@gmail.com

ВЕРНУТЬ ОБЩЕРУССКУЮ ИСТОРИЮ

Аннотация. Раскрывается сущность националистической белорусизации как антисоветского и антиросийского проекта, направленного на замену белорусской ментальности польско-шляхетскими взглядами и представлениями. Акцентируется внимание на необходимости восстановления в жизнедеятельности белорусского и российского народов общерусской истории как главного условия прогрессивного развития Белоруссии и России.

Ключевые слова: белорусизация, белорусизаторы, белорусская ментальность, белорусская культура, общерусская история.

Необходимо заметить, что история вообще не ограничивается только правильным и, еще того менее, только правдоподобным, то есть такими определениями, правильность которых непосредственно ясна для сознания, оперирующего представлениями или так называемым плюралистическим подходом.

История строится на доказанных определениях, то есть таких, содержание которых не воспринимается как внешнее препарирование фактами, а представляет собой результат самого внутреннего исторического развития. Вот почему истинное историческое познание не означает удовлетворение прихотей

отдельного человека, чтобы он создавал из них все, что ему захочется.

В истории важно не то, что можно мыслить, а то, что действительно мыслят, и подлинное историческое познание следует искать не в произвольно приводимых примерах, вырванных из контекста исторического процесса событий, а только в самой истории. Таким образом, мы делаем очень важный шаг вперед, когда в области исторического познания перестаем говорить, что возможно еще и нечто другое. Подходя к истории с точки зрения так называемого плюрализма занимаются случайным, казусным, истинное же историческое познание есть познание о необходимом, закономерном. Это, разумеется, относится и к истории белорусского народа.

Исторический путь развития Белоруссии проходил в русле национального, культурного, цивилизационного единства с Россией. Для белорусского и русского народов характерны языковое родство, единство образа жизни и территории, одна и та же социальная система ценностей, одни и те же мировоззренческие и политические убеждения, общность исторической судьбы.

Объективно белорусская государственность сформировалась в условиях общерусского цивилизационного пространства, союза с русским народом. Такова специфика исторического формирования белорусской государственности. Она рельефно проявляется на примере попытки создания Белорусской Народной Республики (БНР) во время немецкой оккупации Белоруссии в 1918 году. Историки, анализирующие процесс возникновения БНР, делают большой упор на различные частные моменты и сообразно казусной логике исторического мышления подразделяются на две группы: одни считают, что БНР не была государством, а представляла собой только идею белорусской государственности, поскольку у нее не было реальной власти и реальных признаков государственности: армии, полиции, Конституции, судебных органов, финансовой системы и т. п. Другие же доказывают, что БНР все-таки была белорусским государством, поскольку имела флаг, герб, «государственную печать». Несмотря на свои расхождения, обе группы исследователей, тем не менее, считают, что БНР следует рассматривать как явление, которое все-таки способствовало формированию национального самосознания белорусского народа, развитию его языка и культуры, осуществлению государственной самостоятельности и независимости.

Некорректность такого вывода заключается в том, что он основывается на хронологических и формально-абстрактных признаках. Для постижения феномена БНР важна не формально-абстрактная, а философско-историческая точка зрения. А философско-историческую подкладку БНР как раз и составлял комплекс антисоветских, антирусских, антисоюзных идей, которые шли вразрез с белорусской ментальностью и белорусской историей.

Идеологи БНР всячески стремились отрицать историческое значение Октябрьской революции в жизни белорусского народа, противопоставить белорусов и русских, развести Белоруссию и Россию по разные стороны исторического и цивилизационного развития. И такая идеология была не только антисоветской и антирусской, но и антибелорусской, поскольку она была чужда белорусскому национальному характеру, в ложном свете рисовала взаимоотношения между белорусами и русскими, а поэтому абсолютно не воспринималась нашим народом. Совсем не случайно, что сама БНР была провозглашена в период немецкой оккупации Белоруссии 25 марта 1918 года, так как она не имела поддержки среди белорусского народа, а лишь рассчитывала на «хаўрус с Германской империей», т. е. с оккупантами. Поэтому не случайно так называемые «руководители» БНР 25 апреля 1918 года послали германскому кайзеру Вильгельму верноподданническую телеграмму, в которой благодарили за освобождение Белоруссии «от тяжелого гнета, господства чужого издевательства и анархии» [1, с. 64]. Кайзеровские марионетки заявляли, что независимость и неделимость края может быть обеспечена только в союзе с Германской империей, только под ее защитой. Находящиеся под защитой кайзеровских штыков бэнээровцы в июле 1918 года поставили во главе «правительства» БНР циничного и жадного польского помещика-латифундиста, векового угнетателя белорусских крестьян Романа фон Скирмунта. Больше дискредитации бэнээровской политики, как политики антинародной и антинациональной, придумать было нельзя.

Убедившись, что это компрометирует бэнээровцев в глазах белорусского народа, в октябре 1918 года они вынудили Романа фон Скирмунта уйти в отставку и «правительство» БНР возглавил старый «социалист» и антисоветчик Антон Луцкевич, который, видя приближающийся крах Германской империи, стал открыто ориентироваться на панскошляхетскую Польшу, «обещая подчинить пилсудчикам Белоруссию в виде протектората со статусом автономии» [1, с. 65]. Поскольку истинной целью этих политических манипуляций являлось превращение Белоруссии в восточные крессы Польши, то «белорусизаторы» на сессии своей Рады отстранили с так называемого поста премьер-министра Антона Луцкевича и с 12 декабря 1919 года во главе «правительства» БНР стал член партии белорусских эсеров Вацлав Ластовский, такой же активный антисоветчик и русофоб, как и все его предшественники.

Начался поиск новых «кайзеров». 15 сентября 1920 года «правительство» БНР обратилось с письмом к Мирной конференции в Париже с просьбой «внять мольбам» белорусского народа помочь ему «в борьбе с большевистской оккупацией» [1, с. 66]. Но это был глас вопиющего в пустыне.

27 апреля 1922 года Вацлав Ластовский и Александр Цвикевич (министр иностранных дел БНР)

прибыли на Генуэзскую конференцию. Они письменно обратились к конференции с просьбой пересмотреть вопрос о Рижском мире и признать БНР. Но вопрос о БНР даже не был вынесен на обсуждение конференции.

Вацлав Ластовский, исключенный из партии белорусских эсеров за тесные связи с Юзефом Пилсудским, в 1923 году вынужден был подать в отставку и «премьер-министром» БНР стал Александр Цвикевич. Это происходило в условиях политической переориентации в эмигрантской среде «белорусизаторов». 12 октября 1925 года в Берлине на совещании Рады БНР они признали полное банкротство своей борьбы против Советской власти, объявили о самороспуске «правительства» БНР и признали Минск «единым центром национально-государственного возрождения Белоруссии» [1, с. 66].

В подтверждение этой бесспорной исторической истины сошлемся на результаты выборов во Всероссийское учредительное собрание в ноябре 1917 года по Белоруссии. Современные «белорусизаторы» любят фарисействовать на тему, что Советскую власть в Белоруссии установили, дескать, солдаты Западного фронта против воли белорусского народа, представителями которого были якобы национально-демократические силы, создавшие БНР. Но все дело в том, что подобные карикатурные утверждения современных адептов БНР ничего общего не имеют с политической действительностью того времени. Оказывается, во всех белорусских избирательных округах, а их было три, за кандидатов от большевиков (список № 9) проголосовало 63,3 % белорусских избирателей. А в сельской местности поддержка большевиков была еще выше. Например, в Хотенчицкой волости Минского уезда за большевиков проголосовало 93 % избирателей, в Пуковской волости Слуцкого уезда – 84,5 избирателей [2, с. 387]. Солдаты же Западного фронта составляли особый избирательный округ и по своему избирательному округу в подавляющем большинстве (67,7 % избирателей) проголосовали за большевиков. А как же обстояли дела в этом вопросе с так называемыми «белорусизаторами»? Они тоже выставили своих кандидатов в Учредительное собрание (список № 13) и получили ничтожное количество голосов. За их кандидатов проголосовало только 0,3 % избирателей [2, с. 387].

В свете вышесказанного совершенно ясно, что БНР никакого отношения к белорусскому национальному самосознанию и к белорусской государственности не имеет.

Но дело с БНР на этом не окончилось. Уже в Советской Белоруссии в 1920-е годы идеология БНР начала реанимироваться под видом политики белорусизации, которая приобрела откровенно русофобский характер. Дело в том, что в процессе развития белорусизацию возглавили бывшие деятели БНР, скрытые антисоветчики, которые под видом национального возрождения белорусского народа, разрыва с царским прошлым и социалистического строитель-

ства в Белоруссии начали пропагандировать откровенную русофобию. **Белорусизация в ее националистическом варианте стала представлять собой политику и идеологию антисоветизма и русофобии, направленную на фальсификацию белорусской истории, отрыв её от общерусской истории, противопоставление братских народов – белорусов и русских и под прикрытием вывески о так называемом возрождении Белоруссии осуществить замену белорусской ментальности антисоветским и антирусским сознанием в интересах всевозможных западных «кайзеров», но, прежде всего, польско-шляхетского экспансионизма.**

Как это ни парадоксально, но начало такой белорусизации положило постановление Президиума ЦИК БССР от 11 июля 1923 года об амнистии противников Советской власти в связи с третьей годовщиной освобождения Белоруссии от польских интервентов. Именно с этого времени все наиболее видные противники Советской власти, которые являлись наиболее рьяными белорусизаторами, были амнистированы и начали «играть главную скрипку» в национально-культурной политике БССР в 1920-е годы.

В феврале 1922 года произошло торжественное открытие Института белорусской культуры (Инбелкульт) как комплексного, многоотраслевого научно-исследовательского учреждения в республике, будущей Академии наук БССР. Первым председателем президиума Инбелкульта был назначен белорусизатор С. М. Некрашевич. Этот тот самый С. М. Некрашевич, активный организатор борьбы с Советской властью, оказался главным руководителем всей науки в БССР.

Действительным членом Инбелкульта стал также амнистированный Язэп (Иосиф Юрьевич) Лесик, который был одним из руководителей Рады Белорусской Народной Республики (БНР), составлял и подписывал благодарственную телеграмму германскому кайзеру, а потом стал подчинять Белоруссию панской Польше [1, с. 75]. И этот лидер антисоветского движения на территории Белоруссии стал главным светочем в области белорусского языкознания в БССР.

Действительным членом Инбелкульта был сподвижник Я. Лесика И. И. Красковский, сторонник подчинения Белоруссии Юзефу Пилсудскому. В эту когорту белорусизаторов входил антисоветчик И. Ф. Сушинский, а также бывший подполковник царской армии, находившийся на службе у «правительства» БНР, Е. К. Успенский. Главным географом в Инбелкульте стал член первого «правительства» БНР А. А. Смолич. В действительные члены Инбелкульта попали два последних премьера «правительства» БНР В. Ю. Ластовский и А. И. Цвикевич, которые активно боролись против Советского государства не только в годы Гражданской войны, но и после ее окончания, находясь в эмиграции.

Один из виднейших деятелей БНР Вацлав Ластовский в своих работах доказывал, что «белорусы и

русские две разные расы, а белорусское движение по существу является не просто сепаратным от России, а движением национально-расовым» [1, с. 79]. Находясь в Каунасе, Вацлав Ластовский с 1923 по 1927 годы, издавал антисоветский и русофобский журнал «Кривич», где «обосновывал» принадлежность белорусов к особой «кривской расе».

Вернувшись из эмиграции в Минск в 1927 году и став руководителем исторической и этнографической науки в Советской Белоруссии, он продолжал проповедовать теорию волото-кривского происхождения белорусов, согласно которой белорусы имеют расово-антропологическое превосходство над русскими. Им была создана так называемая антиисторическая концепция о «Кривии» – огромном белорусском государстве в прошлом, где доказывалось, что белорусский народ должен называться «кривичским», так как он принципиально отличается от русских, а название Белоруссия должно быть заменено Кривией.

Направляя и расставляя кадры таких белорусизаторов в белорусской культуре и науке В. М. Игнатовский – народный комиссар просвещения БССР, член ЦК КПБ и в то же время сам активный белорусизатор. В его работах, которые были изданы в 1920-е годы в Советской Белоруссии («Краткий очерк истории Белоруссии» (на белорусском языке) (1925); «История Белоруссии в XIX начале XX столетия» (на белорусском языке) (1925); «Белоруссия. Территория, население, экономика, важнейшие моменты истории, экономический очерк Белоруссии и ее округов (1926); «1863 год на Белоруссии» (на белорусском языке) (1930), под прикрытием вульгаризованного понимания марксистской методологии изложены все основные химеры «белорусизаторов»: противопоставление белорусов и русских, отрицание единства древнерусской народности, пропаганда антирусской «Рогнедианы», признание Полоцкого княжества белорусским государством, антиисторические глупости о «Великой Белоруссии» от моря до моря, фальсификации о польско-шляхетском восстании в 1863 году, белорусизаторские рассуждения о БНР как национальном движении белорусов. Современные белорусизаторы ничего нового не сочинили, они лишь как попугаи повторяют белорусизаторские фальсификации 1920-х годов.

Характеризуя белорусизаторскую публику 1920-х годов, польский историк Леон Василевский в 1925 году в книге на польском языке «Литва и Белоруссия» писал: «На поле белорусской культуры работают деятели, по существу не имеющие ничего общего с официальным коммунизмом – социалисты-революционеры, сторонники «правительства Ластовского», прежней Верховной Рады и т.д. Овладевают они Институтом белорусской культуры и почти всем издательским делом на белорусском языке». Далее польский историк говорит о том, что эти белорусизаторы для маскировки вынуждены приспособляться «к официальной линии советской политики» [3, с. 217].

Некоторые недалекие историки могут сказать: раз при Советской власти началась такая белорусизация, следовательно, виновата Советская власть. Это ошибочное заключение. Советская власть ставила задачу национально-культурного развития белорусского народа. Это была исторически справедливая задача. Ведь все белорусские этнографы дореволюционного периода (Евдоким Романов, Александр Сержпутовский, Николай Янчук, Иван Еремич, Адам Богданович, Николай Никифоровский, Юлиан Крачковский) криком кричат о забитости, о темноте, о культурной неразвитости белорусского крестьянина и рабочего. Вырвать белоруса из неграмотности, приобщить его к образованию и культуре – вот чем занималась Советская власть. Белорусизация в 1920-е годы основывалась на доверительном отношении Советской власти к интеллигенции, которая занималась культурной работой в республике. Среди этой интеллигенции была антисоветская часть (Ластовский, Смолич, Лесик, Цвикиевич, Успенский, Некрашевич), которая использовала культурную работу как возможность разрушить общекультурное и государственное единство белорусов и русских. Другими словами, белорусизация в ее националистическом понимании внедрялась не Советской властью как таковой, а группой антисоветски и антирусски настроенных интеллигентов, которые, злоупотребляя доверием Советской власти, всячески пробирались в органы управления культурой и наукой в Белоруссии. Когда русофобские и антисоветские результаты приобрели значительный характер и стали угрожать самому государству, единству народов СССР с националистической белорусизацией в 1920-е годы было покончено.

В третий раз антисоветская белорусизация была реанимирована в годы немецко-фашистской оккупации Белоруссии. Повторилась опять белорусизация, которая свелась к уже известным постулатам: антисоветизму и русофобии. Приехавших в немецком обозе гитлеровских лакеев, (Радослав Островский, Франтишек Кушель, Наталья Арсеньева, Иван Ермаченко, Владимир Козловский, Вацлав Ивановский, Язеп Найдюк, Станислав Станкевич, Лариса Гениуш и др.) немцы стали использовать для белорусизации, т.е. для разжигания межнациональной ненависти и восхваления гитлеровской «Новой Европы». По данным известного советского белорусского историка В. Ф. Романовского, к 6 июля 1941 года немцы привезли около 50 таких гитлеровских наемников [4, с. 77]. И привозных, и местных своих марионеток фашисты использовали для проведения лживой антисоветской и русофобской пропаганды. Для этого стало издаваться несколько белорусизаторских газет и журналов. Главное место среди этих изданий занимала выходившая в Минске «Беларуская газета», редактором которой гитлеровцы назначили одного из создателей национал-социалистической партии в Западной Белоруссии Владимира Козловского [1, с. 128]. Вот что проповедовали гитлеровские белорусизаторы

в этой газете. «У Менску па-расейску размаўляюць толькі сакрытыя жыды і камуністы». Сам гауляйтер Вильгельм Кубе печатался в этой газете. Приведем цитату, как он поучал белорусизаторов в первую годовщину вероломного нападения Германии на СССР 22 июня 1942 года: «Минск должен стать центром собственной белорусской жизни под немецким предводительством в новой Европе. Но Беларусь должна прийти к самосознанию и энергично взяться за задачи, определенные ей Судьбой. Беларусь более не форт выпадов красных правителей против Европы, а граница новой Европы против степного духа москалей» [5, с. 7]. И как показывает практика, современные белорусизаторы продолжают пользоваться этими политическими псевдотроизмами на тему независимой европейской Белоруссии и европейской идентичности белорусов. Они лишь занимаются плагиатом из фашистских циркуляров. Например, белорусизатор Леонид Лыч, который в советские годы живописал о дружбе белорусов и русских, следующим образом комментирует высказывание фашистского бонзы: «Подобная позиция гауляйтера не могла не привлекать к себе белорусских деятелей национальной ориентации... Снисходительное отношение В. Кубе к белорусскому вопросу позволяло научной, творческой интеллигенции, без оглядки по сторонам, строить свою деятельность с учётом национальных интересов, смело идти в народ и говорить ему всю правду о прошлом, склонять к активному участию в устройстве национальной жизни в рамках дозволенного властями» [5, с. 7]. Возвести фашистских палачей в ранг покровителей белорусского возрождения – именно к этому сводится национальная идея и евроинтеграция Белоруссии у современных поклонников националистической белорусизации.

Казалось бы, эти идеи в послевоенной истории Белоруссии не могут обрести статус инварианта. Но они не только не остались в прошлом, напротив, националистическая белорусизация в недавнем прошлом образовала четвертую в своей истории «волну». Это произошло в результате разрушения СССР.

Общеизвестно, что разрушение СССР квалифицируется как «величайшая геополитическая катастрофа XX века». Как правило, при анализе этой «геополитической катастрофы XX века» ограничиваются узкоэкономическим подходом. Обычно говорят о падении валового внутреннего продукта, снижении жизненного уровня народа, разрыве производственных и кооперационных связей, демографическом кризисе, деградации науки и культуры и т. п. Разумеется, все это правильно. Но все эти перечисления негативных последствий разрушения СССР для наших народов не замечают главного. А именно: свой главный удар разрушители СССР направляли против нашей отечественной, общерусской истории. Против исторического сознания наших братских народов. Причем не только против советской истории, но и против досоветской истории. Вот как нынешний академик Российской академии наук, науч-

ный руководитель ИНИОН Юрий Пивоваров поливает грязью всю общерусскую историю и Россию: «...Богомерзкий Сталин создал отвратительный культ Александра Невского... Тот же Александр Невский одна из спорных, если не сказать смрадных фигур в русской истории, но его уже не развенчать... Суть русской жизни неизменна: презрение к личности, в том или ином варианте насилие над человеком и его – в конечном счете – закабаление, воровство, умение самоорганизовываться лишь на злое дело... Нужно, чтобы Россия потеряла Сибирь и Дальний Восток... Кутузов был лентяй, интриган, эротоман, обожавший модных французских актрис и читавший французские порнографические романы...» [6]. Как тут не вспомнить гениального Пушкина, который как будто специально писал не о Фаддее Булгарине, а о Юрии Пивоварове: «Простительно выходцу не любить ни русских, ни России, ни истории ее, ни славы ее. Но не похвально ему за русскую ласку марать грязью священные страницы наших летописей, поносить лучших сограждан и, не довольствуясь современниками, издеваться над гробами праотцев» [7, с. 474].

Фальсификация нашей общерусской истории приобрела многоаспектное измерение, разрушители СССР подвергли дискредитации все ключевые события отечественной истории, всех выдающихся деятелей нашего общего Отечества. Один из своих основных ударов фальсификаторы наносили против древнерусской народности и древнерусского государства как корневых основ этнического и государственного единства белорусов, русских и украинцев. Преследовалась цель развести их по разные стороны исторического развития, противопоставить их друг другу, заменить нашу собственную историю чужой историей, точнее, чужими антиисторическими взглядами на историю наших братских народов. Фальсификаторы нашей общерусской истории работают именно в направлении деисторизации и деинтеллектуализации общественного сознания наших стран, ликвидации исторической памяти наших народов, выполняя тем самым антиисторический заказ своих западных хозяев. **Ведь понятно, что народы, лишенные исторической памяти, утратившие свои ментальные характеристики, неспособны ни к какой исторической жизни, оказываются вне исторического времени и пространства, исчезают из истории как народы.**

Важно отметить, что фальсификаторы нашей истории ничего нового и оригинального в своих «исследованиях» не сообщают. Они лишь всего воспроизводят антиисторические инсинуации западной пропаганды и реанимируют антирусские сентенции так называемых белорусизаторов и украиноизаторов конца XIX начала XX веков в Белоруссии и на Украине.

Наглядный пример такой фальсификации в современной белорусской истории и культуре является попытка белорусизаторов представить польских маг-

натов XVII–XVIII веков Радзивиллов примером истинных белорусов, независимых и свободолюбивых, веселых и добрых, творческих и поэтичных. На фоне истинного положения дел, выражающегося в беспощадной полонизации Радзивиллами белорусского народа, подобные утверждения являются импровизацией на заданную тему.

Ибо Радзивиллы, известные как одни из самых «экстравагантных» магнатов Речи Посполитой, не только не имели никакого отношения к белорусской ментальности и белорусской государственности, но были самыми настоящими душителями всего белорусского. Все великолепие и богатство их имений было основано на многовековом национальном и духовном порабощении белорусского народа. Этот исторический факт не вызывал сомнений у современников Радзивиллов. Вот как описывают очевидцы реальную ситуацию в Белоруссии во время господства польских магнатов. «Проезжая (Белоруссию), надрывается сердце от боли и жалости. Богатая земля населена людьми, которые изнемогают от работы, а дурные паны управляют с безудержной властью крестьянами, доведенными до окончательной нищеты. Грабеж повсюду бессовестный и бесстрашный» [8, с. 68]. Разумеется, это далеко не единственное свидетельство, отражающее истинное отношение польской элиты того времени к белорусскому народу. Поэтому популяризация радзивилловщины в контексте белорусской истории является неуместной.

Но еще большей глупостью являются утверждения нынешних белорусизаторов, что Радзивиллы могут служить примером государственных деятелей, отстаивавших независимость своей страны. И это тем более актуально, заявляют фальсификаторы, что сегодня Белоруссия тоже ищет свой путь в мировом сообществе, стремится занять в нем достойное место в качестве независимой суверенной державы. Этим недалеким поклонникам радзивилловщины полезно было бы вспомнить тот очевидный факт, что польские магнаты отстаивали не независимость своей страны, а боролись за сохранение всевластия и произвола магнатов в Речи Посполитой. Еще в XVI веке видный польский мыслитель и гуманист Анджей Моджевский писал: «Не нужно предсказаний астрологов, чтобы увидеть, что спесь и крайний произвол приведут это королевство ни к чему иному, как только к гибели» [9, с. 123]. Именно спесь и сумасбродство таких деятелей, как Радзивиллы, и привели к краху само польское государство.

И предлагать в пример польских магнатов, разрушивших собственное государство, для сохранения белорусской независимости в сегодняшнем мире могут только такие работники культуры, горизонт которых ограничен парадными залами Несвижского замка.

Приходится признать тот факт, что многие работники культуры в Белоруссии не понимают взаимоотношающихся явлений. Им кажется, что если произошла реставрация Несвижского замка, то, следова-

тельно, это означает и реставрацию образа жизни польских магнатов, включение этого образа в каталог белорусской культуры. Именно на таком ложном отождествлении осуществляется фальсификация нашей истории, когда жестокосердные польские магнаты преподносятся как представители белорусского самосознания. Конструируется иллюзорная действительность: будто бы польские магнаты заботились о процветании белорусских крестьян. Вот почему важно понимать, что реставрация исторических памятников, в том числе и замков польских магнатов на территории Белоруссии, не означает реставрации ментальности польской аристократии в белорусской культуре. Поэтому полнейшей фальсификацией являются попытки определенных деятелей белорусской культуры зачислить в разряд белорусских князей Миндовга, Ольгерда и Витовта, тащить в современную белорусскую культуру Радзивиллов, Сапег, Огинских как якобы видных представителей белорусских знатных родов и высокой белорусской ментальности. Это не только дискредитирует действительную историю Белоруссии, но и является прямым оскорблением национальных чувств нашего народа, потратившего немало сил и времени, чтобы освободиться от социального, национального и религиозного угнетения подобных «благодетелей» белорусов.

Зачем это делалось и делается? Затем, чтобы лишив наши народы своего исторического сознания, реализовать геополитические проекты Запада на постсоветском пространстве. То, что не удалось сделать западным правителям в битве при Чудском озере, в годы Смутного времени, во время Отечественной войны 1812 года и Великой Отечественной войны 1941–1945 годов, они решили осуществить в результате «геополитической катастрофы XX века». Для реализации своих антирусских замыслов Запад на помощь призвал коллаборационистов-фальсификаторов, которые должны были подвести, так сказать, «историческую» основу под разрушение СССР. Манипулируя общественным сознанием, они утверждали, что, общерусская история была неправильной, нашим народам следует отречься от своей истории и заменить ее историей правильной. Какой? Разумеется, той, которая изложена в западной историографии. То есть историей, которая оправдывала агрессивную, колониальную политику Запада в отношении незападных народов. То есть историей, которая оправдывает сегодняшнюю экспансионистскую политику западных правительств в отношении постсоветских республик в виде продвижения НАТО на Восток, навязывании западных ценностей в качестве универсальных ценностей человечества, противодействию интеграции между бывшими союзными республиками, устранении неудобных политических лидеров.

Нужно ясно понимать, что это не некие абстрактные исторические дискуссии, не имеющие отношения к настоящему. Лоббируя идеологию БНР в

белорусское самосознание, «белорусизаторы» делают это для того, чтобы подчеркнуть неправильность избранного белорусами пути развития, попытаться навязать чуждые нашему народу ценности, а значит, в корне пересмотреть политику государства. Именно этим объясняется актуализирование лозунгов об исключительно европейском характере Белоруссии и игнорирование ее общерусских корней. Отказ от общерусских корней белорусского самосознания – это отказ от союза с братской Россией, а шире – от участия в каких-либо интеграционных процессах на постсоветском пространстве, отказ от исторического выбора белорусского народа, смена геополитической ориентации нашей республики. Именно эту цель и преследуют «белорусизаторы» при восхвалении БНР.

Отсюда вытекает важнейшая задача для деятельности всех структур белорусского гражданского общества. Вернуть общерусскую историю, общерусское сознание во все сферы жизнедеятельности белорусского общества. Вернуть общерусскую историю в исторические учебники, вернуть общерусскую историю в литературу и искусство, в театр и кино, на радио и телевидение, в газеты и журналы, в систему воспитания и образования. Без выполнения этого условия все наши усилия по преодолению негатив-

ных последствий геополитической катастрофы XX в. будут напрасны.

Список литературы

1. *Залесский А. И., Кобринец П. Н.* О национальных отношениях в Советской Белоруссии. Исторические очерки. Гродно, 1992. 193 с.
2. *Игнатенко И. М.* Беднейшее крестьянство – союзник пролетариата в борьбе за победу Октябрьской революции в Белоруссии. Минск, 1962. 473 с.
3. *Василевский, Л.* Литва и Белоруссия. Варшава, 1925. 316 с.
4. *Раманоускі В.* Саудзельнікі у злачынствах. Мінск, 1964. 276 с.
5. *Петровский П.* Четыре мифа о БССР, колыбели современной белорусской нации // Коммунист Беларуси. 2015. № 52.
6. *Трубицын А. К.* Публицист Александр Трубицын: Очередное вранье академика Пивоварова. URL: <https://kprf.ru/history/soviet/169996.html> (12.01.2018).
7. *Пушкин А. С.* Сочинения. Т. 3. Проза. Минск, 1987. 526 с.
8. *Гісторыя БССР.* Мінск, 1971. 278 с.
9. *Польские мыслители эпохи Возрождения.* Москва, 1960. 304 с.

Lev E. Krishtapovich, Doctor of Philosophical Sciences, Professor
Belarusian State University of Culture and Arts (Minsk, Belarus)
levkrishtapovich@gmail.com

TO BRING BACK THE ALL-RUSSIAN HISTORY

Summary. The article is devoted to the analysis of all-Russian history that considers as a mental base for Belarusian culture and Belarusian identity by the author. In this context, the author shows falsehood of so-called “Belarusization” aimed at reversal the mental features of Byelorussians’ in past and in present as well as at forcing up the Polish szlachta’s idea about Byelorussian culture to the today’s Byelorussians’, at denial the Byelorussians’ all-Russian roots.

Actors of “Belarusization” trying to popularize Polish szlachta’s culture in Byelorussian culture space have their own aim – they are trying to argue Byelorussians’ anti-Russian nature, to highlight wrongness of way chosen by them on May 14, 1995 and on November 24, 1996, so this is an attempt to eliminate Byelorussians as all-Russian ethnos, to change the orienteer of Byelorussian policy and culture from union with Russia to union between Belorussia and Poland against Russia.

The author concludes: there is a need to preserve and strengthen all-Russian history, to inculcate respective attitude to Byelorussians’ historical choice that is the result of their all-Russian ethnic self-conscious that have been forming for many centuries. And in this frame, Byelorussians’ nationhood and culture have found its force.

Keywords: *Belarusization, actors of Belarusization, Belarusian mentality, Belarusian culture, all-Russian history.*

References

1. *Zallesski A. I., Kobrinets P. N.* O nationalnyh otnosheniyah v Sovetskoj Belorussii. Istoricheskie ocherki [On the Inter-Ethnic Relations in Soviet Belorussia. Historical Reviews]. Grodno, 1992. 193 p. [In Russ.].
2. *Ignatenko I. M.* Bedneyshee krestyanstvo – soyuznik proletariata v borbe za pobedu Oktjabrskoy revolyucii v Belorussii [The Poorest Peasantry is the Proletariat’s Ally in the Struggle for the Victory of the October Revolution in Belorussia]. Minsk, 1962. 473 p. [In Russ.].
3. *Vasilevski L.* Litva i Belorussia [Lithuania and Belorussia]. Warsaw, 1925. 316 p. [In Pol.].
4. *Ramanouski V.* Saudzelniki u zlachynstvah [Partners in Crimes]. Minsk, 1964. 276 p. [In Belaruss.].
5. *Petrovski P.* Chetyre mifa o BSSR, kolybeli sovremennoy belorusskoy natii [Four Myth on Belorussian Soviet Socialist Republic, the Cradle of the Today’s Belarusian Nation] // Kommunist Belarusii [Communist of Belorussia]. 2015. No. 52. [In Russ.].
6. *Troubitsyn A. K.* Alexander Trubitsyn, publicist: Ocherednoe vranyo akademika Pivovarova

[Alexander Trubitsyn, Essay Writer: One More Lie of the Academician Pivovarov]. URL: <https://kprf.ru/history/soviet/169996.html> (12.01.2018). [In Russ.].

7. *Pushkin A. S. Sochinenia* [The Works]. Vol. III. [Proze]. Minsk, 1987. 526 p. [In Russ.].

8. *Gistoria BSSR* [The History of the Belorussian Soviet Socialist Republic]. Minsk, 1971. 278 p. [In Belaruss].

9. *Polskie mysliteli epochi Vozrozhdenia* [Polish Thinkers of the Renaissance]. Moscow, 1960. 304 p. [In Russ.].

УДК 316.347: 316.73(4/5)

DOI: 10.32340/2541-772X-2018-1-37-39

М. А. Носоченко, кандидат культурологии, доцент
Алтайский государственный институт культуры (Барнаул, Россия)
caprucita.amarilla2016@gmail.com

ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЕВРАЗИИ

Аннотация. В статье рассматривается проблема создания единого евразийского цивилизационного пространства на основе формирования новой евразийской идентичности. Через обращение к опыту Советского Союза анализируются возможности и перспективы этого процесса.

Ключевые слова: *евразийство, Евразия, идентичность, глобализация, образ будущего, СССР.*

Принято считать, что в современном мире идут процессы глобализации: стираются границы между странами и цивилизациями, человечество обретает единое культурное и экономическое пространство. Всё в меньшей и меньшей степени ощущаются различия между разными регионами планеты. Растёт количество людей, названных Ж. Аттали «новыми кочевниками», – тех, кто чувствует себя как дома повсюду, где есть люди, умеющие объясниться на английском языке и доступ к глобальным информационным сетям. Для определения состояния современного мира вполне уместна метафора «глобальной деревни».

В целом необходимо отметить, что глобализация не означала равенства возможностей и справедливости в планетарном масштабе. Соперничество социальных систем и различных цивилизаций шло полным ходом, и страны-лидеры имели массу преимуществ по сравнению с зависимыми странами.

Однако в последние годы наметились тенденции, которые позволяют предположить, что период глобализации подходит к своему логическому завершению, и человечество вступает в новую эру – эру *глокализации*, которая предполагает распад единого мира на отдельные кластеры, каждый из которых будет иметь чётко очерченные границы. По некоторым оценкам, шанс выжить и успешно развиваться будут иметь кластеры численностью не менее 500 миллионов человек. Между этими кластерами возможно ожесточённое соперничество за ресурсы и территорию. Ни одна страна мира, возможно, за исключением КНР, не способна создать свой отдельный кластер. Следовательно, в новых исторических условиях для России и других государств возникает насущная необходимость сформулировать собственное видение будущего, определить своё место в нём, разработать стратегию и тактику объединения с потенциальными партнёрами по единому цивилизационному пространству. Вероятно, что для адекватного

ответа на подобный вызов будет недостаточно экономического и даже политического союза национальных государств. Фундаментом для такого объединения может стать возникновение новой идентичности, на основе которой появится новый геостратегический субъект.

Для России – страны, имеющей огромную территорию, богатейшие ресурсы и сравнительно немногочисленное население – всё это имеет особое значение. Кроме того, волей исторической судьбы России суждено было стать географическим центром важнейшего региона планеты.

В среде представителей мировой элиты и обслуживающих её интеллектуалов факт возможного грядущего соперничества различных цивилизаций осознаётся вполне отчётливо, как и то обстоятельство, что в геополитическом отношении ключевым регионом планеты является Евразия.

З. Бжезинский пишет следующее: «С того момента, как приблизительно 500 лет назад континенты стали взаимодействовать в политическом отношении, Евразия становится центром мирового могущества. Евразия, следовательно, является "шахматной доской", на которой продолжается борьба за мировое господство, и такая борьба затрагивает геостратегию – стратегическое управление геополитическими интересами... Евразия является крупнейшим континентом на земном шаре и занимает осевое положение в геополитическом отношении. Государство, которое господствует в Евразии, контролировало бы два из трех наиболее развитых и экономически продуктивных мировых регионов...»

Тот, кто правит Восточной Европой, владеет Сердцем земли;

Тот, кто правит Сердцем земли, владеет Мировым Островом – (Евразией);

Тот, кто правит Мировым Островом, владеет миром...

Сегодня геополитический вопрос более не сводится к тому, какая географическая часть Евразии является отправной точкой для господства над континентом, или к тому, что важнее: власть на суше или на море. Геополитика продвинулась от регионального мышления к глобальному, при этом превосходство над всем Евразийским континентом служит центральной основой для глобального главенства» [1, с. 118].

Очевидно, что единственной страной – сердцем Евразии – является Россия. Именно наша страна способна стать центром, вокруг которого объединятся как небольшие, так и крупные евразийские державы. Для этого имеются и географические, и исторические, и культурные предпосылки.

Итак, России, судя по всему, суждено осуществить миссию собирания всего евразийского пространства. Что-то в направлении данного объединения делается и сейчас, однако явно недостаточно. Что может предложить современная Россия миру? Лишь экономическое сотрудничество вряд ли является достаточно прочной основой подобного союза. Необходима общая духовно-мировоззренческая основа для объединения. Какие смыслы и символы способны привлечь к себе внимание соседних народов и государств и стать основой для формирования единого культурного и смыслового поля на территории Евразии?

Сложность такой глобальной задачи заключается ещё и в том, что Евразия – это огромное пространство, населенное многочисленными народами, каждый из которых имеет собственную культуру, историю, язык, государственное устройство и проекты будущего. Является ли корректным предположение о существовании единой евразийской идентичности в условиях наличия подобного разнообразия?

Нам кажется, что стоит перевести обсуждение этой проблемы в иную плоскость и отметить, что идентичность не является готовой данностью, «вещью», она может проектироваться и развиваться при помощи социальных технологий. Также она может быть разрушена, например, через внедрение в культурную матрицу несовместимых с ней элементов.

Имеет смысл изучить опыт прошлого: как позитивный, так и отрицательный. В тысячелетней истории человечества, и в истории России в том числе, наверняка найдётся множество примеров подобного проектирования. Эти примеры нуждаются в обобщении. Один из таких примеров принадлежит совсем недавнему прошлому.

Наиболее значимым проектом построения глобальной евразийской державы был Советский Союз. И проектом, с нашей точки зрения, очень удачным, с серьёзным потенциалом развития, несмотря на существенные недоработки, характерные для любого принципиально нового начинания. Много в своей национальной политике СССР почерпнул из опыта совместного существования народов Российской

империи: бережное отношение к национальным традициям, стремление к ненасильственной ассимиляции без установки на унификацию. Всё это отличало российскую национальную политику от политики, например, Британской империи.

Однако в период существования СССР были привнесены принципиально новые моменты, свойственные обществу эпохи модерна: прежде всего, провозглашался светский характер государства и установка на социальный прогресс. Такая установка соответствовала общему тренду той исторической эпохи, поэтому советский проект был привлекателен для больших масс людей во всём мире.

Большое значение имел и тот факт, что важнейшей идеей, положенной в основание идеологии советского модерна, была идея социальной справедливости. Эта идея соответствовала как духовным запросам современности, так и традициям русской православной культуры. В этом кроется, в частности, причина того, что людям, мечтавшим о покорении космоса, была близка русская классическая литература с её моральной рефлексией и поисками смысла жизни.

Вот что пишет по этому поводу С. Г. Кара-Мурза: «Не вдаваясь в детали, скажем только, что в целом, через всю систему культуры советское общество выработало свою специфическую центральную мировоззренческую матрицу. Она видоизменялась со временем, в ней обновлялся ряд символов, переделывались некоторые блоки исторической памяти, но не вызывает сомнения, что существовало общее мировоззренческое ядро, через которое все народы СССР собирались в надэтническую общность. Целый исторический период ему было присуще сочетание здравого смысла с антропологическим оптимизмом – уверенностью, что жизнь человечества может быть устроена лучше, и что добро победит зло. Вероятно, главную роль в создании и поддержании этого общего ядра сыграла единая общеобразовательная школа, давшая общий язык и приобщившая всех жителей СССР и к русской литературе, и к общему господствующему типу рациональности» [2, с. 385–386].

Также большое значение имел тот факт, что в эпоху СССР, особенно на раннем этапе, прекрасно работали социальные лифты и существовали огромные возможности для вертикальной социальной мобильности широких масс населения. Немаловажно, что ключевую роль здесь играл институт образования, что характерно именно для эпохи модерна. Научные и технические достижения создавали СССР имидж передового государства, имеющего все основания разговаривать на равных с западными державами. И, безусловно, статус страны, победившей фашизм, гарантировал возможность серьёзно влиять на процессы, происходившие в мире.

Понятие «советский человек» не было идеологической пустышкой и надуманным конструктом: оно отражало реально существовавшую цивилизационную и культурную идентичность, образ жизни и образ мыслей, которые нашли своё воплощение и

в литературе, и в театре, и в кинематографе. Причём эта идентичность безошибочно опознавалась в качестве таковой представителями иных культур и цивилизаций.

С другой стороны, эта прекрасная картинка омрачается одним фактом: СССР больше нет. Объяснять это обстоятельство происками врагов совершенно бессмысленно: в самом советском проекте были заложены изъяны, которые привели к его краху. Прежде всего, это касается качества элиты, управлявшей страной. И это тоже должно стать предметом осмысления.

По нашему мнению, советский опыт нуждается в самом пристальном изучении. Два существенных вывода относительно исторического наследия СССР можно сделать уже сейчас.

Во-первых, в современном мире, вступившем в переходную эпоху, существует запрос на проекты будущего. Сознательно или подсознательно, но огромные массы людей тянутся к тем народам и странам, которые в состоянии предложить свой собственный образ будущего, следовательно, своё представление о цели и смысле человеческой истории, о месте и роли человека в историческом процессе. Такой образ будущего в СССР был, и далеко

не только на уровне идеологии. Достаточно отметить, насколько советская фантастика отличалась от американской, например. Современной России такой образ тоже совершенно необходим, если она претендует на роль мирового или даже регионального лидера.

Во-вторых, поскольку речь идёт об идентичности, создание её невозможно без ответа на фундаментальные мировоззренческие и нравственные вопросы: что есть справедливость, добро и зло, свобода и ответственность? Россия всегда предлагала миру собственные варианты ответов на эти «вечные» вопросы, поэтому самый известный русский писатель на Западе – Ф. М. Достоевский.

В заключение хотелось бы отметить, что судьба России как крупнейшей евразийской державы во многом зависит от того, сумеет ли она стать центром, вокруг которого объединятся другие евразийские народы и государства.

Список литературы

1. *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. Москва, 2009. 280 с.
2. *Кара-Мурза С. Г.* Демонтаж народа. Москва, 2007. 709 с.

Marina A. Nosochenko, Ph. D. in Cultural Studies, Associate Professor
Altai State Institute of Culture (Barnaul, Russia)
caperucita.amarilla2016@gmail.com

ETHNIC IDENTITY IN THE EURASIAN SOCIAL AND CULTURAL SPACE

Summary. The article deals with the question of making a common Eurasian space based on a new Eurasian identity.

In the beginning of the article it is argued that there has been a radical geostrategic, economic and political change in the today's world. Instead of globalization we are becoming eyewitnesses of the backward process, the "glocalization" which means disintegration of the earlier consolidated world into separated parts each of which have clearly defined borders. According to some predictions, a chance for successful development will have clusters with population of not less than 500 million people. Today's Russia and other modern countries has to elaborate a new strategy of development, to find the right tactics for cooperation with prospective partners in shared space. A personality's new identity can be a basis for interstate consolidation. This question has especial significance for today's Russia because the country is in the heart of the Eurasian continent, plays a weighty role in the human history and shows negative geographic trends. Russia is able and is obliged to propose to the world some new meanings and symbols that can provide the basis for the Eurasian common cultural space.

The complexity of such strategic goal lies in the next: Eurasia is a huge space inhabited by numerous

ethnoses with their own cultural traditions, history, language and authority structures.

Also, the article argues that identity is not reality that isolated from human actions; it can be created and developed by special social technologies. It can be destroyed, for example, by the inoculation of the alien elements into the cultural matrix.

We believe that the Soviet Union was an important project on creation a global Eurasian Dominion based on the ideology of modernization. First of all, the USSR proclaimed the priority of social progress and social justice, which were key ideas of the epoch. The concept of "a Soviet man" was not an ideological fiction; it marked the real social and cultural identity of a person.

The author concludes: today's world seeks future projects and Russia is able to offer good ones. Apart from it, forming a new identity is impossible out of discussion on key philosophical and moral questions.

Key words: Eurasianism, the Eurasia, a personality's identity, globalization, image of future, the Soviet Union.

References

1. *Brzezinski Z.* The Grand Chessboard. Moscow, 2009. 280 p. [In Russ.].
2. *Kara-Murza S. G.* Wrecking of the People. Moscow, 2007. 709 p. [In Russ.].

КОДЫ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ И ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В СОВРЕМЕННОСТИ

Аннотация. В статье рассматривается проблема трансформации этнической культуры в условиях модернизации при сохранении ею базовой функции – воспроизводства этноса. Подчёркивается, что своеобразие этнической культуры концентрируется в её символическом ядре, что превращает культуру в основу для определения этнической идентичности. На общесибирском материале выявляются новые уровни и формы трансляции и актуализации этнической культуры. Раскрывается положение о том, что с утратой этносом традиционного образа жизни функционирование культуры всё более смещается в символическую сферу, а основным субъектом её трансляции становятся социальные институты разного вида.

Ключевые слова: символ, традиционная культура, этническая идентичность, современные этнокультурные процессы.

В общественных науках в XX в. наметился чрезвычайный рост интереса к роли символических форм в жизни общества. Не стала исключением и этнография. Основатель в её рамках такого направления, как интерпретативная антропология, К. Гирц тонко подметил: «Значение, эта неуловимая и неясная псевдоматерия, которую мы с готовностью отдали на растерзание философам и литературным критикам, теперь вернулась в самый центр нашей дисциплины» [1, с. 39]. Культуру исследователь определил как систему смыслов, воплощённых в символической форме, где в роли символов выступают слова, действия, предметы, посредством которых человек вступает в коммуникацию с другими людьми и формирует своё мировоззрение. Смысл семиотического подхода к культуре он видел в том, «чтобы помочь нам получить доступ к концептуальному миру, в котором живут изучаемые нами люди, с тем чтобы мы могли вести с ними диалог» [1, с. 33].

Культура не существует вообще, абстрактно, она представлена множеством более или менее устойчивых вариантов, которые крупнейший отечественный культуролог Э. С. Маркарян назвал «исторически данными культурами» – греческая, эллинская, исламская [2, с. 40]. При этом наиболее устойчивым видом исторически данных культур учёный считал этническую культуру. Под нею понимается своеобразный, неповторимый комплекс элементов, отличающих культуру одного народа от другого [3, с. 53]. При всём современном разнообразии трактовок этничности как чувства или осознания общности, объединяющего народ, их представители, включая сторонников и примордиализма, и конструктивизма, и ситуационизма, именно культуру определяют основой данного феномена. Она выступает в качестве базы и при определении этнической идентичности, т. е. индивидуального отождествления себя с каким-либо этносом, правда при этом может представлять как в реальном, так и в символическом исполнении.

Для каждой этнической культуры характерно своё поле смыслов. Оно меняется со временем, но вместе с тем продолжает прочно удерживать базовые символы, выработанные в традиционном, доиндустриальном обществе. Более того, именно эти традиционные символы актуализируются в современности и становятся главными скрепами, не позволяющими рассыпаться этнической общности, раствориться в иноэтнической и этнокультурной среде.

Вторая половина XX в. во всём мире прошла под знаком этнического Ренессанса, т. е. усиления интереса к этническим традициям, стремления возродить их. Поскольку важную роль в указанных процессах сыграла национальная интеллигенция прежде всего коренных народов, социологи объяснили это в том числе и формированием «независимых интеллектуальных элит» на уровне этноса, их «взрослением», обусловленным модернизацией [4, с. 6–9]. В Российской Федерации стремление к возрождению этнической культуры отчётливо обозначилось со второй половины 1980-х гг. Начало XXI в. продемонстрировало развитие означенного процесса, более того, в международной жизни он вышел на государственный уровень и принял форму национализма. Оставляя в стороне различные подходы к явлению национализма и его трактовку, отмечу, что он неизбежно связан с обращением к историческому и культурному опыту нации и актуализацией некоторых базовых идей, смыслов и символов, почерпнутых из этого опыта. Фильтром, определяющим предмет актуализации, нередко становятся политические интересы национальной элиты.

Опыт Российской Федерации свидетельствует о том, что в настоящее время актуализация этнокультурного опыта с целью сохранения и трансляции этнической культуры принимает различные формы и проявляется на разных уровнях. Попытка классификации этих форм, предпринятая в рамках настоящей статьи, привела к выделению четырёх уровней актуализации традиционной символики, цементирующей этническую культуру.

Первый уровень – официальный. Он показателен прежде всего для субъектов Российской Федерации, выделенных на основе национально-территориального признака. Формы актуализации традиционной этнической символики здесь разнообразны.

Государственная геральдика, и прежде всего герб, здесь включают изобразительные сюжеты или орнаментальные мотивы, ассоциирующиеся с этнической историей и культурой титульного этноса или этносов. Так, белый барс на гербе Республики Татарстан символизирует связь с Алтаем как исторической прародиной татар. Республики самого Саяно-Алтайского региона поиск образного решения современных гербов тоже осуществляли в историческом прошлом и традиционной культуре народа. Так, грифон – центральный образ герба Республики Алтай – подчёркивает связь с традициями скифо-сибирского мира, сложившегося в I тыс. до н. э. Главный символ Республики Тыва, скачущий на коне всадник в национальном костюме, выражает специфику традиционного образа жизни народа. Центральную часть герба Республики Хакасия занимает изображение свернувшегося в кольцо барса, канон которого хорошо известен по памятникам тагарской археологической культуры VII–III вв. до н. э. [5, с. 131, 134, 138]. Эталонный уровень орнаментального творчества у коренных народов Приобья, хантов и манси, обусловил включение в герб наиболее популярного в меховой мозаике орнаментального мотива.

Традиционные обряды и праздники получают статус национальных республиканских и презентуют этническую культуру титульного этноса, подчёркивая его тесные культурные связи с другими этническими общностями.

Так, в Республике Алтай с 1998 г. национальным праздником стал Эл-Ойын, сконструированный интеллигенцией на основе элементов традиционной культуры, главным образом различных состязаний. Прообразом праздника стал обряд чествования лета перед началом дальних перекочевок к высокогорным альпийским пастбищам, важным обрядовым действием которого было благодарение горных духов за благополучный выход из долгой зимы и хороший приплод скота. После молитвенных подношений духам проводили игры и зрелищные спортивные состязания: конные скачки, борьбу куреш. Своеобразным преемником обряда в советскую эпоху стал «День Пастуха», проводившийся почти в каждом селе Горного Алтая и приуроченный к завершению весенних работ и угону скота на летние пастбища. Впервые праздник Эл-Ойын был организован и проведен в селе Ело Онгудайского р-на с 30 июня по 3 июля 1988 г. силами национальной интеллигенции [6].

Для Республики Саха главным праздником стал Ысыах, реконструированный на основе традиционного обряда, проводимого якутами в честь древних духов айыы, культ которых их предки принесли с исторической прародины, локализованной в Забайка-

лье. Описания праздника на основе материалов, относящихся ко второй половине XIX в. [7], характеризуют его как обряд новогоднего цикла, посвящённый благодарению духов за прожитый период времени и испрашиванию удачи на предстоящий. Главным действующим лицом праздника являлся белый шаман, исполнявший молитвы, обращённые к духам и приносивший им подаяния в виде возлияния молока на жертвенный костёр. В советское время праздник был тождественен трудовой, и сакральный элемент в нём был максимально приглушён [8].

Формой актуализации традиционной символики на официальном уровне стало учреждение и поддержка республиканских и окружных музеев, в различных направлениях деятельности которых существенное место занимает этнический компонент. Поддержка национальных музеев в южносибирских республиках (Национальный музей Республики Алтай им. А. В. Анохина, Национальный музей Республики Тыва им. Л. Р. Кызласова, Национальный музей Республики Тыва им. Алдан-Маадыр) – один из приоритетов культурной политики на региональном уровне. Свидетельством тому служит ряд целевых программ, концепций и стратегий. В них изложены пути решения существующих проблем, среди которых укрепление материально-технической базы, развитие туризма и поддержание культуры коренного этноса, развитие музейной деятельности. Этнографические коллекции по традиционной культуре коренных народов в данных музеях занимают подчиненное положение в силу богатейшего археологического наследия Саяно-Алтайского региона. Тем не менее, предметы этнографии хорошо представлены в постоянных экспозициях: это посуда и другие предметы быта, одежда, обувь, охотничьи и рыболовные приспособления, конское снаряжение, ритуальная атрибутика, предметы декоративно-прикладного искусства и т. д. Центральным экспонатом для всех музеев служит жилище – юрта, в которой воссоздается характерный для культуры того или иного народа – алтайцев, хакасов, тувинцев – интерьер [9, с. 122, 215].

Формы музеефикации традиционной культуры в музеях варьируются. В постоянной экспозиции Таймырского краевого музея на высоком профессиональном уровне представлены уникальные аутентичные образцы предметов жизнедеятельности, характеризующие традиционную культуру всех обитающих на нём коренных народов – нганасан, ненцев, долган, эвенков и юкагиров, а также обосновавшихся здесь позднее русских. В Лянторском этнографическом музее, находящемся в Сургутском районе Тюменской области, проведены аутентичные реконструкции жилых и хозяйственных построек во всём их многообразии, зафиксированном у хантов, причём с учётом локального своеобразия пимской группы этноса [10]. Музеи Якутии демонстрируют работу по возрождению утраченных элементов культуры, например берестяной юрты урасы, а также их последующей

модернизации, например в виде музейного здания, по форме напоминающего урасу.

На официальном уровне создаются и поддерживаются культурные центры, призванные содействовать сохранению этнической культуры и её символов. Так, в Томской области существуют два бюджетных образования – Центр татарской культуры и Российско-немецкий дом. Первый расположен в историческом районе города – татарской слободе, а именно в её архитектурной жемчужине – доме купца Каримбая. К важнейшим мероприятиям, проводимым центром, следует отнести ежегодное празднование Сабантуя, который превращается в демонстрацию элементов традиционной культуры, и прежде всего татарской кухни, спортивных состязаний. В Дудинке активно функционирует Центр народных художественных промыслов, где представлены изделия народных мастеров, образцы профессионального творчества, проводятся театрализованные интерактивные представления с посетителями, раскрывающие отдельные сюжеты традиционного мировоззрения коренных народов Таймыра.

Наконец, благодаря поддержке официальных властных структур этническая тематика и символика активно проникают в республиканские и окружные СМИ.

Второй уровень внедрения в современное общество традиционной символики – общественный. Он представлен общественными организациями разного вида, и прежде всего национально-культурными автономиями. В 1980–1990-е гг. именно с этого уровня началось активное движение за возрождение традиционной культуры коренных малочисленных народов Севера. Формы презентации здесь этнической символики тоже разнообразны.

Организация и проведение фестивалей, конкурсов, связанных с традиционными технологиями, творчеством. Например, День оленевода в Ямало-Ненецком автономном округе, который является настоящим смотром мастерства в разных видах его проявления – в пошиве традиционной одежды из оленьего меха, изготовлении традиционных декоративно-прикладных изделий, в спортивных состязаниях.

Создание самодеятельных, вокальных и хореографических коллективов и их концертная деятельность, позволяющая сохранять и транслировать фольклор и специфические виды исполнительского искусства.

Организация кружков по ознакомлению с элементами традиционной культуры, обучению народным художественным ремёслам, передаче фольклорной традиции.

Формирование коллекций предметов, аутентичных, реконструированных или модернизированных, но в любом случае презентующих этническую культуру. Обычно со временем на основе подобных коллекций возникают учреждения музейного типа или музейные «уголки», где они выставляются и хранятся. Так, в школу дер. Чёрная речка Томского

района были переданы предметы быта, собранные Центром татарской культуры. На этой основе возник кружок по изучению татарской культуры, и открылась выставка, в которой частично воспроизведён традиционный интерьер.

Третий уровень – профессиональный. Тон здесь задаёт национальная интеллигенция, художественная и научная. В деятельности профессиональных художников, поэтов, певцов, музыкантов неизменно проявляется мировоззрение этноса, и чем оно самобытнее, тем интереснее их творчество. Полотна хантыйского художника Г. Райшева или произведения хантыйского писателя Е. Айпина помогают проникнуть в хантыйскую культуру или хотя бы приблизиться к её пониманию не меньше, чем её материализованные или обрядово-фольклорные формы. В последнее время появляются художественные коллективы, в деятельности которых присутствует элемент коммерции. Это – профессиональные исполнители горлового пения – хая, родиной которого является Тува, в республиках Южной Сибири, это – Театр моды стилизованной одежды в Республике Бурятия, это – и вокально-инструментальный ансамбль «Этнорок» в Тюменской области, солистка которого, Вера Кондратьева, исполняет песни, танцы и фольклор хантов в современной обработке. Следует отметить, что в творчестве художественной интеллигенции традиция порой подвергается существенной переработке, даже переосмыслению, что вызывает недовольство, а порой и протест общественности.

Научная интеллигенция, сформировавшаяся позднее творческой, сегодня представлена научными сотрудниками нередко с научными степенями, которые во многом восприняли функцию знахарей, шаманов, вождей, жрецов в традиционной культуре – служить хранилищем общественных знаний, опыта и транслировать их в процессе исполнения своих функций. Статьи, монографии, альбомы, издаваемые научной интеллигенцией, ценны не только глубиной информации, но и её эмной трактовкой, исходя из ментальных установок материнской культуры. Научные и научно-практические семинары, конференции, иницируемые научной интеллигенцией, нередко принимают международный статус и провоцируют возникновение острых дискуссий, равно как и способствуют их плодотворному протеканию и результативному завершению. Обычно научные мероприятия проходят с подключением творческих коллективов, самодеятельных или профессиональных.

И, наконец, бытовой уровень актуализации этнической символики, основной в традиционной культуре и стремительно утрачивающий свои лидирующие позиции в современности. Именно на этом уровне смысловое поле символов этнической культуры сохраняется в наиболее чистом виде. Правда, при этом следует подчеркнуть важное обстоятельство: традиционная культура на уровне повседневности сохраняется там и тогда, где и когда сохраняется

традиционное хозяйство. Связь между этими явлениями функциональна. В случае её нарушения сохранение культуры принимает лишь символические формы. Культура как система символов сама превращается в символ, происходит абсолютная символизация этнокультурного пространства. И даже в этих условиях этническая культура способна оставаться основой для определения этнической идентичности.

Таким образом, элементы традиционной культуры по-прежнему окрашены в этнические тона и в настоящее время осваивают новые социальные уровни, приобретают новые формы трансляции, но не теряют своей актуальности в плане поддержания этнической идентичности.

Список литературы

1. Гирц К. «Насыщенное описание»: в поисках интерпретативной теории культуры // Интерпретация культур. Москва, 2004. С. 11–42.
2. Маркарян Э. С. Этнические культуры в общей системе локального разнообразия человечества // Культура жизнеобеспечения и этнос. Ереван, 1983. С. 40–52.
3. Арутюнов С. А., Мелконян Э. Л. Культура жизнеобеспечения в этнических системах // Культура жизнеобеспечения и этнос. Ереван, 1983. С. 53–60.

4. Сусокулов А. А. Структурные факторы самоорганизации этноса // Расы и народы. Москва, 1990. Вып. 20. С. 5–39.

5. Самушкина Е. В. Символические и соционормативные аспекты современного этнополитического движения республик Алтай, Тыва, Хакасия. Новосибирск, 2009. 274 с.

6. Чарышова М. Ю. Эл-Ойын праздник алтайского народа // Этюды культуры: материалы Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов, молодых учёных (г. Томск, 25 апреля 2014 г.). Томск, 2014. С. 152–157.

7. Эргис Г. У. Праздник ысыах второй половины XIX в. // Сборник статей и материалов по этнографии народов Якутии. Якутск, 1961. Т. 2. С. 67–76.

8. Лельчук Л. Г. Современное празднование ысыаха у якутов // Отражение этнических процессов в памятниках бытовой культуры. Ленинград, 1984. С. 102–113.

9. Курьянова Т. С. Актуализация культурного наследия коренных народов в музеях Южной Сибири. Томск, 2015. 256 с.

10. Золотарёва Н. В. Лянторский хантыйский этнографический музей как центр воспроизводства этнокультурных ценностей хантов // Этнокультурное воспроизводство в условиях глобализации: этноперекрестки и трансграничье. Москва, Берлин, 2015. С. 204–217.

Olga M. Ryndina, Doctor Of Historical Sciences, Professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia) rynom_97@mail.tomsknet.ru

CODES OF A TRADITIONAL CULTURE AND AN ETHNIC IDENTITY IN THE MODERN ERA

Summary. Original face of an ethnic culture accumulates in its symbolic core that strongly holds a basic level of symbols created by collective efforts of traditional (which means here *pre-industrial*) society.

Such traditional symbols play a role of a key orienteer for a personality and for a social group that are in process of search of their own identity. These symbols do not let an ethnic community to disintegrate itself, stop its assimilation in foreign-language ethnic and cultural sphere.

In the author's opinion, an ethnos' slow refusal of traditional way of life results a "migration" of ethnic culture in symbolic sphere; social institutions have become the main subject of retranslation for culture.

The author offers her own version of today's levels of actualization of traditional symbology which marks an ethnic culture. The analysis of all-Siberian thematically specialized materials let the author to discover some innovative forms of several indigenous peoples' culture expansion (such as Altaians, Khantes, Tuvans, Shors, Buryats, Nenets, Tatars, Khakas people, etc.).

The author focuses the readers' attention on functional character of a relation between day-to-day tradi-

tional culture and a level of integrity of traditional mode of economic life: any serious break of such relation entails simplification of looking after culture – measures aimed at its preservation take symbolic forms. Culture considered as a symbolic system became a symbol itself; absolute symbolization of ethnic and cultural sphere happens. But even in such conditions, in the author's eyes, an ethnic culture is able to successfully guide a process of a personality's and a social group's search of an identity.

Keywords: a symbol, a traditional culture, an ethnic identity, today's social and cultural processes.

References

1. Girts K. «Nasyshchennoe opisaniye»: v poiskah interpretativnoj teorii kul'tury [“Rich Description”: Searching the Interpretative Theory of Culture] // Interpretaciya kul'tur [Interpretation of Cultures]. Moscow, 2004. Pp. 11–42. [In Russ.].
2. Markaryan E. S. Etnicheskie kul'tury v obshchej sisteme lokal'nogo raznoobraziya chelovechestva [Ethnic Cultures in General System of Local Diversity of the Mankind] // Kul'tura zhizneobespecheniya i etnos [Cul-

ture of Life Support and an Ethnos]. Erevan, 1983. Pp. 40–52. [In Russ.].

3. *Arutyunov S. A., Melkonyan E. L.* Kul'tura zhizneobespecheniya v etnicheskikh sistemah [Culture of Life Support in Ethnic Systems] // Kul'tura zhizneobespecheniya i etnos [Culture of Life Support and an Ethnos]. Erevan, 1983. Pp. 53–60. [In Russ.].

4. *Susokulov A. A.* Strukturnye faktory samoorganizatsii etnosa [Structural Factors of an Ethnos Self-Organization] // Rasy i narody [Races and Ethnoses]. Moscow, 1990. Is. 20. Pp. 5–39. [In Russ.].

5. *Samushkina E. V.* Simvolicheskie i socio-normativnye aspekty sovremennogo etnopoliticheskogo dvizheniya respublik Altaj, Tyva, Hakasiya [Symbolic and Socio-Normative Aspects of Today's Ethnopolitical Movement in The Republic of Altai, The Republic of Tyva, The Republic Khakassia]. Novosibirsk, 2009. 274 p. [In Russ.].

6. *Charyshova M. Yu.* El-Oiyn prazdnik altajskogo naroda [El-Oiyn – the Altaians' Celebration] // Etyudy kul'tury [Studies of Culture]. Tomsk, 2014. Pp. 152–157. [In Russ.].

7. *Ergis G. U.* Prazdnik ysyah vtoroj poloviny XIX v. [The *Ysyakh* Celebration in the Second Half of the 19th Century] // Sbornik statej i materialov po

etnografii narodov Yakutii [Collected Works on Ethnography of Peoples of Yakutia]. Yakutsk, 1961. Vol. 2. Pp. 67–76. [In Russ.].

8. *Lel'chuk L. G.* Sovremennoe prazdnovanie ysyaha u yakutov [Today's Yakuts' Celebration of the *Ysyakh*] // Otrazhenie etnicheskikh processov v pamyatnikah bytovoj kul'tury [Reflection of Ethnic Processes in Day-To-Day Life Culture Monuments]. Leningrad, 1984. Pp. 102–113. [In Russ.].

9. *Kur'yanova T. S.* Aktualizaciya kul'turnogo naslediya korennyh narodov v muzeyah Yuzhnoj Sibiri [Actualization of Indigenous Peoples' Cultural Heritage in Museums of the Southern Siberia]. Tomsk, 2015. 256 p. [In Russ.].

10. *Zolotaryova N. V.* Lyantorskij hantyjskij etnograficheskij muzej kak centr vosproizvodstva etnokul'turnyh cennostej hantov [The Lyantor Khantes' Museum as the Reproduction Center for Khantes' Ethnic and Cultural Values] // Etnokul'turnoe vosproizvodstvo v usloviyah globalizacii: etnoperekrestki i transgranich'e [Ethnic and Cultural Reproduction in Globalized World: Ethnic Crossroads and Cross Border Areas]. Moscow, Berlin, 2015. Pp. 204–217. [In Russ.].

РАЗДЕЛ III

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЕВРАЗИИ

УДК 378.1:008(4/5):061 Содружество азиатских учреждений образования в сфере культуры
DOI: 10.32340/2541-772X-2018-1-45-48

Г. А. Бувеч, кандидат педагогических наук, доцент,
Алтайский государственный институт культуры (Барнаул, Россия)
rector@agaki.ru

Е. А. Полякова, доктор исторических наук, доцент,
Алтайский государственный институт культуры (Барнаул, Россия)
elena2873@mail.ru

РАЗВИТИЕ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОММУНИКАЦИЙ В ОБЛАСТИ КУЛЬТУРЫ И ОБРАЗОВАНИЯ В РАМКАХ СОДРУЖЕСТВА АЗИАТСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ ОБРАЗОВАНИЯ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ ЕВРАЗИЙСКОГО РЕГИОНА

Аннотация. Развитие региональных международных отношений на территории Евразии связано с интенсификацией интеграционных процессов, охвативших не только экономическую, но и социальную сферу. Концепция евразийской социальной интеграции в сфере культуры и художественного образования является недостаточно разработанной. Решению задач межкультурной коммуникации подчинена деятельность Содружества азиатских учреждений образования в сфере культуры, созданного в 2017 г. Этот многосторонний интеграционный проект, объединивший восемь образовательных учреждений из России, Киргизии, Монголии и Таджикистана нацелен на развитие сфер образования, науки и творчества посредством реализации различных проектов.

Ключевые слова: *евразийская интеграция, социальная интеграция, азиатские учреждения образования в сфере культуры, межкультурная коммуникация, Содружество, образовательная деятельность, научная деятельность, творческая деятельность.*

Главной тенденцией развития современного мира является глобализация, обусловившая интеграционные процессы в сфере политики, экономики, образования и культуры. Развитие региональных международных отношений на территории Евразии стало главной причиной её динамичного развития. Первым интеграционным проектом стало создание в декабре 1991 г. Содружества Независимых Государств (СНГ), объединившего ряд бывших республик СССР и призванного «обеспечить институционально-организационную и нормативно-правовую общность большинства государств» [1, с. 93] евразийского региона. Впоследствии был создан Евразийский экономический союз, ставший ядром евразийской интеграции. На современном этапе на территории Евразии действуют как двусторонние, так многосторонние интеграционные объединения, реализующие трансрегиональные программы, преимущественно ориентированные на развитие экономических отношений.

Однако интеграционные процессы охватывают и социальную сферу. Под социальной интеграцией исследователи понимают «объединение социальных явлений в единое целое», «сосуществование различных элементов общества вместе», «наличие упорядоченных отношений между индивидами, группами,

организациями» [2]. Рассуждая о генезисе социальной интеграции евразийского региона, следует отметить, что она, как, впрочем, и экономическая, обусловлена периодом предшествовавшей дезинтеграции. После распада СССР перед новыми независимыми государствами возникла потребность строить новые и восстанавливать утраченные связи, формировать новые структуры с целью стабилизации межнациональных отношений, развития системы образования, формирования единого культурного пространства [3].

Следует отметить, что концепция евразийской социальной интеграции является недостаточно разработанной, особенно в части касающейся вопросов культуры и художественного образования. Традиционно в сфере экономики интеграция развивается в форматах «государство-государство» и «регион-регион», обуславливая тем самым рост приграничного сотрудничества. В социокультурной сфере, по мнению ряда исследователей, эти форматы следует развивать в плоскостях «общность-общность» и «учреждение-учреждение» [4, с. 93]. Примером такого взаимодействия является деятельность Содружества азиатских учреждений образования в сфере культуры созданного по инициативе Алтайского

государственного института культуры в 2017 году. Этот многосторонний интеграционный проект, объединил восемь образовательных учреждений из России, Киргизии, Монголии и Таджикистана. В состав Содружества вошли Алтайский государственный институт культуры (АГИК), Восточно-Сибирский государственный институт культуры (ВСГИК), таджикский Государственный институт культуры и искусств им. М. Турсунзаде (ГИКИ им. М. Турсунзаде), Институт искусств и культуры Национального исследовательского Томского государственного университета (ИИК ТГУ), Кемеровский государственный институт культуры (КемГИК), Красноярский государственный институт искусств (КГИИ), Кыргызский государственный университет культуры и искусств им. Б. Бейшеналиевой (КГУКИ им. Б. Бейшеналиевой), Монгольский государственный университет культуры и искусств (МонГУКИ). В 2018 г. к Содружеству присоединились Государственный институт культуры и искусств Узбекистана и Восточно-Казахстанское училище искусств им. народных артистов братьев Абдуллиных.

Стратегическая цель деятельности Содружества заключается в формировании единого межкультурного пространства, которое позволит интенсифицировать интеграционные процессы в сфере подготовки высококвалифицированных кадров для учреждений культуры и сферы художественного образования; осуществлять совместную научно-исследовательскую деятельность; реализовывать совместные художественно-творческие проекты.

В течение первого года работы усилия участников Содружества в рамках образовательной деятельности были преимущественно направлены на развитие академической мобильности. Так, в АГИК обучались студенты из Кыргызского государственного университета искусств имени Б. Бейшеналиевой. Ведущие педагоги АГИК, ВСГИК, ГИКИ им. М. Турсунзаде, КемГИК проводили лекции и мастер-классы по проблемам интенсификации музыкально-теоретической подготовки студентов, в том числе с недостаточным базовым уровнем готовности; популяризации национальных музыкальных инструментов; оптимизации социально-психологической атмосферы массовых праздников на сценарном уровне; создания художественного образа в театрализованном представлении; актуализации традиционных техник декоративно-прикладного искусства; развития художественного образования; взаимодействие теории и практики музейной коммуникации в культурно-образовательной деятельности музея; внедрения положений основ культурной политики в практической деятельности социокультурных учреждений. Отдельно следует отметить работу членов Содружества по организации и проведению курсов повышения квалификации и профессиональной подготовки в сфере музейного образования и инклюзивного образования.

Специфика образовательной системы азиатского региона обуславливает необходимость осуществле-

ния прогнозирования и разработки стратегии развития образовательных учреждений сферы культуры и искусства. Решение этих задач предполагает проведение научно-методических семинаров, конференций и рабочих совещаний руководителей образовательных организаций. Первым опытом стало проведение на базе Красноярского государственного института искусств методического семинара, посвященного проблемам организации и обеспечения образовательного процесса. Дальнейшее обсуждение поднятых в рамках семинара вопросов было продолжено на секциях научно-методических конференций, таких как «Опыт, проблемы и пути повышения качества подготовки специалистов в сфере культуры и искусства» (ВСГИК), «Теория, история и практика образования в сфере культуры» (АГИК).

Перспективы развития потенциала азиатских учреждений образования в сфере культуры и связанные с этим действия обсуждались в ходе II заседания Совета Содружества, состоявшегося 24 мая 2018 г. Стратегическими задачами на ближайшие годы работы были признаны: интенсификация академической мобильности и увеличение доли иностранных обучающихся в институтах и университетах Содружества; создание профориентационных центров в странах ближнего зарубежья, первый из которых будет открыт в Таджикистане; реализация образовательных программ в форме сетевого взаимодействия (изучение отдельных дисциплин, образовательных модулей, прохождение практик); содействие в трудоустройстве выпускников.

Деятельность Содружества была также ориентирована на объединение и концентрацию усилий по повышению научного потенциала учреждений образования в сфере культуры. Высокий профессиональный уровень учёных Содружества позволил участвовать в процессе подготовки кадров высшей квалификации, а именно привлекать их к работе диссертационных советов в качестве оппонентов, рецензентов и экспертов для соискателей учёных званий кандидатов наук и аспирантов.

Актуализация научной составляющей в реализации образовательного процесса обусловила необходимость формирования исследовательских коллективов, проведение совместных исследований и разновысоких научных мероприятий. В течение первого года работы Содружества было создано три научных коллектива, занимающихся изучением проблем сохранения и трансляции историко-культурного наследия и традиционной культуры народов Евразии, итогом работы которых станут совместные научные публикации (статьи, сборники, монографии). Первые результаты научной деятельности были апробированы в ходе ряда научных мероприятий, организованных участниками Содружества. Всего в течение первого года работы было проведено пять международных и три всероссийских научных конференции, таких как «Инновационные технологии в гуманитарной сфере» (АГИК), «Улучшение управления соци-

ально-культурной деятельностью на современном этапе» (КГУКИ им. Б. Бейшеналиевой), «Теория, история и практика образования в сфере культуры» (АГИК), «Проблемы сохранения культурных ценностей в условиях независимости и формирования национального самосознания» (ГИКИ им. М. Турсунзаде, «Международная научно-практическая музееологическая школа: диалог сибирских институтов культуры» (КемГИК), «Развитие социально-культурной деятельности и художественного образования: теория и практика» (АГИК), «Художественная культура России вчера, сегодня, завтра: региональный аспект» (КГИИ), «Актуальные проблемы сценарной драматургии и режиссуры театрализованных представлений и праздников на нетрадиционных площадках» (ВСГИК). Отдельное место в научно-исследовательской и научно-практической деятельности учёных Содружества (АГИК, КемГИК, ВСГИК) заняла музейная проблематика. Совместно с институтом Истории Сибирского отделения Российской академии наук была проведена серия круглых столов и семинаров, посвящённых актуализации форсайт-технологий для теории и практики музейного дела. Наиболее значимыми стали круглые столы «Форсайт-технологии в сфере культуры и образования», «Форсайт-технологии в музейной сфере», «Музей-усадьба "Причумышь". Стратегия развития регионального музея-скансена» и интерактивная форсайт-сессия «Музейное пространство будущего».

Итоговым событием первого года сотрудничества в сфере научной деятельности Содружества стал II международный научно-практический форум «Культура евразийского региона», в котором приняли участие более 250 человек из десяти стран ближнего и дальнего зарубежья и 12 субъектов Российской Федерации.

Стратегические задачи в сфере научного взаимодействия, определённые в ходе II заседания Совета Содружества, обусловлены необходимостью осуществления совместной грантовой политики, что требует определения конкретных научных тем исследования. Анализ результатов научной работы вузов показал, что изучение проблематики, связанной с наследием и художественным образованием, интересуют учёных Содружества в большей степени. Вследствие этого эти две темы были признаны базовыми для осуществления совместной научно-исследовательской и проектной деятельности. Ещё одной первоочередной задачей является интенсификация научной активности обучающихся в части увеличения доли взаимного участия в конференциях и иных научных мероприятиях, проводимых членами Содружества. Безусловно, в течение года студенты, магистранты и аспиранты принимали участие в работе научных конференций вузов, входящих в состав Содружества, но отсутствие универсальной проблематики несколько ограничивает их возможность в части представления результатов их научной работы. Учитывая специфику образовательных организаций

сферы культуры, общей темой, ввиду своей широты, может стать наследие и проблемы его изучения, освоения, сохранения и трансляции.

Творческая деятельность Содружества была ориентирована на взаимное участие в брендовых творческих мероприятиях, таких как Всероссийский фестиваль-конкурс хореографических коллективов «Образ – чистый жанр» (АГИК), XVI Международный конкурс исполнителей на музыкальных инструментах «От Рождества к Рождеству» (АГИК), Международный фестиваль музыкального творчества «Сибириада», посвящённый 100-летию г. Кемерово (КемГИК), Международный фестиваль-конкурс национальных культур «Палитра Дружбы» (АГИК). Объединение усилий по организации и проведению творческих мероприятий позволило не только привлекать ведущих специалистов Содружества в качестве членов жюри, но и приглашать знаменитых исполнителей из России, ближнего и дальнего зарубежья.

В целом тенденции развития художественно-творческого направления деятельности участников Содружества должны быть связаны как с сохранением традиции взаимного участия в проектах друг друга, так и с инициацией совместного художественно-творческого проекта, определение проблематики которого следует обсудить в ходе дальнейших рабочих совещаний.

С точки зрения авторов, развитию Содружества будет способствовать, во-первых, расширение форм взаимодействия в образовательной, научной и творческой сферах; во-вторых, привлечение новых участников; в-третьих, выстраивание деятельности в соответствии с актуальными тенденциями развития социокультурного пространства и учётом менталитета и сложившихся культурно-исторических особенностей развития и традиций народов Евразии. Так, членами Содружества было принято решение о его презентации на Санкт-Петербургском культурном форуме в 2019 году, что будет способствовать его продвижению в евразийском социокультурном пространстве и популяризации его деятельности. С этой же целью Совет постановил реализовывать все брендовые проекты под эгидой Содружества.

Обобщая вышеизложенное, следует отметить, что Содружество азиатских учреждений образования в сфере культуры вносит значительный вклад в развитие процессов социальной интеграции в евразийском регионе. С одной стороны, это влияет на интенсификацию и качественное улучшение евразийских интеграционных процессов в целом, с другой – на упрочение позиций учреждений образования в сфере культуры и их конкурентоспособность на рынке образовательных услуг, художественно-творческой и научной сферах.

Список литературы

1. Воробьев В. В. Этапы формирования Содружества независимых государств в 1990-е годы // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 34: История. С. 90–96.

2. Социальная интеграция. URL : <https://sociologiya.academic.ru/432/> (11.02.2018).

3. Косов Ю. В., Фролов В. Е. Интеграционные процессы Евразийского региона: анализ основных этапов // Управленческое консультирование. 2013. № 10. С. 101–110.

4. Кузьмин А. В. Профилактика экстремизма в молодежной среде в процессе взаимодействия субъектов социально-культурной деятельности // Социально-культурная деятельность: поиски, проблемы, перспективы. Москва, 2011. 200 с.

Galina A. Buevich, Ph. D. in Pedagogy, Associate Professor,
Altai State Institute of Culture (Barnaul, Russia)
rector@agaki.ru

Elena A. Polyakova, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor,
Altai State Institute of Culture (Barnaul, Russia)
elena2873@mail.ru

DEVELOPMENT OF CROSS-CULTURAL COMMUNICATIONS IN CULTURE AND EDUCATION SPHERE WITHIN THE COMMONWEALTH OF ASIAN EDUCATIONAL INSTITUTIONS IN CULTURE SPHERE AS A FACTOR OF SOCIAL INTEGRATION OF THE EURASIAN REGION

Summary. The development of international relationships in the today's Eurasian space related with intensification of integration processes that cover not just economic but also social sphere; but a program of the Eurasian social integration in culture and education fields is not elaborated sufficiently yet. It is necessary to enlarge current formats of interactions such as "state – state" and "region – region" to "community – community" and "institution – institution" way.

The Commonwealth of Asian Educational Institutions in Culture Sphere was established in 2017. This multipurpose project binds eight educational institutions from Russia, Kyrgyzstan, Mongolia, Tajikistan. The strategic goal of the Commonwealth's activity is making common intercultural space and because of it, its work aimed at development of education, science, creativity fields through elaborating cooperative projects.

With in the ducational activity before the Commonwealth's members it is developed lecturers' and students' academic mobility, as well as training highly qualified specialists and elaborating the strategy of development of educational institutions in culture and art spheres. Within the scientific activity is was initiated joint research and multi-level scientific actions concerning cultural heritage and artistic education questions. Mutual participations in title artistic and creative events managed the Commonwealth's creative component development.

Perspectives of the Commonwealth's development depend on expanding a set of forms of institutions interactions as well as on involvement new participant into its structure. Also, the successfulness of the Commonwealth's work defines by its capability to act according with current trends of social and cultural space development, with taking into account peculiarities of the Eurasian ethnoses' mentality, cultural and historical of their life's paths, traditions. The nearest strategic tasks are further development of academic mobility, increasing a share of foreign students in institutes and universities of the Commonwealth; opening centers for career guidance

in the former Soviet Union counties ; development of educational programs in the networking interaction way; graduates' employment help; cooperation in grant-seeking activity, further development of students' cooperative scientific and creative activity; execution of joint artistic projects.

The chosen strategy will determine development of social integration processes in the Eurasian region and will strengthen positions assumed by the day' educational institutions situations in cultures sphere.

Keywords: *The Eurasian integration, social integration, Asian Educational institutions interested cross-cultural communication, Commonwealth of Asian Educational institutions in culture sphere educational activity, scientific activity, creative activity.*

References

1. Vorobyov V. V. Etapy formirovaniya Sodruzhestva nezavisimyykh gosudarstv v 1990-e gody [Commonwealth of Independent States Establishment Stages, the 1990 s] // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Chelyabinsk State University]. 2011. No. 34: History. Pp. 90–96. [In Russ.].

2. *Social'naya integraciya* [Social Integration]. URL : <https://sociologiya.academic.ru/432/> (11.02.2018). [In Russ.].

3. Kosov Yu. V., Frolov V. E. Integracion nye processy Evrazijskogo regiona: analiz osnovnyh etapov [Integration Processes in the Eurasian region: the Key Stages Analysis] // Upravlencheskoe konsul'tirovanie [Management Consultation]. 2013. No. 10. Pp. 101–110. [In Russ.].

4. Kuz'min A. V. Profilaktika ehkstremitizma v molodezhnoj srede v processe vzaimodejstviya sub'ektov social'no-kul'turnoj deyatelnosti [The Youth's Extremism Prevention in Context of Interaction Between Actors of Social and Cultural Activity] // Social'no-kul'turnaya deyatelnost': poiski, problemy, perspektivy [Social and Cultural Activities: Searches, Problems, Perspectives]. Moscow, 2011. 200 p. [In Russ.].

Х. У. Идиев, доктор философских наук, профессор,
Государственный институт культуры и искусств им. М. Турсунзаде,
член-корреспондент Академии наук Республики Таджикистан (Душанбе, Таджикистан)
siem405@yandex.ru

МЕСТО ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В РАСШИРЕНИИ ПРОСТРАНСТВА КУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СТРАН СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ

Аннотация. Анализируется содержание новых ориентиров культурного взаимодействия стран евразийского региона, демонстрирующих существенную близость ценностно-нормативных систем общественного сознания в направлении поиска информационного ресурса, способного заполнить собой лингвистически, этнически и культурно гетерогенное межгосударственное информационное пространство. Автор рассматривает тесное взаимодействие образовательных организаций высшего образования в качестве обязательного условия органичного включения продуктов межгосударственного культурного процесса в пространство культурной жизни территорий Содружества Независимых Государств (Азербайджан, Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Молдавия, Россия, Таджикистан, Узбекистан).

В качестве доказательства тезиса о готовности современной таджикской молодежи к активному диалогу со сверстниками из стран СНГ по обозначенному вопросу автор статьи приводит результаты трёхлетнего (2015–2018 гг.) исследования общественного мнения учащейся молодежи современного Таджикистана.

Ключевые слова: культура, культурное взаимодействие, ценность, эстетические ценности, информационное пространство, индустрия культуры, культурное наследие.

Сегодня изменения, сопутствующие социально-политическими процессами в странах евразийского региона, ставят свой отпечаток и в их представлений о формах налаживания диалогового характера культурного сотрудничества с другими странами и между собой. Если раньше в качестве проводников такого диалога выступал поиск соприкосновения экономических интересов и потребностей, то сегодня они дополняются поиском точки налаживания интенсивных культурных, научных и образовательных связей. Один из основных причин трудностей полноценного налаживания диалога на основе культурного взаимодействия до недавнего времени среди стран региона вытекало из следуемой национальными государствами принципа достижения соответствия культурных артефактов основам государства-нации и формируемой ей содержание национального самосознания. Следовательно, формируемые на основе культурных артефактов символы национальной идентичности не всегда были свободными от противоречий, которые сдерживали их вхождение в структуру идентичности всех субэтносов, проживающих в этих обществах.

Поэтому после предпринятых шагов в направлении осмысления потенциала поликультурного и мультиязычного общества эти страны вступили на путь активного осуществления других основополагающих механизмов обеспечения продуктивного социокультурного взаимодействия. Реализация этих основ осуществлялась путем привлечения культурных артефактов, призванных не только легитимизировать идентичность государствообразующих этносов, но и способствовать налаживанию взаимодействию с другими странами региона. Поэтому в последние годы формы налаживания взаимодействий

приобрели другие черты, и сегодня реализуемое ими культурное сотрудничество основывается на уважении достоинства и ценности каждой культуры. Для РТ плодом такого формата культурного сотрудничество стал визит и выступление творческих коллективов Республики Узбекистан на наших сценах и наоборот.

На одной сцене перед президентом Таджикистана Эмомали Рахмоном и главой Узбекистана Шавкатом Мирзиёевым выступили более 250 артистов из двух стран. Концерт «Вечер дружбы» стал отличным завершением первого дня официального визита Мирзиёева в Душанбе. В концерте с таджикской стороны приняли участие около 150 исполнителей, музыкантов и танцоров, включая Давлатманда Холова, Нигину Амонкулову, Рустама Дулоева, Джурабека Муродова и других. В группу узбекских артистов вошли народные артисты Юлдуз Усманова, Шерали Джураев, Фарух Закиров, Озодбек Назарбеков и другие. «Сегодня политическая воля как Душанбе, так и Ташкента, направлена на то, чтобы использовать этот яркий исторический опыт и богатую общность для развития взаимодействия народов и государств. В истории нашего сотрудничества открыт новый этап», – сказал уважаемый Президент Республики Таджикистан Эмомали Рахмон.

Для того, чтобы обеспечить интенсивность межкультурных взаимодействий, нам сегодня важно вовлечение информационных технологий в процесс интенсификации межкультурных взаимодействий. Это позволяет также более широко подходить к природе межкультурных связей и форм их реализации. Культура – это диалог, обмен мнениями и опытом, постижение ценностей и традиций других; в изоля-

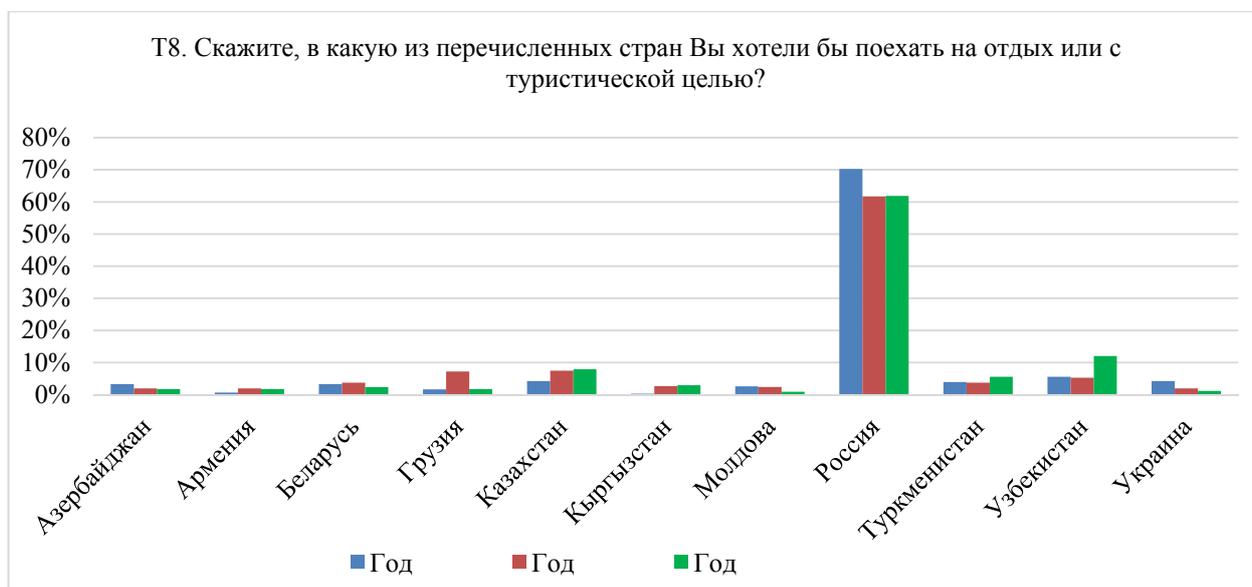
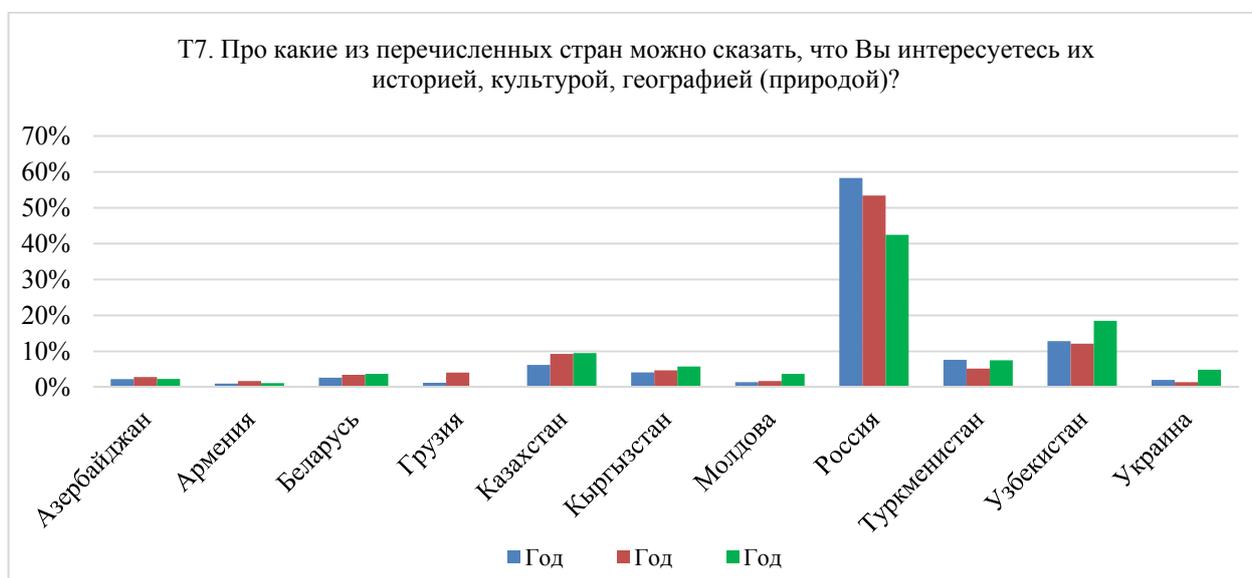
ции она не может развиваться и приносить пользу людям. Готовность к такому формату взаимодействий показывает и содержание общественного сознания молодежи. Произошедшее определенное осознание этих проблем нами фиксировались в результатах опроса молодежи страны в течение нескольких лет.

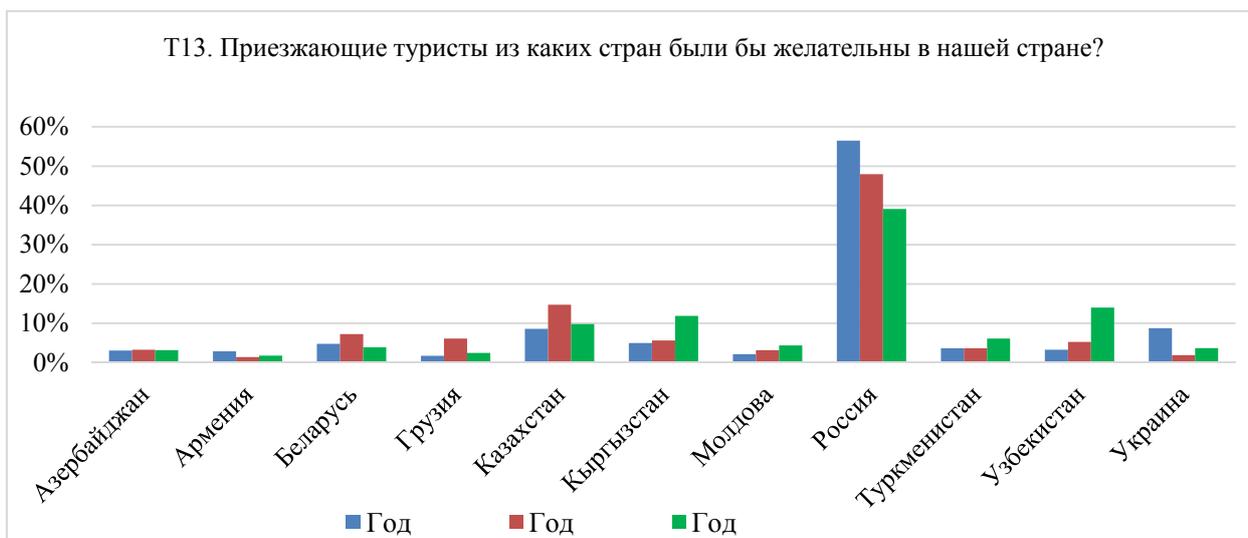
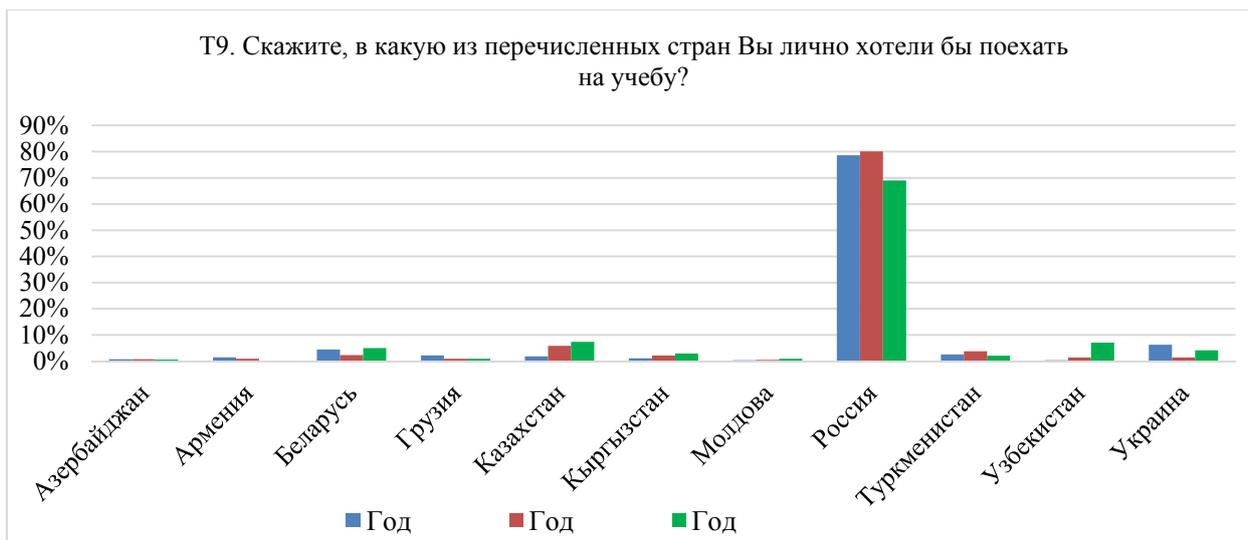
Результаты опроса по вопросам, касающихся межкультурных взаимодействий, можно представить следующим образом:

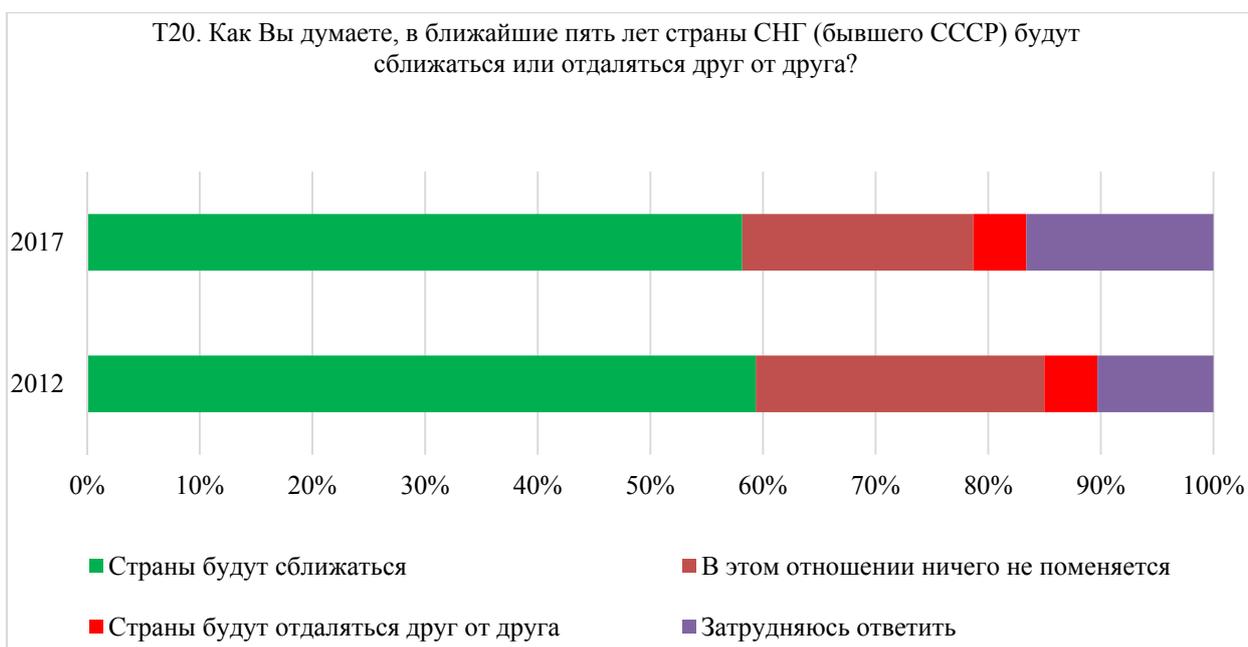
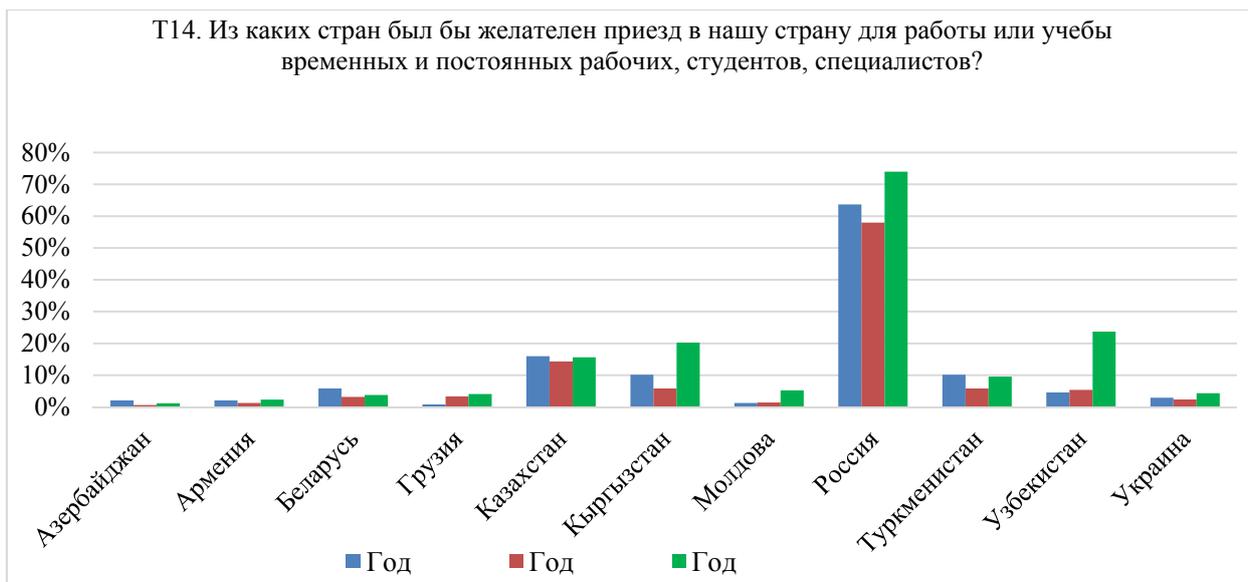
Результаты ЕМ, N=700 для каждого года, возраст 15–35.

ТГИКИ имени М. Турсунзаде тоже сегодня активно интегрируется в пространство привлечением молодежи в межкультурные связи. В этом аспекте налаживание связей со странами евразийского региона является одним из важных направлений нашей деятельности. Наши преподаватели и студенты готовы активно участвовать в конкурсах, фестивалях и

выставках, организуемых нашими партнёрами по Ассоциации вузов культуры и искусств Евразийского региона. В частности, с Алтайским государственным институтом культуры мы договорились в рамках форума «Культура евразийского региона» на международный фестиваль – конкурс национальных культур «Палитра дружбы» отправить своих студентов и преподавателей. Уже сегодня мы определились с составом участников с нашей стороны. Участниками будут творческие хореографические и музыкальные коллективы. Но имеются ещё полностью не использованные потенциалы, и необходимо на их основе в будущем побольше реализовывать проекты по расширению межкультурного сотрудничества между молодежью стран СНГ. Это могут быть в области кинематографии, музееведения, национальными библиотеками, хоровыми коллективами, индивидуальными исполнителями, экспертами в области культуры, искусств и т. д.

Для реализации этих намерений имеется также объективная основа на уровне общественного сознания молодежи нашей страны. Показателем тому являются данные опроса, проведенного нами в течение последних 3 лет, по вопросам, касающимся межкультурных взаимодействий. Опрос охватывал молодежь в возрасте от 15 до 35 лет, с объемом выборочной совокупности 700 человек.

У нас, у членов ассоциации близкие эстетические и культурные ценности, поэтому необходимо задуматься о заполнении нашего информационного пространства продукцией общей индустрии культуры. Сегодня оно заполнено продукцией массовой культуры транснациональных компаний, в которых часто пропаганда агрессивного поведения преобладают над культууроформирующими элементами. Поэтому мы предлагаем создать на базе одного из вузов Центр информационной поддержки и обеспечения, в

функции которого должно входить решение этих задач.

Уважаемые друзья! Отраднo, что среди тем, выносимых на обсуждение в данной конференции, особое место также отводится анализу туристических ресурсов стран евразийского региона. В связи с этим хочу отметить, что 2018 год в РТ объявлен годом «Развития туризма и народных ремесел». Сегодня мы активно сотрудничаем с нашими партнёрами в рамках проблем, связанных с сохранением культурного наследия, развития инфраструктуры культурного туризма. Наша страна обладает широкими туристическими ресурсами: более 100 природных и культурных памятников. Наши взаимодействия в направлении подготовки кадров этой области помогут разработать интересные культурные технологии в туризме, изучать опыт друг друга по использованию анимации в туризме, индустрии в туризме и т. д.

Khairiddin U. Idiev, Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Tursunzoda Tajik State Institute of Culture and Arts
Corresponding Member of Academy of Sciences of Tajikistan Republic (Dushanbe, Tajikistan)
siem405@yandex.ru

INFORMATIONAL TECHNOLOGIES IN EXPANDING OF COMMONWEALTH OF INDEPENDENT STATES' CULTURAL INTERACTIONS SPACE

Summary. The article analysis an essence of the new trends in cultural communication between the countries of the Eurasian space that have very similar axiological systems of the public consciousness in direction of searching some information resource that is able to fill linguistically, ethnically and cultural heterogenic interstate information space with itself. The author considers close contacts between educational institutions of higher education as an essential condition for harmonic inclusion of results of interstate cultural process into cultural

life space of the Commonwealth of Independent States (Azerbaijan, Armenia, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Moldova, Russia, Tajikistan, Uzbekistan). As an evidence of the today's Tajik youth's readiness to active dialogue with peers from the CIS, the author gives some results of three-years (2015–2018) research of Tajik student youth's public opinion.

Keywords: culture, cultural interaction, a value, aesthetic values, informational space, industry of culture, cultural heritage.

УДК 316.354.4:172.12(4-011+4-014)
DOI: 10.32340/2541-772X-2018-1-53-57

Г. В. Оленина, доктор педагогических наук, профессор
Алтайский государственный институт культуры (Барнаул, Россия)
ustlama@mail.ru

РАЗВИТИЕ ВОЛОНТЁРСКОГО ДВИЖЕНИЯ ЗА РУБЕЖОМ В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ МОЛОДЁЖНОЙ ПОЛИТИКИ, КОНЦЕПЦИЙ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация. В статье исследуются социально-политические факторы, способствовавшие во второй половине XX в. формированию образовательно-воспитательных направлений национальной молодёжной политики в развитых странах, созданию благоприятной досуговой среды, волонтерского движения усилиями общественных организаций. Массовое появление таких организаций рассматривается в контексте реализации концепций социального государства и гражданского общества, различных принципов регулирования отношений между государством и обществом, применяемых в США и Великобритании, с одной стороны, в странах Западной Европы, с другой. Волонтерство вообще и молодёжное волонтерство в особенности развиваются за рубежом в исследуемый период как одобряемая обществом и государством идея участия молодёжи в делах местного сообщества, идея служения молодёжи обществу.

Ключевые слова: молодёжь, национальная молодёжная политика, волонёрское движение, общественные организации, философия холизма, социальное государство, гражданское общество, гражданское участие, принципы регулирования отношений между государством и обществом.

Молодёжь во второй половине XX века предложила миру сложные модели и образцы социализации и инкультурации, социального творчества и личностного развития в амплитуде как позитива, так и негатива. Главными особенностями молодёжи как социально-возрастной группы были признаны тенденции к группированию, созданию формальных и неформальных социокультурных групп, движений, инноваций, оформленных по закону молодёжных субкультур.

Государства развитых стран не могли не считаться с *молодёжью как новым динамичным субъектом социокультурного развития*, чья социализация и инкультурация проходит в условиях постиндустриального общества. Постиндустриальное или информационное общество было осмыслено в 60-х–начале 70-х годов в работах видных западных мыслителей (Д. Белла [1], Э. Тоффлера [2] и др.) как качественно новая ступень в развитии не только Запада, но и всего человечества. Обнаружив социокультурные противоречия научно-технической революции, ученые предлагали решать мировые проблемы (экология, войны, истощение ресурсов), решая проблему качественного преобразования самого человека (*антропологизм*) и *выдвижения в качестве ведущего сектора производства сферы культуры*, (а не экономики и промышленных технологий). Стали изучаться проблемы проникновения культуры в сферы труда, политики и управления, где начала формироваться антропологическая, а также природо- и культуросообразная парадигма как революция XX века в управлении [3].

Бунт молодёжи 60-х гг. XX в. заставил государства развитых стран обращать повышенное внимание на социально-экономическое положение, политическую и нравственную зрелость молодёжи. Проявлением позитивных общественных тенденций явился императив новой концепции устойчивого развития общества и мирового сообщества, где в 80-е годы XX века провозглашались научно обоснованные идеи качественного преобразования человека и общественной морали. Сферами этих изменений стали сферы образования и культуры с идеями стабилизации семьи и гуманизации труда, раскрывающими творческие способности человека, его инициативу.

Как показали научные исследования, на развитие идеологии ряда просоциальных альтернативных движений оказали влияние концепция Римского клуба, теория «нового качества жизни». Суть этих концепций в том, что ресурсы планеты ограничены, и новой стратегией развития объявлялась доктрина устойчивого развития с отказом от безудержного индустриализма и урбанизма, технократического рационализма, что требовало новых моделей поведения, выражающих усиление влияния индивида на общество, его связь с окружающей средой [4].

Кроме того, важнейшей тенденцией постиндустриального общества является падение статуса общественной бюрократизации и иерархизации, усиливается роль горизонтального взаимодействия между самостоятельными группами населения, непосредственно занятыми решением культурных, экономических, социальных проблем своей местности, территории, с учетом локальной специфики последних. Такие группы объединяются как временные структуры на основе не столько классовых (собственность на средства производства) и экономических (уровень доходов), сколько специфических форм социокультурной идентичности по территориальному (землячества), профессиональному (клубы ученых, менеджеров, политиков), этническому, конфессиональному признакам или на основе общения по интересам, хобби [5]. Последняя тенденция означает развитие элементов гражданского общества.

Сфера деятельности общественных организаций стран Запада обширна и разнообразна [6]. Их деятельность представляет одну из разновидностей социальной работы и направлена на организацию помощи и поддержки людям, попавшим в сложную жизненную ситуацию. Создание благоприятной досуговой среды для таких людей входит в комплекс задач общественных организаций наряду с социально-психологической, социально-экономической и социально-медицинской помощью. Многие из общественных организаций являются волонёрскими (клубы социальной помощи, профессиональные клубы и объединений по месту жительства). Все это свидетельствует о гуманистической основе современной концепции гражданского общества за рубежом на основе философии холизма. Холизм изучает проблему культурного разнообразия на основе отказа от универсальных антиномий в создании новой модели мира, переосмысления понятия «национальной традиции», объединяя интеграционные процессы в культуре с процессами ее локализации [7].

Часть зарубежных общественных организаций занимаются разработкой своего видения национальной *молодёжной политики*. Целью своей деятельности они провозглашают воспитание *автономной, готовой помочь, ответственной и идейной молодёжи*, уделяют внимание стратегии развития внеформального воспитания. Это система организованной воспитательной деятельности, направленная на обретение жизненных навыков, развития социальных установок, ответственности, гражданственности через конкретные действия, через *внешкольные общественные организации*. Социально-политической средой реализации интегрированного воспитания является долгосрочная национальная государственная молодёжная политика, основанная на принципах интеграции разных общественных сил, государственных,

партийных структур, учете национально-культурного своеобразия, заботы о менее привилегированных, и участия молодежи в создании этой политики [8].

Обеспечением социокультурной среды, в которой разворачивается деятельность общественных организаций, политическим обеспечением деятельности молодежных общественных организаций в развитых зарубежных странах является концепция социального государства, являющаяся характеристикой развития цивилизованного гражданского общества [9].

Становление социального государства в промышленно развитых странах началось после второй мировой войны. Для социального государства, базирующегося на принципе равноправия граждан, свойственны следующие черты: 1) забота о благосостоянии граждан; 2) создание достойных условий существования людей, равных возможностей реализации их талантов и способностей, благоприятной среды обитания; 3) утверждение нового типа социальных связей между людьми, основанных на принципах социальной справедливости, социального мира и гражданского согласия. Функции социального государства не сводятся только к поддержке социально необеспеченных слоев населения. Социальное государство несет ответственность за поддержание стабильного социального и экономического положения всех своих граждан, социального мира в обществе [10].

Практическим претворением концепции социального государства является построение гражданского общества, основная единица которого – человек-гражданин. В связи с этим актуализируется проблема формирования социально активного гражданина, ответственная деятельность и поведение которого сделают диалог общества с государством не только возможным, но и обусловленным подготовкой такого человека в аспекте создания условий для реализации его гражданского поведения с помощью концепции гражданского участия.

Краткий анализ научных подходов к трактовке концепции социального государства обуславливает также необходимость анализа понятия «гражданское общество» в зарубежной общественно-научной трактовке. К содержанию понятия «гражданское общество» в современных политологических учениях выделяется два подхода: 1) ценностно-нормативный (политико-философский) и 2) прагматический, представители которого сомневаются в необходимости использования данного понятия для характеристики политических процессов [11;12; 13].

Но возможно использовать понятие «гражданское общество» как форс-идею (П. Бурдьё) для выдвижения нормативных идеалов и целей развития человеческих обществ, поскольку (по М. Веберу) *гражданское общество характеризуется социальной* (акцентом на отношениях между людьми, а не между людьми и вещами); *автономностью* от государства; *гражданственностью* (*цивилизованностью*),

т. е. умением так или иначе учитывать интересы других и общества в целом, действовать в правовых рамках; *добровольностью участия, включая политическое участие*, и преобладанием *горизонтальных связей над вертикальными* [14].

Модифицированным современным вариантом концепции благотворительности является *концепция гражданского участия*. Ее суть в том, что человек в демократическом обществе помимо прав имеет свои *обязанности*, например, *такие, как добровольная работа на благо общества*. В этом случае гражданин рассматривается как человек, знающий и активно отстаивающий свои права, при этом он имеет право не только принимать участие в управлении государством, но и обязан это делать [15].

Процесс регулирования отношений между государством и обществом, влияние общества на социализацию человека осуществляется за рубежом на основе двух принципов: 1) субсидиарности; 2) социального контроля, используемых в практической реализации концепции социального государства и гражданского участия.

На основании принципа субсидиарности местное сообщество берет на себя городские заботы в пределах своей территории. Городские власти и государство отвечают за решение более масштабных проблем. Поэтому участие в решении проблем местного сообщества (района, улицы и т. д.) не только право, но и святая обязанность гражданина, реализуемая на основе добровольчества (волонтерства). *Добровольчество как модель гражданского поведения, участия, социальной активности* реализуется за рубежом (например, в Германии) как добровольная самоорганизация граждан для решения собственных социальных проблем.

Принцип социального контроля П. Бергера порождает иной вариант социальных отношений и социализации гражданина. Этот принцип эффективен в плане социального воспроизводства и обеспечения прогнозируемого, ожидаемого поведения со стороны людей (целенаправленного поведения по М. Веберу). При этом государство несет минимальные расходы по воспроизводству и контролю, делегируя полномочия местному сообществу, накопление ответственности идет «снизу» (на уровне семьи и частной жизни), государство при этом удерживает полный контроль над ситуацией. Эта модель принята в Англии и США, где добровольчество также является механизмом воспитания законопослушного и социально активного (на своем уровне) гражданина. Волонтерство в англоязычных странах широко распространено среди домохозяйек (семья и частная жизнь), в корпорациях (профессиональный уровень), имеет свое нормативно-правовое обеспечение (политико-юридическая система), более (в Англии) или менее (в США) политизировано [16]. Особое внимание в университетах США уделяется волонтерской деятельности. Она помогает: 1) экономить бюджет в социальной сфере, сфере здравоохранения, спорта, туризма, культурно-

зрелищной сфере; 2) формирует не только гражданские качества, но и качества профессиональные, т. е. востребованные в будущей профессии студента [17].

Институт добровольчества в данном случае помогает социальным структурам, выполняющим воспитательные функции и поддерживающим порядок в обществе. Все это способствует *формированию* на основе гражданских добровольческих инициатив *добровольческого движения*, имеющего внушительные масштабы и организационные формы институционализации. Об этом подробно изложено в монографии автора статьи [18].

Список литературы

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Москва, 1973. 284 с.
2. Тоффлер Э. Футурошок, или шок перед будущим. Москва, 1973. 284 с.
3. Основы современного социального управления: теория и методология. Москва, 2000. 271 с.
4. Краткий словарь по социологии. Москва, 1989. 479 с. Из содерж.: Молодёжи социальные проблемы. С. 164–166; Социология молодёжи. С. 353–354.
5. Ерасов Б. С. Социальная культурология. Москва, 1994. Ч. 2. 240 с.
6. Оленина Г. В., Харина А. С. Формирование ценностей патриотизма и гражданственности молодёжи в деятельности российских и зарубежных движений // Учёные записки (Алтайская государственная академия культуры). 2017. № 2. С. 80–83.
7. Современная западная социология. Москва, 1990. 432 с.
8. Воспитание молодёжи: заявление на заре XXI века. Национальная молодёжная политика: точка зрения молодёжных организаций внеформального воспитания. URL: https://www.youthworker.by/library/mezhdunarodnyj_dokument_po_vospitaniju.pdf (31.03.2016).
9. Словарь-справочник по социальной работе. Москва, 2002. 424 с. Из содерж.: Социальное государство. С. 62–65.
10. Политология. Москва, 2003. 176 с.
11. Гражданское общество: истоки и современность. Санкт-Петербург, 2003. 256 с.
12. Ильин М. В. Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. Москва, 1997. 432 с.
13. Коэн Дж. Л. Гражданское общество и политическая теория. Москва, 2003. 784 с.
14. Резник Ю. М. Гражданское общество как феномен человеческой цивилизации. Москва, 1993. Ч. 1. 167 с.
15. Корнилович В. А. Социальный механизм воспитания в условиях трансформации российского общества (технология «Импульс»). Барнаул, 2002. 149 с.
16. Очман М. Как работать с волонтерами. Алматы, 1999. 68 с.
17. Пальцева О. П. Социально-культурная работа за рубежом. Тамбов, 2007. 320 с.
18. Оленина Г. В. Социально-культурное проектирование и продвижение гражданских инициатив молодёжи: история, теория, методология, практика. Барнаул, 2012. 311 с.

Galina V. Olenina, Doctor of Pedagogical Science, Professor
Altai State Institute of Culture (Barnaul, Russia)
ustlama@mail.ru

VOLUNTEER MOVEMENT ABROAD IN CONTEXT OF STATE YOUTH POLICY, SOCIAL STATE AND CIVIL SOCIETY THEORIES

Summary. The newness of the article is determined by the need to explain: what social, cultural and political factors have an influence on volunteer movement development that involves various strata of the population including the youth in the United States and other western advanced countries? Why, in general, foreign human sciences get started to study dynamically the youth's problems? On what theoretical basis and practical principles volunteer movement on the 20th century had been fixed in a state youth policy? Was it in accordance with trends of development of a social state and a civil society?

The author answering these questions bases on the foreign scientists' key idea: for the first time, science of the 1960s had recognized the youth as an active actor of social and cultural development – the youth that was socialized and enculturated in a post-industrial society filled with paradoxes and difficulties. This had been

shown in the western youth's mass civil unrests of the 1960s and also, in the appearance, uncontrolled extension of the youth's subcultures in the 1970s and the 1980s which were mostly not positive in its nature.

The theory of civic participation, the youth's public service in way of volunteering was the sought idea. It has been spreading in the field of family, professional relations and private life of various population groups (including the youth's learning activity) by efforts of numerous of public non-profit organizations that were ruled a state youth policy.

The article argues the European countries and the United States regard the volunteer phenomenon as an economically advantageous thing, and in addition, it helps to the government structures to fulfill its disciplinary function.

The author of the article concludes: volunteer movement abroad became a popular model of a civic

behavior; today's volunteer movement in general and youth's volunteer movement in particular develop abroad as socially and politically approved idea of the youth's participation in local community's life, the idea of the youth's public service.

References

1. Bell D. Grjadushhee postindustrial'noe obshchestvo [The Coming of Post-Industrial Society]. Moscow, 1973. 284 p. [In Russ.].
2. Toffler A. Futuroshok, ili shok pered budushhim [Future Shock]. Moscow, 1973. 284 p. [In Russ.].
3. Osbovyi sovremennogo social'nogo upravleniya: teoriya i metodologiya [Basics of Today's Social Management: Theory and Methodology]. Moscow, 2000. 271 p. [In Russ.].
4. Kratkij slovar' po sociologii [Shorter Dictionary On Sociology]. Moscow, 1989. 479 p. Fr. the cont.: Social'nyj problemy molodjozhi [Youth's Social Problems]. Pp. 164–166; Sociologiya molodjozhi [Sociology of Youth]. Pp. 353–354. [In Russ.].
5. Erasov B. S. Social'naya kul'turologiya [Social Cultural Studies]. Moscow, 1994. Pt. 2. 240 p. [In Russ.].
6. Olenina G. V., Kharina A. S. Formirovanie cennostej patriotizma i grazhdanstvennosti molodyozhi v deyatel'nosti rossijskikh i zarubezhnykh dvizhenij [The Youth's Patriotic and Civic Conscience Values Forming in Russian and Abroad Movements] // Uchyonye zapiski (Altajskaya gosudarstvennaya akademiya kul'tury) [Scientific Notes (Altai State Academy of Culture and Arts)]. 2017. No. 2. Pp. 80–83. [In Russ.].
7. Sovremennaya zapadnaya sociologiya [Modern Western Sociology]. Moscow, 1990. 432 p. [In Russ.].
8. Vospitanie molodyozhi: zayavlenie na zare XXI veka. Nacional'naya molodyozhnaya politika: tochka zreniya molodyozhnykh organizacij vneformalnogo vospitaniya [The Upbringing of the Youth: Message at The Beginning of the 21st century. The State Youth Policy: The Youth Non-Formal Education Organizations'

Point of View]. URL: https://www.youthworker.by/images/_library/mezhdunarodnyj_dokument_po_vospitaniju.pdf (31.03.2016). [In Russ.].

9. Slovar'-spravochnik po social'noj rabote [Dictionary and Guide On Social Work]. Moscow, 2002. 424 p. Fr. the Cont.: Social'noe gosudarstvo [Social State]. Pp. 62–65. [In Russ.].
10. Politologiya [Political Science]. Moscow, 2003. 176 p. [In Russ.].
11. Grazhdanskoe obshchestvo: istoki i sovremennost' [Civic Society: Origins and Modernity]. Saint Petersburg, 2003. 256 p. [In Russ.].
12. Ilyn M. V. Slova i smysly. Opyt opisaniya klyuchevykh politicheskikh ponyatij [Words and Essences. The Experience of Key Political Concepts Portraying]. Moscow, 1997. 432 p. [In Russ.].
13. Cohen J. L. Grazhdanskoe obshchestvo i politicheskaya teoriya [Civic Society and Political Theory]. Moscow, 2003. 784 p. [In Russ.].
14. Reznik Yu. M. Grazhdanskoe obshchestvo kak fenomen chelovecheskoj civilizacii [Civic Society as The Phenomenon of The Human Civilization]. Moscow, 1993. Pt. 1. 167 p. [In Russ.].
15. Kornilovich V. A. Social'nyj mekhanizm vospitaniya v usloviyah transformacii rossijskogo obshchestva (tekhnologiya «Impul's») [Social Mechanism of Upbringing in Changing Russian Society ("Impulse" Technology)]. Barnaul, 2002. 149 p. [In Russ.].
16. Ochman M. Kak rabotat' s volontyorami [How to Lead the Volunteers]. Almaty, 1999. 68 p. [In Russ.].
17. Pal'ceva O. P. Social'no-kul'turnaya rabota za rubezhom [Social and Cultural Activity Abroad]. Tambov, 2007. 320 p. [In Russ.].
18. Olenina G. V. Social'no-kul'turnoe proektirovanie i prodvizhenie grazhdanskikh iniciativ molodyozhi: istoriya, teoriya, metodologiya, praktika [Social and Cultural Projection and The Youth's Civic Initiatives Promoting: History, Theory, Methodology, Practice]. Barnaul, 2012. 311 p. [In Russ.].

УДК 377.5+7.05:[377+378]

DOI: 10.32340/2541-772X-2018-1-57-62

Н. В. Серёгин, доктор педагогических наук, профессор
Алтайский государственный институт культуры (Барнаул, Россия)
sereginnv@yandex.ru

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Аннотация. В статье обоснована психолого-дидактическая парадигма оптимальной организации художественного образования. Выявлены инновационные технологии, построенные на полидисциплинарной основе, имеющие личностно-ценностную направленность проектирования нового типа развивающих художественно-образовательных сред, требующие усовершенствованных средств, методов обучения и учебных пособий нового поколения. Психодидактическая система художественной деятельности углубляет развитие конкретных областей психики в образовательном процессе и закрепляет их чувственной сферой. Рассматриваются современные подходы к построению образовательно-воспитательного процесса, ориентирующиеся на необходимость интеллектуального и нравственного развития подрастающего поколения, целенаправленное формирование критического и творческого мышления.

Ключевые слова: психодидактика художественной деятельности, диагностика художественно-образовательной среды, развивающие и адаптационные возможности художественной деятельности.

Современная парадигма образования ориентируется на необходимость интеллектуального и нравственного развития подрастающего поколения, целенаправленное формирование критического и творческого мышления. Такая векторная направленность требует воспитывать информационную компетентность обучающихся, формировать способности быстрой социальной адаптации в изменяющемся мире. Деятельность в различных областях искусства обладает мощными психолого-педагогическими факторами. Общеизвестны развивающие и адаптационные возможности художественной деятельности. Она обладает широким интегративным потенциалом, поскольку включает в себя реализацию основных целей образования. В то же время такая самодостаточность художественной деятельности в случае неуправляемости способствует формированию клипового мышления, поскольку у нас нет высококачественной, обоснованной и, главное, интересной и увлекательной программы общехудожественного развития. Для оптимальной организации художественного образования необходимо разрабатывать и внедрять инновационные педагогические технологии, построенные на полидисциплинарной основе, имеющие личностно-ценностную направленность проектирования нового типа развивающих образовательных сред, требующие усовершенствованных средств и методов обучения и учебных пособий нового поколения.

При реализации психолого-дидактической парадигмы в художественном творчестве тесная взаимосвязь педагогики и психологии обогащается развивающими возможностями творчества в искусстве. Психодидактическая система художественной деятельности углубляет развитие конкретных областей психики в образовательном процессе и закрепляет их чувственной сферой. Ощущения художественных достижений во взаимодействии с психологией и дидактикой ещё глубже обосновывают достижимость основных идей развивающего образования. В свою очередь психодидактика художественного творчества меняет векторы построения образовательно-воспитательного процесса, оснащенного сущностным содержанием искусства. Взаимоотношения между психологией и дидактикой, между психодидактикой и художественным творчеством выявляют глубинные свойства личности в процессе освоения искусства. При построении учебно-воспитательного процесса в области искусства и культуры происходит опора на развивающий потенциал художественного творчества. Художественное образование строится на профессиональном знании и целенаправленном использовании психологических закономерностей развития человека в условиях творчества и искусства.

К примеру, доказывая действительное существование музыкально-исполнительского творчества С. М. Майкапар констатирует: «Дело в том, что

художественно-творческое воплощение элементов внутреннего содержания музыки сопровождается и обуславливается наличием в этом воплощении жизненного, часто не укладывающегося в рамки точных математических пропорций длительности звуков и пауз, творческого ритма, богатства не только элементарных основных динамических оттенков, но и главным образом наличием трудно поддающихся учету и анализу динамических полутеней и тончайших переходов из одного оттенка в другой, участием художественной фразировки и художественного оформления архитектоники целого, а также и наличием элемента психической окраски звуков. Отсутствие всех этих ресурсов у механического метода воспроизведения и является причиной недоступности для механического метода воплощения внутреннего содержания музыки» [1]. Действенность художественно-исполнительского творчества для развития ребенка, учащегося, студента на сегодняшний день неоспорима.

При этом важна точка рассмотрения проблем психодидактики художественной деятельности. Д. Дьюи, исследовавший инновационные парадигмы в вопросах образования, рассматривал ребенка как «центр педагогической вселенной» [2], как основную ценность в педагогике и в психологии. Психодидактическая парадигма уточняет взгляды Д. Дьюи с позиций развивающего образования. Интересы ребенка, обучающегося человека, его потребности, закономерности его развития, объективные принципы профессионального становления личности встают на первый план. При этом, в фокусе инноватики оказываются продуктивные образовательные системы.

Тем более взгляд на «центр педагогической вселенной» усугубляется при формировании профессиональной психодидактики в среднеспециальных и высших учебных заведениях культуры и искусств. Здесь формирование позиции психодидактики художественной деятельности преодолевает разрыв между педагогикой, психологией и художественной деятельностью. Дидактические методы используются обычно в качестве локомотива развивающего инновационного образования. Дидактика позволяет поступательно выстроить динамику наполнения духовного и физического развития обучающегося с учетом возрастных возможностей, способностей и потребностей художественно-исполнительской деятельности. К ним добавляются особые художественно-педагогические и психодидактические методы, развивающие индивидуальные способности обучающегося в искусстве, раскрывающие потенциальные интересы и склонности, направленные на творческую самореализацию в процессе профессионального становления исполнителя. Художественное образование выстраивается по результатам диагностики обучающегося и на психологических закономерностях развития, психологической природе индивидуальных

различий, закономерностях организации типов ведущей художественной деятельности как основы развития личности в образовательной и художественно-исполнительской деятельности.

При этом диагностируется и соответствие технологических решений. Они учитываются в каждом элементе обучения, востребованного непрерывным образованием. Такая диагностика предусматривает формирование инициативы ученика в процессе художественно-образовательной деятельности: обучение и воспитание строится по индивидуальным планам работы, основывающимся на режимах художественно-исполнительской и образовательно-воспитательной деятельности, учитывающих опыт построения исполнительского процесса предшествующих поколений. Ученик вовлекается в сознательное становление себя, как субъекта художественно-творческой исполнительской. В результате, дальнейшие диагностические срезы позволяют констатировать повышение уровня самостоятельности и мотивированности в образовании. Развивающееся самосознание формирует способность ученика самостоятельно строить исполнительский процесс, оттачивать ощущения исполнительского аппарата, проверять себя в художественно-творческом процессе. Растущее самосознание порождает новую роль художника, который востребует инновационную позицию и роль преподавателя. Востребует новые взаимодействия в системе отношений «музыкант-преподаватель – музыкант-ученик – учебная информация – музыкально-исполнительская деятельность» [3, 4].

Проведённые исследования доказывают и объясняют, почему дети, подростки, даже юноши и девушки, вовлеченные в художественную деятельность, быстрее перенимают мастерство преподавателя. Для художественно-образовательного процесса, где осваивается деятельность в искусстве, роль педагога-исследователя, проводника и посредника весьма велика. Здесь сочетаются все своеобразия знаний, умений и владений физическим и духовным потенциалом личности, которые проявляются в культуре, накопленной предыдущими поколениями и которые оцениваются с позиций определенных традиций, функционирующих в конкретном социально-культурном и временном срезе. Формирующиеся, художественно одарённые личности не имеют духовного и физического потенциала для притязательности. Часто желаемое принимается ими за действительное, они увлекаются кажущимся. Художественно-образовательная деятельность, выстроенная на основе законов психодидактики, способствует объективному построению процесса становления личности.

С позиций возрастной психологии и дидактических принципов в построении художественно-образовательного процесса важны как плавность перехода одного типа ведущей деятельности в другой, так и их взаимное сочетание, которое обеспечивает взаимозависимость и взаимопроникновение. Переход с одного типа ведущей деятельности к другому не

может происходить строго по времени и одновременно у всех обучающихся. Здесь также важна диагностика, определяющая параметры познавательной, эмоциональной и личностной активности каждого ученика. Результаты диагностики позволяют оценить осознанность и произвольность действий обучающегося.

Как правило, дидактически грамотно сформулированная задача музыканта, хореографа, дирижёра, вокалиста, дизайнера содержит минимум достаточных сведений для её решения. Дидактика любой предметной области провела типологию решения задач по всем темам курса. Художественно-исполнительская деятельность представляет собой постоянно возобновляющийся процесс адаптации дидактически выверенных данных процесса овладения соответствующим инструментарием и художественной информацией. Ученику достаточно использовать данные и выбрать необходимый тип решения. Здесь требуется конкретизация художественно-исполнительской задачи! И сделать это весьма не просто.

Психодидактика всегда вносит в задачу многовариантность, необходимость отбора информации, достаточной для решения, проверки её достоверности в художественно-исполнительской деятельности. Здесь важен историко-культурный контекст, размышления над условием создания произведения, его отражением в действительности. В процессе анализа возникают новые образы, технические средства, которые в свою очередь влекут возможные изменения содержания, уточняют излишние, либо недостающие данные, возможные ошибки, интерпретационные наслоения и т. д. Для художественно-исполнительской деятельности здесь возникает дополнительная проблема – формулировка вопроса! Исходя из этого, учителю и ученику с первых минут знакомства с художественно-исполнительской задачей необходимо основательно подумать над ее постановкой, формулировкой! Развитие мышления становится здесь приоритетным.

Художественная составляющая педагогического процесса не допускает стандартной типологии задач и решений, которые мало интересуют учащегося. Они малопривлекательны в художественно-исполнительской деятельности (любой штамп противен искусству). Как в любом искусстве здесь велик интерес к различным способам целеполагания и решения – многовариантности! Хотя обучающемуся часто не хватает времени дойти до большинства из них. Здесь уместна роль учителя с настойчивыми вопросами, требующими поиска в художественно-исполнительской дидактике.

Взросление исполнителя ставит перед ним новые задачи. Быстрое развитие художественно-исполнительского искусства формирует новые исполнительские решения. Однако научные изыскания в области искусства не успевают за практикой и не конкретизируют соответствующие многочисленные

знания, которые приобретают статус информации. Многоаспектность информации в художественно-исполнительском искусстве приводит к тому, что знания добываются самими исполнителями, часто интуитивно, путем проб и ошибок. В отдельных случаях идет поиск нужной информации по различным источникам, проводится их сравнение. В результате у ученика формируется собственное мнение по изучаемой проблеме, требующее подтверждения в авторитетном источнике информации. Если учитель – авторитетный источник нужной информации, то требуется согласование с ним, консультация. Если учитель не воспринимается как авторитетный источник, то ученик проводит самостоятельные исследования изучаемой проблемы, в ходе которых происходят преобразования знания в информацию и достоверной информации в знания.

В культурно-историческом развитии цивилизации мы непременно сталкиваемся с изменением целей обучения, меняются со временем и принципы дидактики. Такие изменения вполне обоснованы, так как дидактические принципы не являются раз и навсегда установленными догмами, они синтезируют в себя достижения современной дидактики и обновляются под их влиянием.

Однако понятие «дидактика», просуществовавшее ряд веков, своей основной сути, научного смысла не изменило. Дидактика была и осталась разделом педагогики, излагающим теорию образования и обучения. Дидактика вскрывает закономерности усвоения знаний, умений и навыков и формирования владений, определяет объем и структуру содержания образования, совершенствует методы и организационные формы обучения, совершенствует воспитывающее влияние учебного процесса на обучающихся.

Психодидактику, новую научную область знания, исследователи рассматривают как один из вариантов полидисциплинарного комплексного подхода к обеспечению успешности современного образования [5]. Она, как нельзя, кстати, оказывается связующим звеном между изменяющимися целями обучения и принципами дидактики, с одной стороны, и стабильно развивающимся художественным искусством и дидактикой – с другой. Исполнительские особенности художественного искусства на сегодняшнем этапе своего развития требуют психодидактических усовершенствований.

Полидисциплинарный подход в психодидактике представлен интеграцией двух научных областей, психологии и педагогики, а конкретнее – интеграцией психологии, дидактики, предметной методики и практики образования. Психодидактика художественной деятельности имеет свою специфическую предметную особенность. Наряду с художественно-исполнительской спецификой она учитывает возрастные особенности, дифференцируя их по периодам обучения, ориентируется на типы ведущей деятельности в данные периоды, т.е. сенситивные периоды (от латинского *sensus* – чувство, ощущение) –

периоды онтогенетического развития, в которые развивающийся организм бывает особенно чувствителен к определенному роду влияниям окружающей действительности. Психодидактика художественной деятельности ориентируется на психические новообразования, которые формируются в период активного использования ведущей художественно-исполнительской деятельности. Ориентируется на условия и возможности эффективного развития способностей, находящихся в зоне актуального и ближайшего развития, на формирование субъектности, как необходимого личностного атрибута. С возрастом могут изменяться типы и содержание ведущей художественно-исполнительской деятельности. При этом самообразовательная деятельность сохраняет свое значение и только меняет свои акценты. Психические новообразования формируются от развития природной любознательности и активного воображения до становления нравственных идеалов и профессиональных художественно-исполнительских принципов. Наивная креативность развивается до зрелой, культурной креативности и т.д.

Психодидактика на основе психологических теорий раскрывает теоретические, технологические и методические основы развивающего образования, включающего в себя процессы обучения, воспитания, социализации.

Научно-методическая и учебно-дидактическая продукция, выходящая по итогам научных исследований, является качественно новой по структуре, содержанию и направленности на ученика, как активного субъекта познавательной деятельности и личностного становления.

Психодидактический подход в сфере художественной деятельности возник именно в связи с использованием его основных параметров в процессе проектирования индивидуальной исполнительской деятельности обучающихся различным видам искусства. Психодидактика художественной деятельности опирается на диагностику конкретных показателей образовательных, культурных и психофизиологических особенностей, интересов, склонностей и жизненных планов. В процессе формирования психолого-педагогического направления образовательного процесса в сфере художественной деятельности прослеживаются и развиваются необходимые для исполнителя способности. Они основываются на задатках, развиваются в процессе и под влиянием конкретной художественной деятельности, которая требует от человека определенных исполнительских способностей. Художественно-исполнительские способности не могут развиваться вне деятельности. Ни один человек, какими бы художественно-исполнительскими задатками он ни обладал, не может стать талантливым, не занимаясь много и упорно соответствующей художественной деятельностью. К тому же художественные задатки многозначны. Они состоят из множества общих, напрямую не относящихся к художественному творчеству элементов. На основе одних и

тех же задатков могут развиваться неодинаковые способности, в зависимости от характера и требований деятельности, которой занимается человек, а также от условий жизни и особенно воспитания [5].

В психологическом отношении развивающее художественное образование обеспечивает становление и у ученика, и у педагога субъектного развития в специфической системе «ученик(и)-учитель». Важным условием здесь становится формирование механизма саморазвития этой системы. В ней, помимо традиционного субъектно-объектного типа коммуникации, воспроизводится субъектно-субъектный тип взаимодействия, когда каждый ее компонент становится условием и средством развития другого. Субъекты системы в процессе художественно-исполнительской деятельности формируют самовоспроизводящуюся рефлексию относительно продукта деятельности, влияния на него себя и членов коммуникации. Только при указанных условиях достижима такая образовательная система, которая развивает личность обучающегося, его исполнительские, познавательные, физические, художественные, творческие способности. Система работает на преодоление простого достижения определенных показателей тех или иных знаний, умений, навыков.

Психодидактика художественной деятельности возможна при построении диалога содержания обучения (федеральный государственный образователь-

ный стандарт – основная образовательная программа – учебный план – рабочий план – программно-методическое наполнение) в виде диалога культур, представленных в общемировой культуре в художественно-историческом аспекте (от Античности до современности), в этнокультурном (Восток – Запад) и в социокультурном (все социальные и образовательные системы современных стран).

Список литературы

1. *Майканар С.* Музыкальный слух, его значение, природа и особенности и метод правильного развития. Москва, 2013. 250 с.
2. *Дьюи Д.* Демократия и образование. Москва, 2000. 383 с.
3. *Виноградова Н. Ф.* Не только учить, но и развивать: проблемы реализации государственного стандарта начального общего образования // Журнал научно-педагогической информации. 2010. № 4. URL: <http://www.paedagogia.ru/2010/41-04/80-vinogradova> (5.01.2018).
4. *Серёгин Н. В.* Психодидактика музыкальной деятельности. Барнаул, 2014. 180 с.
5. *Лебедева В. П.* От воздействия к взаимодействию в системе отношений «учитель – ученик» // Журнал научно-педагогической информации. 2010. № 5. URL: <http://www.paedagogia.ru/2010/42-05/83-lebedeva> (15.02.2018).

Nikolai V. Seryogin, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor,
Altai State Institute of Culture (Barnaul, Russia)
sereginnv@yandex.ru

ARTISTIC EDUCATION IN THE PRESENT-DAY WORLD

Summary. Contemporary artistic education paradigm has substantial potential for the coming generation's intellectual and moral self-improvement, for the youngsters' critical and creative thinking forming. It determined by powerful psychological and pedagogical factors, develop and adaptive opportunities of artistic activity that has wide integrative potential aimed at achieving key goals of education. At the same time, such "self-sufficiency" of artistic creativity in case of out of control turns into resource that helps to form a personality's mosaic thinking, is caused by a lack of engrossing and attractive high quality program of a person's artistic abilities development.

It needs to enroot innovative personally-oriented and value-oriented pedagogical technologies based on multidisciplinary resource for forming educational environments of brand new type that claim a need of developed pedagogical methods and teaching technics, most advanced educational aids.

In the author's opinion, perspective of artistic creativity is in a child's and a student's self-improvement in his or her artistic and performing creativity. Here-with, it is important to carry out psychological and didactical paradigm that enriches the art with its own

creative opportunities. Psychodidactical system of artistic creativity deepening the development of human's psycho's different spheres in educational process and fixes it by sensuous sphere. Awareness of artistic achievements in contact with psychology and didactics deeper argues an attainability of the key ideas of developmental education. By the same token, psychodidactics of creative activity changes vectors of learning process building – the learning process enriched by the essence of art. Interactions between psychology and didactics, between psychodidactics and artistic creativity bring to light a personality's deep features while developing art. Developing potential of artistic creativity is a "foothold" of building of educational process in cultural and artistic spheres. Artistic education is built on professional knowledge and purposeful usage of a human's psychological development regularities in creativity and art spheres.

Artistic education should be built on a basis of contemporary psychodidactical technologies that are founded on rich potential of intercultural dialogue.

Keywords: psychodidactics of arts activity, diagnostics of arts and educational environment, developing and adaptive possibilities of arts activity.

References

1. *Majkapar S.* Muzykal'nyj sluh, ego znachenie, priroda i osobennosti i metod pravil'nogo razvitija [An Ear for Music, Its Significance, Its Nature and Peculiarities, Education Method]. Moscow, 2013. 250 p. [In Russ.].

2. *Dewey D.* Demokratija i obrazovanie [Democracy and Education]. Moscow, 2000. 383 p. [In Russ.].

3. *Vinogradova N. F.* Ne tol'ko učit', no i razvivat'. Problemy realizacii gosudarstvennogo standarta načal'nogo obshhego obrazovanija [No Just To Teach But Also To Develop: Some Problems of Implementation of State Standard of Elementary General Education] // Zhurnal nauchno-pedagogičeskoj informacii [Scientific

Educational Information Journal]. 2010. No. 4. URL: <http://www.paedagogia.ru/2010/41-04/80-vinogradova> (5.01.2018) [In Russ.].

4. *Seryogin N. V.* Psihodidaktika muzykal'noj dejatel'nosti [Psychodidactics of Musical Activity]. Barnaul, 2014. 180 p. [In Russ.].

5. *Lebedeva V. P.* Ot vozdejstvija k vzaimodejstvuju v sisteme otnoshenij «učitel' – učenik» [“Teacher – Student” Relationships: From Forcing To Interaction] // Zhurnal nauchno-pedagogičeskoj informacii [Scientific Educational Information Journal]. 2010. No. 5. URL: <http://www.paedagogia.ru/2010/42-05/83-lebedeva> (15.02.2018) [In Russ.].

РАЗДЕЛ IV

БИБЛИОТЕЧНО-ИНФОРМАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ЕВРАЗИЙСКИЙ ВЕКТОР

УДК 351.858:021.6:004.738.5

DOI: 10.32340/2541-772X-2018-1-63-67

Г. М. Вихрева, кандидат педагогических наук, ведущий научный сотрудник
Государственная публичная научно-техническая библиотека
Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия)
vihreva@spsl.nsc.ru

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ БИБЛИОТЕЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ГЛОБАЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ СРЕДЕ

Аннотация. Рассмотрено понятие глобальной информационной среды как неотъемлемой составляющей контекста существования современной библиотеки, а также некоторые аспекты её влияния на библиотечно-информационную деятельность, результатами которого становятся, во-первых, расширение каналов связи библиотеки с окружающим миром, во-вторых, количественный рост контактов с генераторами и поставщиками информационных ресурсов, качественный прогресс в развитии взаимоотношений библиотеки с другими субъектами информационного рынка и т. д. Наряду с этим автор уделяет внимание и негативным проявлениям глобальной информационной среды – эффекту «информационного неравенства», размыванию корневых основ русского языка, угрозе национальной идентичности – и прогнозирует возможные ответы библиотек на эти вызовы информационного общества.

Ключевые слова: библиотека, глобальная информационная среда, Интернет, информационное неравенство, русскоязычное информационное пространство.

Библиотека является открытой системой, связанной с внешней средой множеством невидимых «нитей». Само понятие «внешняя среда библиотеки» определяется как «совокупность экономических условий потребителей, законодательных и нормативных актов, родственных (или конкурирующих) организаций, системы ценностей, общественных взглядов, техники и технологии» [1]. Эти факторы взаимосвязаны и оказывают влияние на все то, что происходит внутри библиотеки. С усложнением задач, стоящих перед библиотекой и библиотечным делом, все большую значимость приобретает принцип обратной связи – основа саморегулирования, развития библиотечной системы, адаптации к меняющимся условиям функционирования.

Говоря сегодня о среде бытования библиотеки, мы включаем в нее – как неотъемлемую часть – также среду информационную. Между тем, будучи понятным и достаточно часто упоминаемым, феномен «глобальная информационная среда» не имеет четкого научного определения. Исследователи сходятся на том, что глобальная общемировая информационная среда как «совокупность произведенной человечеством информации, а также процессов ее получения, создания, накопления, хранения, распространения и использования» [2], является главным условием появления и развития информацион-

ного общества, а в настоящее время такой общемировой информационной средой становится гиперсеть Internet. Именно из такого понимания этого предмета мы и будем исходить.

Библиотечная деятельность как комплекс разных видов работ, обеспечивающих выполнение библиотекой своих основных функций и миссии перед обществом (определение М. Я. Дворкиной [3, с. 13] сегодня интенсивно трансформируется под активным воздействием информационно-коммуникационных инноваций, внедряющихся во все сферы жизни и создающих совершенно иную, чем прежде, социальную реальность, имя которой – информационное общество. С начала 1990-х годов в странах Европейского Союза все чаще высказываются мнения о социальной роли (функции) библиотеки, причем признается, что библиотека во все большей мере становится местом пересечения многих процессов и явлений, относящихся к созданию информационного общества. Подчеркивается, что в этом обществе, гораздо более чем в обществе индустриальном, она перемещается в самый центр социальной жизни, выступая в качестве «организатора знания», в том числе и получаемого через компьютерные сети.

Новая информационная среда с неизбежностью предопределяет для библиотек смену ряда ценностных

приоритетов, переосмысление философии и социальной роли современной библиотеки, расширение и углубление её взаимосвязи с окружающим миром, развитие форм взаимодействия с поставщиками информационных ресурсов. В результате к традиционным функциям просветительского характера, сохранения и приумножения культурного наследия веков и народов, прибавились функции информационных центров, обеспечивающих доступ потребителя к национальным и мировым информационным сетям и банкам данных. Важная роль в этом принадлежит Интернету, сделавшему реальной передачу текстовой, видео-, аудио-, графической и цифровой информации на неограниченное количество терминалов в режиме реального времени. Многие виды библиотечной деятельности осуществляются сегодня в интерактивной виртуальной среде, с использованием ее огромных возможностей.

Телекоммуникационное пространство Сети дает возможность библиотекам не только получать и предоставлять необходимую информацию, но и рассказывать о себе, о своих ресурсах и услугах. Если говорить о библиотечном обслуживании, то Сеть – это возможность доступа к каталогам и ресурсам других библиотек, базам данных, полнотекстовым научным публикациям, электронная доставка документов и многое другое. Такие задачи решаются в первую очередь посредством веб-сайтов библиотек. Создание сайта позволяет осуществлять продвижение информации на более высокие функциональные уровни, формировать привлекательный имидж библиотеки, рекламировать свою интеллектуальную продукцию, обеспечивая тем самым приток в библиотеку новых пользователей.

С появлением Интернета для библиотек открываются новые возможности совершенствования внутрибиблиотечных технологий. Для структур, занятых комплектованием фондов, ценным является доступ к электронным источникам информации о новой литературе на сайтах издательств, книготорговых и книгораспространительских организаций, что позволяет выбрать оптимальные по цене и качеству издания для заказа, найти наиболее выгодного поставщика. Да и сама возможность оперативного оформления электронного заказа на издания тоже немаловажна для комплектователей.

При обслуживании, как уже говорилось ранее, наличие Интернета также дает ряд преимуществ. Например, наличие в фонде бумажной и электронной версий журнала не только позволяет одновременно работать с изданием нескольким пользователям, но и, при высоком спросе на бумажное издание малой экзemplарности, предоставлять вместо него электронное. Тем самым сохраняются редкие и ценные документы, существующие на традиционных носителях. Кроме того, современные библиотеки и сами активно создают разнообразные информационные продукты, значительно обогащая и расширяя сферу электронного контента.

Однако следует сказать, что глобальная информационная среда несет для человечества не только одно благо. Ею же генерируется ряд проблем, имеющих крайне негативный характер. Задача современной библиотеки – видеть эти проблемы и понимать свою роль и свои возможности в их решении. Так, глобальное перераспределение мировых ресурсов порождает сегодня усиление социального неравенства в доступе к современным источникам информации. Ускорение темпов информатизации порождает особый вид бедности – так называемую «информационную бедность» (она же – «информационное неравенство» или «информационный разрыв»). «Информационный разрыв» существует как между странами, так внутри них, и развитие новых технологий, согласно мировому опыту, его только увеличивает. Это явление, наравне с тоталитарными режимами и международным терроризмом, выступает в качестве одной из главных помех на пути к глобальному просвещению и демократизации. Проблема «информационного разрыва» настолько серьезна, что была вынесена на обсуждение Окинавского саммита глав государств Большой Восьмерки в июле 2000 года. В созданной ими хартии Глобального информационного общества вопрос о преодолении цифрового неравенства стал одним из главных пунктов.

Для России фактор «информационного неравенства», усугубляемый неравенством экономическим, также чреват внутренними и внешними проблемами. Её менее развитые регионы и наименее обеспеченные слои населения всё более оттесняются на обочину из-за невозможности полноценного доступа к информации и знанию для достижения большего благосостояния. Та же Сеть сообщает, что уровень интернет-проникновения в России составляет 62 % от совершеннолетнего населения страны (72,3 млн россиян). Ежедневно в интернет выходят 60 млн человек, и при этом разрыв между Москвой, Санкт-Петербургом и другими регионами России по-прежнему сохраняется. Это негативно влияет на интернет-отрасль, а в отдельных сегментах, таких как электронная коммерция, приводит к парадоксальной неэффективности [4].

Исследователи констатируют, что из-за лишения значительной части общества в регионах положительного влияния информационной революции там возникает отрицание всего, что с ней связано, а это, в конечном итоге, негативно сказывается на развитии страны. Выпаив из сферы глобального информационного общества, Россия может оказаться на обочине истории [5, с. 103]. Следует иметь в виду и то, что проблема информационного неравенства не решилась бы даже нереальным пока обеспечением всех россиян доступом к Интернету, ибо это ещё не означало бы для них доступа к по-настоящему ценной информации. Характеризуя контент, который предлагает Сеть в свободном, т. е. бесплатном, доступе, ученые отмечают, что «это, в основном, всё информация для бедных – разрозненная, противоречивая,

чаще всего непонятно, кем и в каких целях распространяемая. Зачастую это просто информационный шум. Серьёзная актуальная аналитическая информация, которая позволяет принимать верные политические, экономические решения, – отнюдь не в Интернете. Она – в столах и компьютерах политиков, глав корпораций, ведущих учёных» [6]. В целом крупнейшими в мире интернет-отраслями являются электронная коммерция, азартные игры, путешествия, платежные и финансовые сервисы, мультимедиа и развлечения, игры и контент для взрослых [7].

В этой ситуации библиотеки, оснащенные выходом в Интернет и приобретаемыми электронными ресурсами, остаются местом, где человек может за весьма умеренную плату получить доступ к Сети. Роль научных библиотек в сокращении информационного неравенства заключается в предоставлении ученым и специалистам доступа к столь актуальным для них дорогостоящим полнотекстовым базам данных, в развитии таких информационных сервисов, как ЭДД, обеспечивающих равные условия для всех пользователей страны. Предоставление библиотекой комфортного доступа к информационным ресурсам библиотеки подразумевает, кроме всего прочего, в качестве модели взаимодействия библиотекаря и пользователя взаимный, равноправный, диалогичный характер общения. Высшей формой библиотечного обслуживания ученого на сегодняшний день является создание для него системы сервисов индивидуально-информационного пространства.

Сущностная культурологическая функция библиотеки играет стабилизирующую роль для общества в целом, – в противовес разрушающим структуру процессам модернизации. Библиотека, оставаясь и в кризисной ситуации одним из самых устойчивых и при этом сравнительно доступных социокультурных институтов, вынуждена сегодня подчас одна замечать тот информационный и духовный вакуум, который создан в обществе из-за причин депривационного характера. Не только в России, но и во всем мире именно библиотеки признаются хранителями информации, доступными для всех слоев населения.

Компенсирующая функция крупной научной библиотеки реализуется также в том, что ее фонд в условиях интенсивного роста числа новых учебных заведений различного типа зачастую выполняет для них задачу вузовских библиотек. Это положение сохраняется на период становления собственных информационных структур новых образовательных учреждений, а иногда, при условии низкого качества их комплектования, и на фоне существования таких структур в вузах.

Под натиском растущих потоков информации, новых алгоритмов жизни, мышления, новых ценностей, перед каждым государством стоит задача защиты и развития своей национальной культуры и прежде всего – культуры языковой, которая в любую эпоху несет в себе энергетику и информационную память нации, отражает душу народа, общность любой

локальной культуры и языка ее носителя. И. П. Тикунова указывает на противоречивость современной ситуации в этой области: «С появлением информационного общества остро встает вопрос глобализации очень ограниченного числа языков мира. С одной стороны, это необходимо для облегчения международных информационных обменов и коммерческих транзакций, для беспрепятственного распространения новых знаний. С другой – возникает опасность исчезновения многих языков. Специалисты прогнозируют возможное исчезновение примерно 90 % всех существующих языков до конца XXI века».

Она отмечает, что языковой фактор значительно влияет на расширение цифрового разрыва между «информационно богатыми» и «информационно бедными». «Происходит маргинализация тех групп населения, представители которых не говорят на языках, употребляемых в сети Интернет, т. к. они не могут адекватно и равноправно участвовать в информационных обменах и развитии мирового информационного пространства, а значит, и в современной международной политической, экономической и культурной жизни» [8].

Речевая культура, как панцирь, защищает общество, цивилизацию в целом. Отечественных библиотекарей должен особенно беспокоить тот факт, что глобальная информационная среда содержит в себе нарастающие угрозы и для русского языка. Засилье иностранной лексики, засорение, деформация, размывание корневых основ языка ведут к разрушению нашей самобытности, культурной идентичности. Глобальная информационная сеть сегодня – это англоязычный мир. В связи с этим особую остроту приобретает вопрос о том, сможет ли Россия в XXI веке занять достойное место среди электронных цивилизаций, и какова будет цена этого места.

Тревогу вызывает отмечаемая исследователями «показательная и характерная» тенденция, «в рамках которой принесение в жертву особенностей национального языка и письменности, якобы, является условием полноценного включения российского сектора в мировые инновационные процессы» [9]. Очевидно, что именно стратегия поддержания и развития библиотеками русскоязычного информационного пространства, «русскоязычного мира», социальная роль, состоящая в хранении языкового пространства, является одной из важнейших задач, решаемых ими в глобальной информационной среде. Этим библиотеки отличаются от информационных центров, назначение которых – предоставление релевантной информации на заданную тему, вне зависимости от языковых и географических границ.

По мнению специалистов [10, с. 56], библиотеки обладают тремя существенными объективными характеристиками, которые обуславливают их уникальность и значимость в сфере поддержки русского языка. Во-первых, они содержат концентрированное знание, отраженное в библиотечных ресурсах и доступное каждому в целях самообразования,

саморазвития и самореализации. Во-вторых, они оказывают справочно-библиографические услуги и предлагают продукты, основанные на собственных ресурсах. В-третьих, они являются общедоступной площадкой для взаимодействия людей различных национальностей на основе знаний, содержащихся в библиотечных фондах. Здесь же было отмечено, что, к сожалению, библиотеки еще недостаточно используют свои преимущества в решении задач поддержки русского языка.

Таким образом, влияние современной глобальной информационной среды на библиотечную деятельность неоднозначно. С одной стороны, эта среда предоставляет широкие возможности для удовлетворения потребностей пользователей – главным образом, за счет современной электронной техники и средств связи, а с другой – порождает, в частности, такие негативные явления, как информационное неравенство и «размывание» национальной культуры, прежде всего языковой. В этих условиях задача библиотеки – стать полноправным элементом виртуального пространства, учреждением, обеспечивающим «информационное равноправие» всех граждан страны, защищающим ее национальную культуру и язык.

Список литературы

1. *Карташов Н. С., Скворцов В. В.* Общее библиотечное дело. Москва, 1997. Ч. 2. 256 с. URL: http://www.studmed.ru/view/kartashov-ns-obschee-bibliotekovedenie-chast-2_23ad8bd30cf.html (17.12.2017).
2. *Сандаков Д.* Анализ эффективности системы высшего образования с точки зрения эволюции глобальной информационной среды. URL: http://obrazovanie.by/sandakov/info_environment.html (06.03.2018).
3. *Дворкина М. Я.* Библиотечно-информационная деятельность: теоретические основы и особенности развития в традиционной и электронной среде. Москва, 2009. 256 с.
4. *Короткин А., Бевза Д.* Вот моя деревня, вот инет родной... URL: <https://www.gazeta.ru/tech/2015/04/06/6628353/internet-region-russia-2014.shtml> (07.03.2018).
5. *Вершинская О. Н., Еришова Т. В.* Информационное общество в России как проблема социально-политического выбора и общественной инициативы // Мир России. 2003. № 1. С. 101–106.
6. *Кузьмин Е. И.* Россия в мировой информационной политике. URL: <http://www.unkniga.ru/face/1659-kuzmin-rossiya-v-mirovoy-informacionnoy-politike.html> (11.03.2018).
7. *Короткин А., Хачатрян Э.* РУНЭТ – в тройке лидеров: Россия попала в тройку стран – генераторов интернет-трафика. URL: <https://www.gazeta.ru/tech/2015/04/03/6623469/russian-traffic-top3.shtml> (07.03.2018).
8. *Тихунова И. П.* Концептуальная модель современной библиотеки: социально-философский анализ: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. Архангельск, 2007. 129 с.
9. *Леонтьев А. А.* Информатика – библиотека – читатель: современные тенденции и перспективы // Библиотека и читатель: диалог во времени. Новосибирск, 2013.
10. *Конакова А. К.* Грани культурной политики: взгляд библиотек // Современная библиотека. 2015. № 10. С. 52–59.

Galina M. Vikhreva, Ph. D. In Pedagogy, Chief Researcher
The State Public Scientific Technological Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
(Novosibirsk, Russia)
vihreva@spsl.nsc.ru

SOME ASPECTS OF A LIBRARY ACTIVITY IN GLOBAL IT ENVIRONMENT

Summary. A library activity is considered by the author as a complex of different types of work that provide a process of fulfilling of a social mission and key functions of a library. This complex is suffering changes under the influence of IT innovations that appear in all sphere of today's life and create directly different social reality that has its own name now – informational society.

New informational environment strictly defines a change of values system that determines a face of a today's library activity. Also, innovations in IT environment calls rethinking of philosophy of work and a social role of a modern library, enlargement of a library communication canals with the outside world, a quantitative increasing of contacts of a library with actors (producers and providers) of informational market and qualitative

progress in development of a library's interactions with other participants of informational market. *Teleco* space gives to a library an opportunity not just to receive and to deliver informational resource but also to tell to the today's audience about itself, about organization owned data, services. The Web opens an access to catalogues and resources, data bases, full texted scientific resources owned by other libraries, as well as to electronic document delivery – a popular library service, etc.

A library successfully plays a role of a social communication regulator in opposition to modernization that often leads into trouble – destruction – as a result: a today's library sometimes has to fill informational and spiritual holes in social communication. Not just in Russia but also in the whole world are recognized as structures that responsible for holding informational

resource access to which should be opened for everyone, for every population stratum.

The influence of global IT environment to a library activity has not simple character. On the one hand, the environment gives to a library so great possibility for satisfaction of users' requirements – mainly thanks for modern equipment and communication tools. On the other hand, it causes several adverse effects such as informational imparity, disappearance of an ethnic culture, loss an ethnos' unique language face, etc. In such conditions, a library gets a new goal for its activity – to turn into a valuable element of virtual communicative space, to be an institution that focuses its activity on protection of people's informational equality, on defense of their own ethnic culture and mother language.

Key words: a library, global IT environment, Internet, informational imparity, Russian-speaking informational space.

References

1. *Kartashov N. S., Skvortcov V. V.* Obshee bibliotekovedenie [Library Science]. Moscow, 1997. Pt. 2. URL: http://www.studmed.ru/view/kartashov-ns-obshee-bibliotekovedenie-chast-2_23ad8bd30cf.html (17.12.2017). [In Russ.].
2. *Sandakov D.* Analiz jeffektivnosti sistemy vysshego obrazovaniya s točki zreniya jevoljucii global'noj informacionnoj sredy [The Higher Education System Effectiveness Analysis in the Context of Global Informational Environment Evolution]. URL: http://obrazovanie.by/sandakov/info_environment.html (06.03.2018). [In Russ.].
3. *Dvorkina M. Ja.* Bibliotечно-informacionnaja dejatel'nost': teoreticheskie osnovy i osobennosti razvitiya v tradicionnoj i jelektronnoj srede [Library and Informational Activity: Some theoretical Aspects and Peculiarities of Development in Paper-Based and Electronic Environment]. Moscow, 2009. 256 p. [In Russ.].

4. *Korotkin A., Bevza D.* Vot moja derevnja, vot inet rodnoj [Here Is My Country-Side, Here Is My Dear Internet...]. URL: <https://www.gazeta.ru/tech/2015/04/06/6628353/internet-region-russia-2014.shtml> (07.03.2018). [In Russ.].

5. *Vershinskaja O. N., Ershova T. V.* Informacionnoe obshhestvo v Rossii kak problema social'no-politicheskogo vybora i obshhestvennoj iniciativy [Informational Society in Russia as a Question of a Social and Political Choice and a Public Initiative] // Mir Rossii [World of Russia]. 2003. No. 1. Pp. 101–106. [In Russ.].

6. *Kuz'min E. I.* Rossiya v mirovoj informacionnoj politike [Russia in World Informational Policy]. URL: <http://www.unkniga.ru/face/1659-kuzmin-rossiya-v-mirovoy-informacionnoj-politike.html> (11.03.2018). [In Russ.].

7. *Korotkin A., Hachtrjan Je.* RUNJET – v trojke liderov: Rossiya popala v trojku stran – generatorov internet-trafika [RuNet Is in Top Three: Russia Hit Into Triumvirate of Internet Traffic Generators]. URL: <https://www.gazeta.ru/tech/2015/04/03/6623469/rossian-traffic-top3.shtml> (07.03.2018). [In Russ.].

8. *Tikunova I. P.* Konceptual'naja model' sovremennoj biblioteki: social'no-filosofskij analiz: dissertacija ... kandidata filosofskih nauk [Theoretical Model of a Today's Library: Social and Philosophical Analysis : dissertation thesis... Ph. D. in Philosophy: 09.00.11]. Arhangel, 2007. 129 p. [In Russ.].

9. *Leont'ev A. A.* Informatika – biblioteka – chitalel': sovremennye tendencii i perspektivy [Computer Studies – Library – Reader: Contemporary Trends and Perspectives] // Biblioteka i chitalel': dialog vo vremeni [Library and Reader: Dialogue Through Time]. Novosibirsk, 2013. [In Russ.].

10. *Konakova A. K.* Grani kul'turnoj politiki: vzgljad bibliotek [Culture Policy Aspects: Libraries' View] // Sovremennaja biblioteka [Modern Library]. 2015. No. 10. Pp. 52–59. [In Russ.].

УДК 021:004.9(4/5)

DOI: 10.32340/2541-772X-2018-1-67-71

Н. С. Редькина, доктор педагогических наук,
Государственная публичная научно-техническая библиотека
Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия)
redkina@gpntbsib.ru

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ БИБЛИОТЕК В СОВРЕМЕННОМ ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Аннотация. Рассмотрены тенденции развития библиотек евразийских стран, используемые технические и программные средства, в том числе системы автоматизации библиотек, а также новые технологии создания информационных продуктов и услуг (облачные, мобильные и интеллектуальные технологии, социальные сети). Представлены варианты оригинальных дизайнерских решений библиотек. Отмечена роль современного дизайнера, отвечающего предпочтениям пользователей, в привлечении читателей.

Ключевые слова: библиотеки, информационные технологии, информационные ресурсы, услуги, дизайн, тенденции развития.

В современных условиях деятельность библиотек Евразийского пространства происходит на фоне дина-

мичного развития информационных технологий, небывалого роста потоков информации и кардинального

изменения образа жизни большей части населения, социально-психологической и коммуникативной модели поведения людей и общества в целом. Главенствующую роль информационных технологий в становлении информационного общества подчеркивается рядом ученых. Еще У. Дайзард отмечал, что современная технология ускоряет темпы изменений тем, что систематически расширяет области воздействия – политические, экономические и культурные. Ценность же информационных технологий, согласно его концепции, состоит в том, «что они могут быть своего рода «спутниками наблюдения» за состоянием общественного сознания и общественных процессов», если будут объединены в систему «универсальную, многостороннюю и доступную каждому человеку» (в этом описании четко видны черты сегодняшнего Интернета) [1, с. 343]. Р. Айрис определил современный период как технологическую революцию, основанную на информации [2, с. 325]. Этой же точки зрения придерживается М. Кастельс. Он характеризует новый этап развития общества как информационно-технологическую революцию и основное внимание при этом отводит технологиям обработки информации и коммуникациям [3].

Существенная роль информационных технологий в развитии общества состоит в ускорении процессов получения, распространения и использования обществом новых знаний. А. А. Козырев отмечает, что повышая качество интеллектуальных ресурсов общества, информационные технологии повышают качество жизни [4, с. 21]. В Декларации принципов построения информационного общества (Декларации тысячелетия) также указано, что такие технологии открывают совершенно новые перспективы достижения более высоких уровней развития [5]. Доктор юридических наук В. Лопатин утверждает, что «информатизация и информатика в корне изменили облик цивилизации, предоставили человечеству невероятную прежде роскошь свободного доступа к информации и мировым знаниям как основы творчества каждого» [6, с. 2].

Вместе с тем, сориентироваться в постоянно возрастающем потоке информации, даже в условиях постоянно совершенствующихся информационно-поисковых технологий, становится все более сложно. О темпах роста информации говорят такие следующие цифры. Так, по данным аналитиков из компании Netcraft, в марте 2011 года в сети насчитывалось 298 002 705 сайтов, а в 2018 г. – 1 770 411 187 [7]. Проанализировав данные более чем из 150 различных источников, сотрудники магазина электронных книг «eBookstore» выяснили, что всего в мире насчитывается около 130 миллионов оригинальных названий книг [8]. И этот документопоток увеличивается ежегодно. Так, согласно данным Российской книжной палаты, в 2017 г. отечественные издательства выпустили 117 359 названий книг и брошюр совокупным тиражом 471,5 млн экз. В сравнении с 2016-м число названий, выпущенных в стране, практически не изменилось, однако при этом их совокупный тираж вырос сразу на 5,6 %. Это событие можно

назвать знаменательным, так как рост совокупных тиражей в стране наблюдается лишь второй раз за прошедшие 10 лет (первый, едва заметный, был зафиксирован в 2013 г.) [9].

Вопросы надежности, своевременности и эффективности информации приобрели сегодня особое значение. Создавая и предоставляя в доступ мощные актуальные информационные ресурсы по различным отраслям знаний, сервис-ориентированные технологии обслуживания, развитые информационные системы поиска информации по технологии Discovery, библиотеки увеличивают вклад в научно-технические инновации, механизмы социальных, культурных и политических изменений, подготовку специалистов в различных областях деятельности; помогают организациям работать более продуктивно, повышая диапазон реализации социальных проектов и их эффективность: преобразуют жизнь и способствуют дальнейшему формированию информационного общества.

Данные и тенденции развития информационных ресурсов и технологий, предполагают, что библиотеки должны не просто аккумулировать ресурсы и обеспечивать доступ к ним, а пересматривать существующие подходы к формам и содержанию информационно-библиотечной работы, а возможно и цели, миссии и перспективы развития библиотек в целом.

Информационные технологии в библиотеках

Системно подойдя к анализу современных информационных технологий, используемых в библиотеках, удалось выявить технические и программные средства, применяемые как для решения внутренних технологических задач, так и создания сервис-ориентированных технологий обслуживания, генерации собственных информационных продуктов и услуг, обеспечения доступа к приобретаемым лицензионным ресурсам. В первую очередь, это средства компьютерной техники: компьютеры (суперкомпьютеры, мейнфреймы, кластеры, серверы, рабочие станции, персональные компьютеры, ноутбуки, карманные персональные компьютеры и т. п.); компьютерная периферия (внешние устройства, подключаемые к системному блоку – терминалы, принтеры, сканеры, плоттеры, источники бесперебойного питания и др.); сетевое оборудование (устройства, необходимые для работы компьютерной сети – маршрутизаторы, коммутаторы, модемы, патч-панели и прочее). Среди средств коммуникационной техники, которые обеспечивают одну из основных функций управленческой деятельности – передачу информации в рамках системы управления и обмен данными с пользователями и партнерами библиотек, используются средства и системы стационарной и мобильной телефонной связи, системы кабельной связи, включая оптико-волоконную и спутниковую связь, и др. Средства организационной техники предназначены для механизации и автоматизации библиотечно-библиографической деятельности во всех ее проявлениях. К таким средствам относится достаточно большой перечень технических средств, устройств

и приспособлений, начиная от карандашей и заканчивая сложными средствами изготовления документов (репрографии и оперативной полиграфии, цифровые и копируемые аппараты и т. д.). Применение средств оргтехники связано с выполнением различных операций по обработке документированной информации или с организацией труда библиотечных специалистов.

В современных условиях деятельность библиотек не представляется возможной без применения программных средств современных информационных технологий (системных и прикладных). В библиотечной практике используются различные виды операционных систем, системы подготовки текстовых, табличных и других документов, презентаций, программы обработки финансово-экономической информации (АС «1С Бухгалтерия» для автоматизации процессов бухгалтерского учета, налогового учета, кассовой деятельности и др.), системы управления базами данных, например, СУБД Microsoft Access, которая обладает мощными, удобными и гибкими средствами визуального проектирования объектов, что позволяет пользователю при минимальной предварительной подготовке довольно быстро создать полноценную информационную систему на уровне таблиц, запросов, форм и отчетов, а также системы автоматизации библиотек («ИРБИС», MARC SQL, «РУСЛАН» и др.); личные информационные системы, предназначенные для информационного обслуживания рабочего места сотрудника и позволяющие планировать личное время на различных временных уровнях, вести персональные или иные картотеки и автоматически выбирать из них необходимую информацию; вести журнал телефонных переговоров и использовать функции, характерные для multifunctionальных телефонных аппаратов; вести персональные информационные блокноты для хранения разнообразной личной информации. В ближайшем будущем перспективными могут стать системы управления проектами, мультимедиа приложения (программы для создания/редактирования видео, звука, Text-To-Speech и пр.), экспертные системы и системы поддержки принятия решения.

Внедрение информационных технологий в библиотеках способствует оптимизации внутренних процессов, связанных с формированием фонда (автоматизацией традиционных функций комплектования – заказа, подписки, регистрации новых поступлений, получением выходных форм, итоговых данных о поступлении литературы в фонд), обеспечением сохранности (использованием противокражного оборудования, систем видеонаблюдения, оборудования для оцифровки ветхих изданий и пр.), каталогизацией и организацией справочно-поискового аппарата библиотеки (созданием различных баз данных, электронных каталогов, индексированием изданий, включающим автоматическое формирование авторского знака и др.), библиотечным обслуживанием читателей/пользователей (регистрация/перерегистрация читателей, в т. ч. онлайн, широкий спектр поисковых возможностей и безбумажная технология формирования заказа на выдачу литературы, удален-

ный электронный заказ изданий и др.), обслуживанием пользователей по межбиблиотечному абонементу, в том числе международному (автоматизированный учет поступивших заказов, регистрация их выполнения и отслеживание отправленных/возвращенных документов библиотекой, выполняющей заявки; поиск информации в электронных каталогах; оформление заказов и контроль их выполнения библиотеками, подающими заявки), справочно-библиографическим обслуживанием (использование удаленных ресурсов в обслуживании, консультации онлайн и др.).

Для создания и предоставления пользователям информационных ресурсов и услуг, библиотеки используют различные веб-сервисы, технологии облачных вычислений, мобильные технологии и приложения (qr-коды для создания интерактивных библиотек и выставок книг, мобильные аудиогиды, программы электронной выдачи книг на устройство пользователя и др.), социальные сети и аналитику нового поколения [10]. Эволюция информационных технологий и систем все в большей степени определяется их интеллектуализацией. Представляется, что в этом направлении у библиотек есть будущее, в частности, во внедрении интеллектуальных информационно-поисковых систем в обслуживание читателей.

Новые направления в библиотеках

Современные библиотеки – это намного больше, чем просто хранилище книг. По всему миру они постепенно модифицируются в «интеллектуальные центры», «центры интеллектуального досуга», «коммуникативные площадки» и др. Библиотеки это и место для обучения, коворкинга, аренды оборудования, творчества, работы, научных экспериментов и отдыха. Примером подобного развития в России является создание и организация работы лаборатории инновационного творчества в формате «Fab Lab» при библиотеке № 3 МБУ «ЦБС» г. Норильска, организованной в целях создания технологической платформы и интеллектуальной для внедрения инновационных технологий и моделей развития научно-технического творчества и познавательного интереса у детей и молодежи [11]. В лаборатории установлен набор ключевого оборудования для оснащения лаборатории инновационного творчества (трехмерный принтер MakerBot Reaplicator 2; 3D сканер RangeVision Advanced с двумя зонами сканирования; широкоформатный плоттер для интерьерной печати EPSON Stylus Pro 9900; станок универсально-фрезерный Opti BF 30 Vario с ЧПУ; гравировально-фрезерная машина Roland MDX-40 A, персональные компьютеры, осциллографы, источники питания и др.). Используя техническое и программное оборудование в библиотеке заявлены и действуют постоянные проекты: курс-клуб 3D моделирования, «Steel Rumble» (создание роботов для участия в ежегодной битве роботов), «Умный дом» (разработка собственной системы интеллектуального контроля и управления системами и коммуникациями городской квартиры или загородного дома на основе открытых компонентов и программного обеспечения) и многие другие.

Библиотеки с оригинальным дизайном

Проектирование интерьера и разработка современного дизайна становятся одними из наиболее востребованных направлений модернизации библиотек, так как способствуют преломлению сложившихся представлений о «тусклых» и не очень эргономичных помещениях, созданию положительного образа и имиджа библиотеки, организации более комфортных условий работы сотрудников, привлечению читателей.

Среди интересных и нестандартных решений зданий и помещений библиотек евразийских стран приведем следующие: «футуристичная» библиотека Тяньцзинь-Биньхай (Китай); библиотека в г. Тьонвиль (Франция); филологическая библиотека Свободного университета Берлина (Германия), округлая форма здания которой напоминает форму человеческого мозга, а изогнутые лестницы и галереи напоминают извилины; Библиотека сэра Дункана Райса (Великобритания), где помимо интересного дизайна можно отметить специальные системы, которые собирают дождевую воду, а фотоэлементы на крыше и таймеры контролируют освещение; общественная библиотека г. Бишаня (Сингапур), 4-этажное здание которой – «метафора домика на дереве», а выступающие из стен ячейки – места для уединенного чтения или работы; библиотека Бранденбургского технического университета (University Library Cottbus-Senftenberg) в городе Котбус (Германия) – это современная вавилонская башня, украшенная снаружи словами из разных языков; Национальная библиотека Кореи в г. Седжоне повторяет очертания перевернутой открытой книги, чьи страницы символизируют передачу знаний.

Библиотеки евразийских стран стремятся к обслуживанию читателей с использованием современных технологий, создают формы предметно-пространственной среды, обеспечивающие уровень и яркость естественного и искусственного освещения, температурный режим, качество воздуха в помещении, акустический комфорт и др., что позволяет создавать комфортные зоны обслуживания и соответствовать меняющимся предпочтениям пользователей.

Список литературы

1. Дайзард У. Наступление информационного века // Новая технократическая волна на Западе. Москва, 1986. С. 343–355.
2. Айрис Р. Технология и экономический рост // Новая технократическая волна на Западе. Москва, 1986. С. 316–329.
3. Кастельс М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе. Москва, 1999. С. 494–505.
4. Козырев А. А. Информационные технологии в экономике и управлении. Санкт-Петербург, 2005. 360 с.
5. Декларация принципов «Построение информационного общества – глобальная задача в новом тысячелетии» от 12 декабря 2003 г. // Библиотековедение. 2005. № 2. С. 80–89.
6. Лопатин В. Всемирный день информационного общества // Информационное право. 2009. № 2. С. 2.
7. March 2018 Web Server Survey. URL: <https://news.netcraft.com/archives/2018/> (15.03.2018).
8. Google открыл собственный магазин электронных книг. URL: <http://inf.by/library/5636> (15.03.2018).
9. Воронаев А. Десятилетие перемен. Российское книгоиздание в 2008–2017 гг. // Университетская книга. 2018. № 3. С. 32–40. URL: <http://www.unkniga.ru/bookrinok/knigniy-rinok/8138-desyatiletie-pe-remen-ros-sijskoe-knigoizdanie-v-2008-2017.html> (15.03.2018).
10. Редькина Н. С., Васильева Н. В., Коломенская А. С. Использование облачных сервисов в библиотеках России: результаты исследования // Научно-техническая информация. Сер. 1. Орг. и методика информ. работы. 2017. № 6. С. 21–30.
11. Межбиблиотечный методический вебинариум «Успешные библиотечные программы для молодёжи». URL: http://www.rgub.ru/professional/item.php?new_id=6348 (15.03.2018).

Natalya S. Red'kina, Doctor of Pedagogical Sciences,
The State Public Scientific Technological Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
(Novosibirsk, Russia)
redkina@gpntbsib.ru

LIBRARIES DEVELOPMENT TRENDS IN THE TODAY'S EURASIAN SPACE

Summary. The article is devoted to studying trends of today's Eurasian libraries activity in context of modern informational and technological paradigm that considers a society as filled with increasing informational flows and technologies become a strategic resource of a humans' activity, a factor of social and economic development of countries, organizations, personalities.

It is noticed that dynamic development of outside environment helps to libraries to improve productivity, to enlarge a diapason of realized social projects and its effectiveness, to develop new ways and forms of users'

work with taking their informational preferences into account.

The article presents data on increasing of informational and documental flows, on number of web resources and issued books in Russia and in the world. The author concludes: today's libraries should not just to collect informational resources and to open the access to them but also should revise fit approaches to forms and essence of informational and library work and, perhaps, to goal, mission and perspectives of its own development with the involvement of various technical means and

software applications, cloud computing and mobile technologies, social networks, etc.

The paper points out on a role of modern design in upgrading a library's image in public opinion, in making more comfortable conditions for work and attraction of readers. The author gives several examples of the Eurasian libraries with unstandard architectural solution (China, France, Germany, Korea etc.).

In conclusion, the author says that the Eurasian libraries intend to service a reader with involvement of innovative informational technologies, to create spaces that are comfortable for a user's work in according with his (her) changing informational preferences.

Keywords: libraries, informational technologies, informational resources, services, design, development trends.

References

1. *Dizard U.* Nastuplenie informacionnogo veka [Coming of Information Age] // *Novaja tehno-kratskaja volna na Zapade* [The New Technocratic Wave on the West]. Moscow, 1986. Pp. 343–355. [In Russ.].

2. *Iris R.* Tehnologija i jekonomicheskij rost [A Technology and the Economic Growth] // *Novaja tehno-kratskaja volna na Zapade* [The New Technocratic Wave on the West]. Moskva, 1986. Pp. 316–329. [In Russ.].

3. *Castels M.* Stanovlenie obshhestva setevykh struktur [Genesis of the Network Society] // *Novaja postindustrial'naja volna na Zapade* [The New Postindustrial Wave on the West]. Moskva, 1999. Pp. 494–505. [In Russ.].

4. *Kozyrev A. A.* Informacionnye tehnologii v jekonomike i upravlenii [Informational Technologies in Economics and Management]. Saint-Petersburg, 2005. 360 p. [In Russ.].

5. *Deklaracija principov «Postroenie informacionnogo obshhestva – global'naja zadacha v novom tysjach-*

eletii» ot 12 dekabrja 2003 g. [Declaration of Principles “Building the Information Society: a Global Challenge in the New Millennium” (Dec. 12, 2003)] // *Bibliotekovedenie* [Library Science]. 2005. No. 2. Pp. 80–89. [In Russ.].

6. *Lopatin V.* Vsemirnyj den' informacionnogo obshhestva [The World Day] // *Informacionnoe pravo* [Informational Law]. 2009. No. 2. P. 2. [In Russ.].

7. *March 2018 Web Server Survey.* URL: <https://news.netcraft.com/archives/2018/> (15.03.2018). [In Eng.].

8. *Google otkryl sobstvennyj magazin jelektronnykh knig* [Google Opened Its eBook Store]. URL: <http://inf.by/library/5636> (15.03.2018). [In Russ.].

9. *Voropaev A.* Desjatiletie peremen. Rossijskoe knigoizdanie v 2008–2017 gg. [Decade of Change. Russia Book Industry, 2008–2017] // *Universitetskaja kniga* [University Book]. 2018. No. 3. Pp. 32–40. URL: <http://www.unkniga.ru/bookkrinok/knigniy-rinok/8138-desyatiletie-peremen-rossijskoe-knigoizdanie-v-2008-2017.html> (15.03.2018). [In Russ.].

10. *Red'kina N. S., Vasil'eva N. V., Kolomenskaja A. S.* Ispol'zovanie oblachnykh servisov v bibliotekah Rossii: rezul'taty issledovanija [Cloud Technologies in Russian Libraries: Research Results] // *Nauchno-tehnicheskaja informacija* [Scientific and Technical Informational Proceedings]. Ser. 1. Organizacija i metodika informacionnoj raboty [Ser. 1. Organization and Methods of Information Work]. 2017. No. 6. Pp. 21–30. [In Russ.].

11. *Mezhibliotечnyj metodicheskij vebinarium «Uspeshnye bibliotечnye programmy dlja molodjozhi»* [Interlibrary Methodical Webinarium “Successful Librarian Programs for the Youth”]. URL: http://www.rgub.ru/professional/item.php?new_id=6348 (15.03.2018). [In Russ.].

УДК 027.2:001.89(1-925.11/16)

DOI: 10.32340/2541-772X-2018-1-71-76

О. П. Федотова, кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник,
Государственная публичная научно-техническая библиотека
Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия)
kh@spsl.nsc.ru

Н. В. Махотина, кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник,
Государственная публичная научно-техническая библиотека
Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия)
or@spsl.nsc.ru

БИБЛИОТЕЧНО-ИНФОРМАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК НЕОТЪЕМЛЕМАЯ КОМПОНЕНТА В ФОРМИРОВАНИИ СЦИЕНТИСТСКОГО ЛАНДШАФТА РЕГИОНА

Аннотация. Разрешение профессиональных проблем, возникающих вследствие трансформаций социокультурной среды, предопределяет конструкцию новой мировоззренческой концепции библиотекведения и выработку её правовых обоснований. Изучение истории организации библиотечного дела в регионе имеет мультипликативный эффект, поскольку позволяет не только оценить историческую миссию библиотек, современное состояние профессиональных связей и роль библиотечно-информационных ресурсов, но и наметить перспективы их развития.

Ключевые слова: взаимодействие, социокультурная ситуация, институциональный подход, код ценностей, региональное библиотечное пространство.

В последние годы – в силу разных причин – все большую роль в формировании сциентистского ландшафта региона начинают играть диалог культур и т. н. «человеческая реальность» в качестве его возможного основоположения. Данный феномен имеет не только онтологическое, но и мировоззренческое, логико-гносеологическое значение для всего комплекса наук общественно-гуманитарного профиля. Активное осознание новых явлений происходит также в области библиотечного дела. Все большее число специалистов – как теоретиков, так и практиков – обращаются к философским аспектам информационно-библиотечной деятельности, традиционные основы которой интенсивно трансформируются под воздействием глобальной информатизации общества и связанных с этим существенных изменений социокультурной среды.

В настоящее время в нашем обществе наблюдается огромный интерес к опыту прошлого, что предопределяет появление серьезных исследовательских материалов [1, с. 2]. Изучение истории организации библиотечного дела имеет мультипликативный эффект, поскольку позволяет не только по-новому увидеть и переосмыслить роль и значение библиотек в общеисторическом процессе эволюции общества, оценить современное состояние профессиональных связей и роль библиотечно-информационных ресурсов, но и наметить перспективы их развития.

Специалисты [3, с. 294–301] отмечают, что библиотеки в России никогда не организовывались исключительно в виде книгохранилищ, как зачастую к ним относятся. Научно-аналитическая работа в библиотеке всегда представляла собой самостоятельный комплексный вид деятельности, способствующий её развитию как открытой социальной системы и сохранению жизнеспособности в среде других информационных структур. Современные библиотеки формируют свои фонды разного рода альтернативными документами, предлагают новые виды услуг, активно встраиваются в глобальные телекоммуникационные системы. Стремительно развивающийся процесс сочетания и взаимопроникновения традиционных и автоматизированных технологий требует от библиотечного сообщества адекватного теоретического осмысления. Тематика библиотечных исследований, как известно, определяется муниципальными, ведомственными, региональными и национальными программами развития. Поэтому результаты библиотечной НИР являются равноправным с другими научно-исследовательскими, просветительскими, социально-культурными и информационными учреждениями вкладом в обеспечение основных подсистем жизнедеятельности (производственной и внепроизводственной) территории.

Общепризнанно, что многофакторность – отличительная черта стратегии современного научного поиска, и библиотечная аналитика фиксирует новые связи и отношения, возникающие в сфере профильных научных исследований. Для их осмысления могут и должны использоваться все про-

цедуры, нацеленные на создание новой научной предметности. Основная задача – выявить конденсат в виде идеологических регулятивов, новых технологий, модифицированных философско-стратегических концептов и т. д., применение которых, в конечном итоге, способствовало бы укреплению парадигмы целостности профессиональной исследовательской деятельности.

Так, основными научно-исследовательскими проектами ГПНТБ СО РАН сегодняшнего дня стали: «Научно-информационная деятельность академических библиотек в контексте современного развития науки», «Сервис-ориентированные информационные технологии в задачах эффективной организации библиотечных процессов и поддержки научных коммуникаций», «Выявление и изучение культуры Сибири в условиях информационного общества», «Региональная книжная культура Сибири и Дальнего Востока в информационном обществе» и «Эволюция ресурсной базы крупных академических библиотек в контексте социально-экономических и культурных трансформаций региона». В истекшем году исследования, суммируя вкратце отчеты, представленные руководителями проектов (Лаврик О. Л., Редькина Н. С., Бородихин А. Ю., Лютов С. Н. и Артемьева Е. Б.) на научной сессии, были направлены на:

- типологический и контекстный анализ информационных продуктов, создаваемых для информационного обеспечения НИР;
- формирование направления информационного сопровождения деятельности научного учреждения на основе ресурса «Новости сибирской науки»;
- разработку системы оптимизации библиотечных процессов и поддержки научных коммуникаций, построенной на основе методов оценки эффективности технических, технологических и программных средств, позволяющих целенаправленно создавать качественные информационные ресурсы и услуги на новых технологических платформах, развивать современные сервисы обработки информации и ее поиска, разрабатывать стратегию развития научных библиотек с учетом предпочтений ее пользователей, а также автоматизации библиотечных производственных циклов, повышающей эффективность процессов формирования фондов, каталогизации, ведения справочно-поискового аппарата, информационно-библиографического, справочного обслуживания, межбиблиотечной доставки документов и др.);
- выявление, изучение и введение в научный оборот новых произведений древнерусской книжности и печати;
- уточнение понимания современной книжной культуры как неразрывного единства двух систем: книги как многоуровневой системы, вобравшей в себя достижения материальной и духовной культуры, и книги в системе динамично развивающейся культуры информационного общества;
- установление особенностей развития современного научного документопотока, формулировку

базовых направлений работы научной библиотеки, ответственной за сохранение научного наследия и т. д.

Необходимо отметить, что особое значение в определении тематики исследований имеет наличие так называемого «кода ценностей», т. е. целей и задач функционирования конкретного учреждения (в данном случае – научной библиотеки), приоритетов развития, критериев качества и эффективности деятельности в достижении поставленных целей, т.к. вызовы, ставящиеся внешней средой перед социокультурными объектами, практически, одинаковы, а вот содержательные элементы происходящих в них преобразований (структурные изменения, внедрение новых технологий, новые методы и методологии исследований и т. п.) зависят от приоритетов в реализации стоящих перед каждым конкретным объектом задач.

Посредством анализа осуществляемых в рамках различных наук современных философско-мировоззренческих концепций и теоретических раз-

работок определяется их эффективность и инструментальная пригодность для решения практических библиотечных проблем. К примеру, с этих позиций специалистами, задействованными в формировании совокупного фонда сериальных изданий Библиотеки, модифицированы критерии и методы, используемые при отборе изданий с различной информационной ценностью – на основе результатов десятилетнего периода мониторинга параметров отечественных журналов, отбираемых в основной фонд на т. н. «долговременное хранение» сформированы комплексные показатели, включающие как общие критерии отбора, так и внутреннего состояния фонда; среди распространённых вариантов, применимых к решению задачи оценки изданий, была выделена и применена частичная минимизация (алгоритм выбора фиксированного числа наиболее эффективных признаков); отработана содержательная структура фонда отечественных журналов основного хранения.

Таблица 1

Содержательная структура фонда отечественных журналов основного хранения

Профиль	1962 – 2013 гг. – 3434 назв.	до 1962 г. – 2128 назв.
Общественно-гуманитарный	1594 назв. – 45 %	785 назв. – 37 %
Естественно-научный	1132 назв. – 34 %	515 назв. – 24 %
Технический	708 назв. – 21 %	828 назв. – 39 %
Целевое и читательское назначение	1962 – 2013 гг. – 3434 назв.	до 1962 г. – 2128 назв.
Научно-теоретические	810 назв. – 23,6 %	510 назв. – 24 %
Научно-практические	477 назв. – 13,9 %	170 назв. – 8 %
Научно-технические	371 назв. – 10,8 %	447 назв. – 21 %
Научно-методические	65 назв. – 1,9 %	43 назв. – 2 %
Производственно-технические	110 назв. – 3,2 %	213 назв. – 10 %
Информационно-библиографические	275 назв. – 8 %	106 назв. – 5 %
Информационно-аналитические	185 назв. – 5,4 %	192 назв. – 9 %
Информационно-методические	34 назв. – 1 %	21 назв. – 1 %
Информационные	86 назв. – 2,5 %	128 назв. – 6 %
Общественно-политические	194 назв. – 5,6 %	181 назв. – 8,5 %
Научно-популярные	96 назв. – 2,8 %	43 назв. – 2 %
Литературно-художественные	65 назв. – 1,9 %	21 назв. – 1 %
Массово-популярные	48 назв. – 1,4 %	10 назв. – 0,5 %
Прочие	618 назв. – 18 %	43 назв. – 2 %

Поскольку фонд литературы ограниченного пространства является неотъемлемой составляющей депозитарного фонда Библиотеки, то анализ движения фонда (а также информационных запросов пользователей) позволяет утверждать, что объективными детерминантами, определяющими условия его бытования и функциональные характеристики, также являются изменения, произошедшие в: социально-культурных, законодательных и экономических реалиях осуществления библиотечной деятельности; структуре докумен-

топотока, поступающего в библиотеку; понимании культурологической и социальной миссии академической библиотеки.

Яковец Е. Н. [4, с. 144] отмечает принципиальные недостатки российской законодательной базы, определяющей степень доступности информации: противоречивость, декларативность, наличие «белых пятен», неточность понятийного аппарата. Наиболее ярким примером этому может служить Интернет, обладающий поистине неограниченными возможностями в силу

его глобальности, доступности и популярности. Для выявления в сети интернет-сайтов и других электронных ресурсов, где наиболее часто публикуются материалы, признанные экстремистскими, специалистами сектора литературы ограниченного распространения permanently осуществляются следующие процедуры: анализ «Федерального списка экстремистских материалов», систематизация экстремист-

ских материалов по видам и способу распространения, выявление тематики информации экстремистского характера, определение специфики размещения и распространения экстремистской информации в Сети.

Анализ Списка показал, что на данный момент печатной продукции в нем значительно меньше, чем электронных ресурсов.

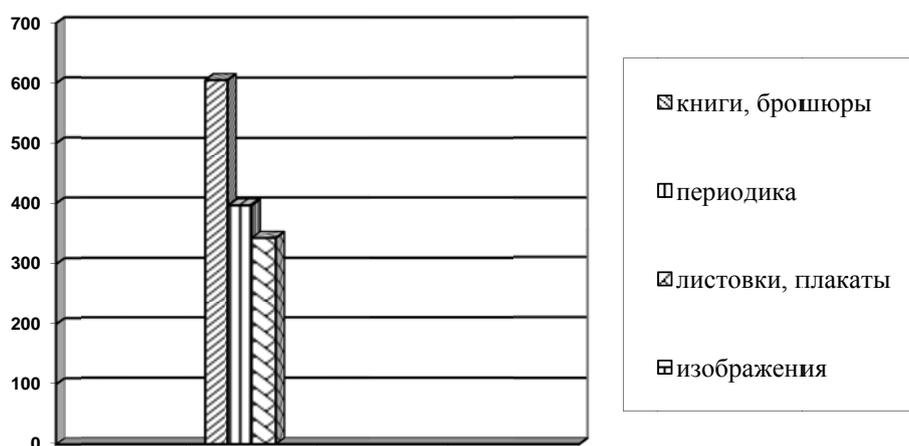

Рис. 1. Соотношение видов печатной продукции из «Федерального списка экстремистских материалов»

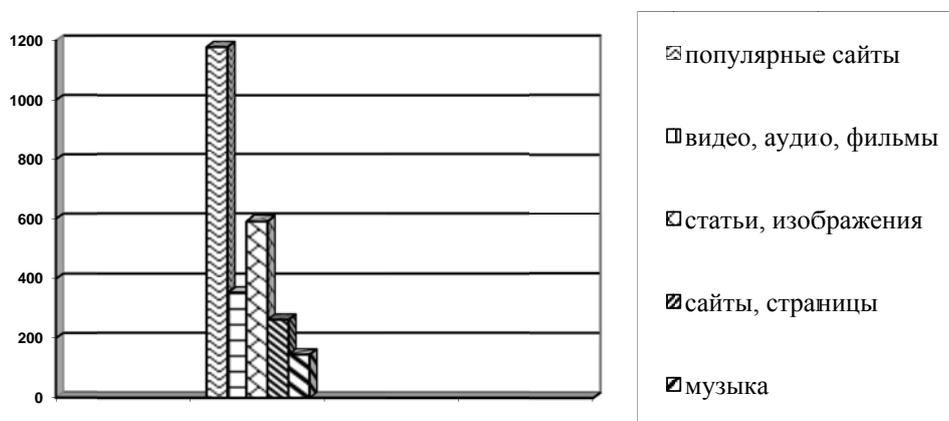

Рис. 2. Соотношение видов электронных ресурсов из «Федерального списка экстремистских материалов»

Большая часть из выявленных экстремистских сайтов базируется в Кавказском регионе (хотя нередко они изменяют свое местонахождение). Основным объектом нападок «русских» экстремистских сообществ в сети являются, как правило, мигранты. Данные сообщества производят многочисленные видеоролики под оскорбительными заголовками.

Возвращаясь к собственно фондоведческому блоку проекта X.101.1.1. *Эволюция ресурсной базы крупных академических библиотек в контексте социально-экономических и культурных трансформаций региона № ГР 01201373597*, то на текущий год планируется разработка иерархической системы при-

оритетов в формировании, использовании и сохранении разноформатных фондов академической библиотеки: анализ трансформаций критериальной системы отбора (первичного и вторичного) изданий в фонд ГПНТБ СО РАН в условиях расширения границ документопотока; определение идеологических приоритетов развития документной базы в условиях меняющейся системы координат научных коммуникаций; изучение модификации информационных предпочтений пользователей; сегментирование совокупного фонда Библиотеки и создание развернутой характеристики вычлененных структурных компонентов. Результатом выполнения работ по данному этапу

должна стать структурная модель иерархии приоритетов в формировании, использовании и сохранении разноформатных фондов академических библиотек, а также модификация ТТПК Библиотеки в соответствии с установлением новых границ формируемого документопотока.

Из всего вышесказанного, с нашей точки зрения, следует резюме: преобразования, происходящие во внешней по отношению к библиотекам среде и комплексность задач, стоящих перед библиотечно-информационными специалистами, требуют создания новых моделей сотрудничества библиотек разных типов и видов, в том числе, в сфере построения научной базы, способной достойно обеспечить потребности усложняющейся практики.

Список литературы

1. Пleshkevich E. A. Формирование концептуальных представлений об истории библиотечного дела в России: постановка проблемы // Библиотековедение. 2017. Т. 66. № 2. С. 134–139.

2. Столяров Ю. Н. Стратегический расчёт или стратегический просчёт? (В. И. Ленин о библиотеках как опорных базах политического и культурного просвещения) // Библиотековедение. 2017. Т. 66. № 2. С. 127–133.

3. Цукерблат Д. М. Современные тенденции научно-просветительской деятельности библиотеки // Труды ГПНТБ СО РАН. Новосибирск. 2015. Вып. 8. С. 294–301.

4. Яковец Е. Н. Правовые основы обеспечения информационной безопасности Российской Федерации. Москва, 2010. 336 с.

Olga P. Fedotova, Ph. D. in Pedagogy, Senior Researcher,
The State Public Scientific Technological Library
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia)
kh@spsl.nsc.ru

Natalia V. Makhotina, Ph. D. in Pedagogy, Senior Researcher,
The State Public Scientific Technological Library
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia)
or@spsl.nsc.ru

LIBRARY ACTIVITY AS AN ELEMENT OF REGIONAL SCIENTIFIC LANDSCAPE FORMING

Summary. Scientific and research activity is and always was a complex type of a librarian work that helps to development of a library as an system that is opened to society, to saving its status as a major player among other informational and analytical agencies and services. Today's libraries collect its own document stock with different types of objects of alternative nature, offer new kind of services, actively take participation in global telecommunication.

The key significance in building the librarianship management system has so-called “code of values” that means general aims and tasks of work of a social organization, as well as strategic priorities of its development, criteria of quality and activity effectiveness in the achievement of objectives. In connection with this, specialists pay special attention to theoretical aspects of a library stock advancing, to supporting its availability for readers and users. For example, specialists who are responsible for holding a library stock determine criteria and methods use in choosing the issues of different informational value. The results archived in learning several main characteristics of Russian periodical issues selected for key segment of a library stock are taking into set of complex indicators that include general criteria of choosing and criteria of estimation the inner state of a library stock as well.

A library stock of limited access is an inherent part of a library deposit collection, so the analysis of a stock

movement and users' informational needs let the authors to declare the next thesis: objective factors that determine its “living conditions” and functional assignment are changes in, firstly, social and cultural, law, economic conditions of a library activity, secondly, in structure of an income document stream, thirdly in understanding of social and cultural mission of a research library. The Internet is a communicative area where extremist materials are often published and a search of web sites that focused on such content lays through the next algorithm: studying the Federal List of Extremist Materials, classification the extremist materials on its types and ways of its dispersal, showing up a subject of extremist content, definition the character of its publication and dispersal in the Web.

Key words: interaction, social and cultural situation, institutional approach, code of values, regional library space.

References

1. Pleshkevich E. A. Formirovanie konceptual'nyh predstavlenij ob istorii bibliotechnogo dela v Rossii: postanovka problemy [Theoretical Views on History of Russian Librarianship: Problem Statement] // Bibliotekovedenie [Library and Information Science]. 2017. Vol. 66. No. 2. Pp. 134–139. [In Russ.].

2. Stolyarov Yu. N. Strategicheskij raset ili strategicheskij proschyot? (V. I. Lenin o bibliotekah kak

opornyh bazah politicheskogo i kul'turnogo prosvesheni-
ja). [Strategic Reckoning or Strategic Miscount? (Vladi-
mir Lenin on Libraries as Supporting Bases of Political
and Cultural Enlightenment)] // *Bibliotekovedenie* [Li-
brary and Information Science]. 2017. Vol. 66. No. 2.
Pp. 127–133. [In Russ.].

3. *Tsukerblat D. M.* Sovremennye tendentsii
nauchno-prosvetitel'skoj deyatel'nosti biblioteki. [Actual
Trends in Scientific and Educational Activity of a

Library] // *Trudy GPNTB SO RAN* [Proceedings of State
Public Scientific Technological Library of the Siberian
Branch of the Russian Academy of Sciences]. Novosi-
birsk. 2015. Vol. 8. Pp. 294–301. [In Russ.].

4. *Yakovets E. N.* Pravovye osnovy obespechenya
informatsionnoy bezopasnosti Rossijskoy Federatsii:
uchebnoje posobie. [Fundamental Legal Principles for
Informational Security in the Russian Federation]. Mos-
cow, 2010. 336 p. [In Russ.].

РАЗДЕЛ V

ИЗУЧЕНИЕ, СОХРАНЕНИЕ И ТРАНСЛЯЦИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

УДК 248:338.482.22(235.222+235.243)
DOI: 10.32340/2541-772X-2018-1-77-80

Т. А. Артамонова, кандидат философских наук, доцент
Алтайский государственный аграрный университет (Барнаул, Россия)
art-katun@mail.ru

К ВОПРОСУ О ПАЛОМНИЧЕСКОМ ТУРИЗМЕ (НА ПРИМЕРЕ АЛТАЯ И ГИМАЛАЕВ)

Аннотация. Алтай и Гималаи – уникальные регионы Евразии: они регулируют биосферно-климатические условия на континенте, являются центрами пересечения различных культур, религий и верований. Поэтому в горных долинах сосредоточено множество священных объектов природного и рукотворного характера. Сегодня в научно-философской литературе эти территории принято обозначать как сакральные ландшафты. Они привлекают туристов-паломников со всего мира. В статье подняты вопросы о последствиях массового туризма, о критериях истинного паломничества, а также о необходимых мерах для регуляции этой деятельности.

Ключевые слова: паломничество, туризм, Алтай, Гималаи, сакральные территории, мировоззренческие проблемы, ценностные установки.

Алтай и Гималаи две горные системы, окаймляющие внутренние просторы Евразии с севера и юга. Всемирно известный художник, ученый, путешественник Н. К. Рерих называл их двумя магнитами и двумя устоями континента [1, с. 268–269]. В чем же выражается их базовое значение и в чем совпадает их ключевая роль? Эти вопросы стали основой для исследований, проведенных в 2016–2017 гг. в рамках проекта «Алтай и Гималаи как уникальные культурно-биосферные регионы Евразии: поиск общих ценностей, эколого-экономических стратегий и социокультурных параллелей». В качестве заключения были сформулированы положения о том, что горные системы Алтая и Гималаев определяют многие глобальные и региональные климатические условия Евразии. Схожесть биосферного потенциала обуславливает и общность хозяйственно-экономического уклада жизни местного населения [2, с. 190–192]. Алтай и Гималаи являются местами проживания многих народов и этнических групп, здесь сходятся и взаимно обогащаются многие культуры, пересекаются религии и верования. В ходе исследования были получены важные результаты, свидетельствующие о культурных параллелях. Этот параллелизм был найден в наскальных рисунках эпохи палеолита; в языках алтайских и гималайских народов; в мифологических сюжетах и эпосе двух регионов (например, алтайского эпоса «Маадай Кара», «Очы-Бала» и индийской «Махабхараты»); а также в сим-

волике архитектуры, одежды и жилища. Причины существования данных параллелей заключаются в сходстве хозяйственно-бытовых и социальных практик; в общности исторических корней и элементов культурной памяти, прежде всего между индоевропейскими народами, населяющими Алтай и Гималаи; и в прямых культурных заимствованиях вследствие существования торговых и паломнических путей между двумя горными регионами в прошлом [3].

В качестве исследуемых территорий на Алтае была выбрана Уймонская долина, а в Гималаях – долина Киннаура в штате Химачал-Прадеш. Эти горные долины имеют ряд схожих историко-культурных черт. Уймонская долина находится на подступах к священной вершине Алтая – горе Белухе. Коренные народы Алтая почитали Белуху как центр мира, место обитания Хана-Алтая и богини-прародительницы Умай. Река Катунь, берущая начало в ледниках священной Белухи также почиталась коренным населением, а позже и русскими переселенцами. В Киннаурской долине находится зимняя обитель бога Шивы священная вершина Киннаур-Кайлаш. В индуизме Шива является олицетворением земли и ее горных стихий, а с его головы свисают змеи и «стекает» поток воды, напоминая Гималаи с горными реками. По преданиям индийской мифологии, в киннаурской долине вдоль реки Сатледж обитали полубоги Киннары, которых описывают как людей с конскими головами или как птиц с головами людей. Киннары произошли из стоп Брахмы и по роду занятий были

небесными певцами и музыкантами [4]. Уймонская и Киннаурская долины стали местами выживания и уединения определённых этно-социальных групп. В Уймонскую степь с конца XVII века в поисках «страны счастья и справедливости» устремляются русские староверы, преследуемые официальной церковью и властью. А в гималайских долинах находят убежище представители высших индуистских каст, массово переселившиеся туда в эпоху мусульманского завоевания Индии [5, с. 49]. Существует также древнее предание и о том, что в Западных Гималаях спасаются от преследования братья-пандавы, великие герои Махабхараты. Горные долины Алтая и Гималаев, словно каменным щитом, закрывают беглецов от иноземного влияния и восторжествовавшего порока и помогают им защитить свои культурно-религиозные и социально-этнические ценности. Осваивая новые земли, пришлое население со временем вступает в активный этнокультурный диалог с коренными народами, что выражается, в том числе, и в признании единых святынь.

Глубинный характер сказаний, легенд и мифов, связанных с историей Уймонской и Киннаурской долин, говорят о том, что для древних культур определённые территории характеризовались не только природно-географическими отличиями, но и особым значением в духовно-нравственной и религиозной жизни людей. Сегодня в научно-философской литературе эти территории принято обозначать как сакральные ландшафты. Само понятие «священный, сакральный» говорит о том, что это явление или объект освящены, наполнены высшим духовным светом [6, с. 420]. Это понятие имеет не только философско-культурологическое, но и естественнонаучное измерение. Известный российский учёный и археолог Е. А. Окладникова считает, в частности, что сакральный ландшафт – это географическое пространство, сформированное духовным опытом человека, и как социокультурный феномен обладает специфическим набором характеристик или свойств [7].

Территории богатые священными объектами природного и рукотворного характера сегодня стали объектами активного туристического освоения, в том числе и паломнического. Под паломническим туризмом следует рассматривать не только посещение общепринятых религиозных мест (храмов, ритуальных строений, культовых захоронений, всевозможных природных объектов и т. п.), но и, так называемых, «мест силы». Так, на Алтае среди туристов распространено мнение об особой «энергетике» определенных природных территорий и необходимости их посещения, в результате чего эти места подвергаются массивному нашествию туристов.

В связи с развитием массового туризма, в первую очередь, возникают такие экологические последствия, как замусоренность территории, исчезновение реликтовых растений, браконьерство, пожары. И эта проблема сегодня активно обсуждается в прессе и научных кругах. Но есть вторая группа негативных последствий ценностно-мировоззренческого характера,

которая требует отдельного философско-культурологического анализа. Обозначим лишь некоторые проблемы этого круга.

Индийские исследователи бьют тревогу – туристы, как правило, являются трансляторами жизненных ценностей глобализованного и техногенного мира, которые действуют разрушающе на устоявшийся сбалансированный уклад жизни горных социумов. Новый стиль жизни нарушает вековые социокультурные традиции, снижая адаптивность и жизнеспособность местных культур, разрушая традиционные ценности. Второй крайностью является культивирование псевдодуховных идей и практик, суррогатной духовности. Так, «места силы» на Алтае, как правило, привлекают людей соблазном магизма и развития сверхъестественных сил. В итоге страдают и природа, и люди. Вопиющим примером нарушения природного баланса и попрания религиозных чувств местных жителей служит ситуация на священном озере Ревалсар в штате Химачал-Прадеш. Вследствие неконтролируемых канализационных стоков и избыточного количества туристов-паломников, которые скармливают рыбам слишком много корма, озеро загрязняется, в нем идут процессы интенсивного гниения остатков корма, что в итоге приводит к массовой гибели рыбы, которая, как и само озеро, считается священной [8]. Вместе с этим власти Химачал-Прадеша, стараются еще активнее развивать туризм как доходную сферу экономической деятельности. В научных обзорах пишут о том, что это «край красочных ярмарок и фестивалей, древних храмов с великолепными скульптурными орнаментами, миролюбивых и гостеприимных людей и паломнических центров, которые привлекают тысячи поклонников каждый год» [9, с. 33–48].

О чем свидетельствует возросший поток паломников: только ли о росте благочестия и религиозности сознания? Если посмотреть в прошлое, то посещение святых мест всегда являлось неотъемлемым атрибутом религиозных практик. Отправится к святыням, значило наложить на себя суровую аскезу, пережить лишения и испытания. Паломничество было проверкой духа и тела на выносливость. Сегодня услуги трансфера, бронирования, страхования гарантируют не просто безопасность, но и определенную степень комфорта. Это не означает, что современному туристу-паломнику следует отказаться от гарантированной безопасности и рисковать собственной жизнью и здоровьем. Проблема лежит гораздо глубже – на уровне мировоззренческих установок. Ценности потребительской цивилизации, словно ржавчина, разъедают и традиции паломничества. Современный паломник зачастую жаждет не духовного очищения, а впечатления; вместо внутреннего духовного испытания человек все больше склоняется к приятному времяпровождению. В итоге многие священные объекты подвергаются мощной антропогенной нагрузке, а религиозное чувство путешествующих – деградации. На Алтае ярким примером этой

тенденции может служить остров Патмос в Чемальском районе, где в любое время года туристы образуют нескончаемую очередь для посещения часовни. В итоге поток любопытствующих лишает возможности верующих сосредоточенно помолиться.

В Уймонской долине проблема массового паломничества связана с пророчествами о «конце света». Тысячи людей приезжают спасаться в этих благодатных местах, селятся на постоянное место жительства, скупают земли. Они считают себя обладателями тайного знания или духовных достижений, поэтому демонстрируют пренебрежительное отношение к традициям и укладу жизни местного населения. Среди них есть и те, кто считает себя последователями Н. К. Рериха, словно забывают, что сам Николай Константинович был исследователем и ценителем культурных традиций народов разных стран. Псевдо-рериховцы выступают в качестве духовных учителей, а ведь сами Рерихи всячески предостерегали своих последователей именно от учительства. Навязчивое поведение со стороны приезжих вызывает ответную неприязнь со стороны коренных жителей. В результате вспыхивают серьезные конфликты.

Эта ситуация заставляет задуматься о критериях оценки поведения истинного паломника. Главным из них можно считать *благоговейное отношение* не только к самим святыням, но и *социально-культурным и историческим традициям*, в контекст которых «встроена» данная святыня. Потребительская психология, приводят к отрицательному результату: разрушается неповторимая аура места, которая притягивает людей и дает им духовный и физический заряд. Паломничество – есть особая культура поведения верующего, особый духовный настрой, который должен обогащать как самого человека, так и окружающих его людей. Паломники пользуются той благодатью, которое сохранили для него и упрочили своим духовным настроем другие люди. Если такого настроения нет, то псевдо-паломник наполняет пространство чванством, высокомерием, безответственностью. Еще Х. Ортега-и-Гассет писал о безответственности «массового общества», частью которого, к сожалению, являются и некоторые туристы-паломники. В целом, можно выделить две категории туристов: одна из них потребительски относится к культурно-религиозным объектам и дарам природы, уничтожая плантации лекарственных растений, оставляя после себя горы мусора, сломанные деревья, вытоптанные поляны и т. п. Другая – уже чувствует ответственность за свое поведение, за оставленный «след». Поэтому в качестве критерия также можно выделить *бережное отношение к природе*. Паломничество на Алтае и в Гималаях – это еще и приобщение к очагам природной красоты, что помогает укрепиться на путях духовного совершенствования. Разрушение эстетического чувства по отношению к природе австрийский биолог и философ Конрад Лоренц отнес к одному из восьми смертных грехов современного человечества. «Для духовного и душевного здоровья человека необходимы красота природы и

красота созданной человеком культурной среды. Всеобщая душевная слепота к прекрасному, так быстро захватывающая нынешний мир, представляет собой психическую болезнь, и ее следует принимать всерьез уже потому, что она сопровождается нечувствительностью к этическому уродству», – писал он [10].

Конечно, выделенные критерии требуют дальнейшего осмысления и философской рефлексии. Но, помимо теоретической работы, уже сегодня необходимо предпринять практические шаги, чтобы сохранить зримую и незримую чистоту священного места. Очевидно, что необходимо вводить некоторые ограничения на посещение таких мест. Например, в Индии комплекс Тадж-Махал один день в неделю закрыт для туристов, и в мечете проводят службу для верующих. Есть примеры и других внешних ограничений. Но самым действенным должно являться сознание человека. Только сам человек может определить степень актуальности паломнической поездки: есть ли это лишь туристический акт или потребность прикоснуться к святыне порождена внутренним духовным накалом. Еще Лао-Цзы писал о том, что совершенномудрый познает мир, не выходя из дома [11]. В наше время, когда и паломничество стало сферой массового досуга и туриндустрии, есть смысл прислушаться к советам китайского мудреца.

Список литературы

1. Рерих Н. К. Из литературного наследия. Москва, 1974. 534 с.
2. Иванов А. В., Фотиева И. В., Артамонова Т. А. Алтай – Гималаи: биосферно-хозяйственные параллели и перспективы евразийского сотрудничества // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. 2016. № 7. С. 189–193.
3. Алтай и Гималаи как уникальные культурно-биосферные регионы Евразии. Барнаул, 2017. 336 с.
4. Handa O. C. Kinnaur. Unfolding Exotic Himalayan Land. New Delhi, 2009. 320 p.
5. Индия: страна и её регионы. Москва, 2010. 360 с.
6. Артамонова Т. А., Каланчина И. Н. Алтай: мемориальное значение сакральных ландшафтов // Улкен Алтай элеме – Мир Большого Алтая – World of The Great Altai. 2016. № 2. С. 420–429.
7. Окладникова Е. А. Сакральный ландшафт: теория и эмпирические исследования. URL: http://www.kniga.com/books/preview_txt.asp?sku=ebooks357350 (14.02.2018 г.).
8. Виджай Кумар Шарма, Панкай Гунта. Пляшущие блики на озере // Алтай – Гималаи: два устоя Евразии. Барнаул, 2012. С. 294–302.
9. Singh M. G. Himachal Pradesh: History, Culture & Economy. Shimla, 2010. 334 p.
10. Лоренц К. Восемь смертных грехов цивилизованного человечества // Обратная сторона зеркала. Москва, 1998. С. 4–60.
11. Лао-Цзы Книга пути и благодати. Москва, 2002. 316 с.

Tatiana A. Artamonova, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Altai State Agrarian University (Barnaul, Russia)
art-katun@mail.ru

REVISITING THE PILGRIMAGE TOURISM (EVIDENCE FROM THE ALTAI AND THE HIMALAYAS)

Summary. The Altai and the Himalayas are unique Eurasian territories because of its functions: these mountain systems regulate not just biospheric and climatic, weather conditions but also play a role of keeper for local ethnoses' cultural resource, they are centers of crossing for different religious, convictions, ethnical traditions. Diversity of landscapes and climatic areas was created by the nature to give a "home" for different ethnic groups; here is convergence point of varied cultures, life customs. As a result, mountain valleys concentrated many sacred objects by natural and non-natural origin; today's scientific and philosophical publications name these areas as sacred landscapes. In time such places get started to attract travelers, in particular pilgrims. And because of it, the local community has a lot of social, ecological, axiological problems.

The Uimon Valley (the Altai mountain system) and the Valley of Kinnaur (the Himalayas; Himachal Pradesh, the Indian state) have been chosen by the author as a subject for the paper. These mountain valleys have a lot of similar historical and cultural features. The article considers some negative effects for the local environment and community's lifestyle entailed by the mass tourism. The author names several criteria that help to know a true pilgrim from a quasi-pilgrim. Also, the author focuses on practical measures for regulation chaotic pilgrimage tourism.

Researching conducted in 2016–2017 within "The Altai and the Himalayas as the Unique Cultural and Biospheric Regions of the Eurasia: Search of Common Values, Ecological Strategies, Social and Cultural Parallels" project shows that tourists, as a rule, are strong supporters of values system inherent for the global and industrial world that is in opposition to mountains communities' balanced lifestyle. New lifestyle broke up social and cultural traditions that have been forming for centuries, and that is a reason for lowering the local cultures' capability for adaptation and their ability for life; the nature and the people are becoming victims. The paper gives several examples of limitation of pilgrim tourists flow.

The author draws a conclusion that the most forceful way of regulation the problem should be a human's conscious and a human's spiritual state.

Key words: *pilgrimage, tourism, the Altai, the Himalayas, sacred areas, world outlook, philosophical problems, a personality's axiological attitudes.*

References

1. Roerich N. K. Iz literaturnogo naslediya [From the Literary Heritage] Moscow, 1974. 534 p. [In Russ.].
2. Ivanov A. V., Fotieva I. V., Artamonova T. A. Altaj – Gimalai: biosferno-hozyajstvennye paralleli i perspektivy evrazijskogo sotrudnichestva [The Altai – the Himalayas: Biospheric and Economic Parallels and Perspectives of the Eurasian Cooperation] // Vestnik Altajskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta [Bulletin of the Altai State Agrarian University]. 2016. No. 7. Pp. 189–193. [In Russ.].
3. Altaj i Gimalai kak unikal'nye kul'turno-biosfernye regiony Evrazii [The Altai and the Himalayas as Unique Cultural and Biospheric Areas of Eurasia]. Barnaul, 2017. 336 p. [In Russ.].
4. Handa O. C. Kinnaur. Unfolding Exotic Himalayan Land. New Delhi, 2009. 320 p. [In Eng.].
5. Indiya: strana i eyo region [India: Country and Its Regions]. Moscow, 2010. 360 p. [In Russ.].
6. Artamonova T. A., Kalanchina I. N. Altaj: memorial'noe znachenie sakral'nyh landshaftov [The Altai: the Memorial Significance of Sacral Landscapes] // Улкен Алтай әлемі – Mir Bol'shogo Altaya – World of the Great Altai. 2016. No. 2. Pp. 420–429. [In Russ.].
7. Okladnikova E. A. Sakral'nyj landschaft: teoriya i ehmpiricheskie issledovaniya: monografiya [Sacred Landscape: Theory and Empirical Research]. URL: http://www.kniga.com/books/preview_txt.asp?sku=ebooks357350. (14.02.2018). [In Russ.].
8. Vidzhaj Kumar Sharma, Pankaj Gupta. Plyashushchie bliki na ozere [Flecks Dancing on the Surface of the Lake] // Altaj – Gimalai: dva ustoya Evrazii: monografiya [The Altai – the Himalayas: Two Bases of Eurasia] Barnaul, 2012. Pp. 294–302. [In Russ.].
9. Singh M. G. Himachal Pradesh: History, Culture & Economy. Shimla, 2010. 334 p. [In Eng.].
10. Lorenz K. Vosem' smertnyh grekhov civilizovannogo chelovechestva [Civilized Man's Eight Deadly Sins] // Oborotnaja storona zerkala [Reverse Side of the Mirror]. Moscow, 1998. Pp. 4–60. [In Russ.].
11. Lao Tzy. The Book of the Way and its Virtue. Moscow, 2002. 316 p. [In Russ.].

ОБРАЗ ПРАМАТЕРИ-БОГИНИ В БУРЯТСКОМ ЭПОСЕ

Аннотация. Рассмотрен образ Манзан Гурмэ – праматери тэнгристских богов в бурятской «Гэсэриаде» – эпическом цикле устных и письменных сказаний народов Центральной и Восточной Азии о Гэсэр-Хане («Сыне Неба», «царе-избраннике»). Персонаж Манзан Гурмэ, по авторской оценке, имеет выразительное сходство с героями литературных текстов, традиционно относимых специалистами к евразийской фольклорно-мифологической традиции.

Ключевые слова: бурятская мифология, пантеон эпических божеств, богиня-прародительница, тюрко-монгольский мир.

Феномен евразийства предполагает комплексный подход в изучении духовного наследия алтайского круга. В данном случае имеются в виду прежде всего религиозно-мифологические воззрения и эпические произведения, во многом определяющие культурный ландшафт степной Евразии. Одним из наиболее значительных сказаний тюрко-монгольского мира является бурятский эпос «Абай Гэсэр», сохранивший сонм уранических божеств, играющих важную роль в эпическом действии.

В связи с этим следует отметить, что в тэнгристском пантеоне Гэсэриады особое место занимает образ Манзан Гурмэ – родоначальницы небесных богов в бурятском эпосе и мифологии. Космический характер ее материнского образа подчеркивается в устойчивой словесной формуле – «многих богов принявшая, тысячу богов взрастившая» (*Олон бурхайе майлажа абahan, мянган бурхайе мансыллажа абahan*) [1, с. 16]. Имя этой старейшей богини в шаманской мифологии бурят упоминается крайне редко. Полно и рельефно образ Манзан Гурмэ раскрывается в различных версиях бурятского эпоса «Гэсэр», особенно унгинской, которая содержит ряд выразительных примеров, иллюстрирующих главенство Манзан Гурмэ в решении наиболее важных небесных и земных судеб. Приоритет матери – богини, судя по всему, обусловлен самой этнокультурной традицией бурят, сохранившей много архаичных элементов и пережитков матриархальной древности [2, с. 90].

Манзан Гурмэ считается матерью девяти божеств, представляющих старшее поколение небожителей [3, с. 25]. Она, будучи божеством матриархального происхождения, формально не входит в «номенклатуру» уранического пантеона, являющегося порождением эпохи отцовского рода, но, тем не менее, в мире небожителей ей отводится первостепенная роль. Все боги подчиняются Манзан Гурмэ, ее наказы равносильны повелению, закону и имеют высшую силу [4, с. 11]. Сам глава западных пятидесяти пяти небожителей Хан Хурмаста (в тексте *Хан Хирмас*) неизменно прислушивается к ее советам и

действует неукоснительно по ее указке.

Так, в самом начале эпического действия, когда на земле начинаются мор, засуха, болезни, шаманка Шарагшахан взывает о помощи к небесным божествам – творцам-хранителям и покровителям. Кинутая ею вверх чаша, наполненная мокротами, символизирующими человеческие страдания, прилипает к северо-восточному углу бело-серебряного дворца Хан Хормусты, отчего дворец наклоняется на северо-восток, который считается худшей из сторон света. Обеспокоенный этим обстоятельством, Хан Хормуста спешит к Манзан Гурмэ, чтобы узнать причину происшедшего. Манзан Гурмэ открывает «материнскую старинную книгу», из которой узнает, что на земле наступили смутные времена, и существование человеческого рода находится под угрозой. Чтобы спасти мир людей от бед и напастей, она велит Хан Хормусте отправить одного из его сыновей на землю, что верховный небожитель незамедлительно исполняет.

Таким образом появляется в мире людей Гэсэр – посланник западных тэнгриев, «с благословением праматери Манзан Гурмэ», как подчеркивается в тексте [5, с. 30–31, 154]. В самые трудные и критические моменты герой обращается к прародительнице богов, своей всемогущей небесной прабабушке, покровительству которой является гарантом его окончательной победы над могучими и коварными противниками. Так, Гэсэр, изнемогая в битве с Гал Дулмэ ханом, взывает о помощи к Манзан Гурмэ, и его мольба доходит до нее, восседающей на восьмом небе. Она, заглянув в священную книгу, видит, что Гэсэр стал «слабым, как ребенок, и рыдает от бессилия». Богатыри Гэсэра заточены в зеркально-фарфоровую ограду, сотворенную волшебными чарами Гал Дулмэ хана. Манзан Гурмэ отправляет на помощь Гэсэру его небесного брата Заса Мэргэна и передает с ним волшебное яблоко (*жэмэс эдэз*) для обессиленного в схватке с врагом героя, которое возвращает ему прежнюю мощь и силу

Манзан Гурмэ, обладающая магическими способностями и волшебством, оказывает содействие не только Гэсэру, но и его ближайшему окружению,

сподвижникам по ратному делу. Она становится узловой фигурой в одном из самых драматических эпизодов эпического повествования, когда гэсэрово воинство терпит поражение в сражении с тремя шараблинскими ханами. Попавшей в плен Урмай Гохон – средней жене Гэсэра удается тайком от врагов закинуть в небо отсеченную голову Саргал-нойона – дяди Гэсэра и она падает, по заклинанию Урмай Гохон, прямо на руки Манзан Гурмэ. Небесная прабабушка тут же открывает «старинную материнскую книгу» и читает ее. Оказалось, что богатыри Гэсэра, сраженные в битве, превратились в каменные изваяния, а сам Гэсэр, одурманенный чарами Абарга Сэсэн мангадхая, пасет его «семьдесят красных телят» вдали от своих родных кочевий, куда, воспользовавшись отсутствием Гэсэра, вторглись войска трех шараблинских ханов. Манзан Гурмэ возвращает голову Саргал-нойона на землю, где он, благодаря магическим силам своей небесной благодетельницы, оживает вместе со всеми богатырями Гэсэра и принимает прежний вид. Тем временем Манзан Гурмэ отправляет трех небесных сестер (*сурбан хухэй эгэшиэ*) Гэсэра, которые находят героя пасущим телят во владениях Абарга Сэсэн мангадхая. Они исцеляют его от дурманной болезни, после чего он возвращается на родину, чтобы отомстить трем шараблинским ханам [5, с. 96–97].

Небезынтересно отметить, что, несмотря на свое всеисилие и магические способности, в которых ей нет равных среди богов, Манзан Гурмэ однажды оказывается не в состоянии помочь Гэсэру. Это случается тогда, когда герой был превращен в осла Лобсогой черным мангадхаем с помощью его старшей сестры Енхобой, обладавшей могучими колдовскими способностями. Согласно указанию в «старинной материнской книге», Гэсэра не могут освободить из «ослиного» плена ни Заса Мэргэн, ни тэнгрии, ни бурханы, даже Манзан Гурмэ это сделать не в силах. Это дано было совершить только младшей жене Гэсэра – Алма Мэргэн, дочери владыки водного царства. Но она, будучи женщиной-воительницей, не сразу решается пойти на такой трудный шаг, пока Манзан Гурмэ не оказывает ей поддержки.

Манзан Гурмэ, прибегая к волшебству, сотрясает «опоры» вселенной и вызывает чудесный град, который становится пищей для ослабевшего Гэсэра-осла. После этого Алма Мэргэн, благодаря своим магическим способностям и недюжинной изобретательности, удается увести Гэсэра-осла из плена Лобсогой черного мангадхая, а вслед за тем подняться на небо вместе с ним к Манзан Гурмэ, которая самолично занимается очищением героя от скверны и нечисти. Она принесенной с истоков девяти родников водой оmyвает, а собранной на вершинах девяноста скал богородской травой (*ганга*) освящает Гэсэра, и герой восстанавливает свой прежний богатырский облик. В честь такого знаменательного события Манзан Гурмэ устраивает торжественный пир на девять дней, после окончания которого Гэсэр со своей женой Алма Мэргэн возвращаются снова на родную землю,

чтобы довести борьбу с Лобсогой черным мангадхаем до его полного уничтожения.

Как видно из вышеприведенных примеров, Манзан Гурмэ является деятельной богиней-хранительницей Гэсэра и его богатырей, поскольку они, сыновья западных небожителей, спустились на землю под ее эгидой для защиты человеческого рода. Не Хан Хормуста – глава тэнгриев, который по статусу своему обязан был оказывать всемерную помощь своему сыну Гэсэру в его многотрудной борьбе с монстрами-мангадхаями, не буддийские божества-бурханы, номинально присутствующие в небесном пантеоне, а именно Манзан Гурмэ – родоначальница небожителей как добрый гений покровительствует и содействует герою эпического сказания в исполнении его земной миссии, предначертанной волей богов. Следует подчеркнуть, что Манзан Гурмэ зачастую действует не одна, ее помощниками становятся Заса Мэргэн – небесный брат Гэсэра и его небесные три сестры – волшебницы, а также Алма Мэргэн – верная жена и боевая спутница Гэсэра.

Могущество Манзан Гурмэ обеспечивается еще одним важным обстоятельством: она является обладательницей волшебных предметов, чудесных драгоценностей и разных секретов, известных только ей. Например, яблоко, возвращающее силы Гэсэру (о нем упоминалось выше); шерстобитный прут, серебряный перламутровый талисман, подаренный Тумэн Яргалан, старшей жене Гэсэра, и др. Особый интерес представляют так называемые «пятнадцать волшебных сокровищ» Манзан Гурмэ, играющие определенную сюжетообразующую роль в эпосе. С этими сокровищами связаны два, безусловно, древнего происхождения, астральных мифа, в которых рельефно отразились представления бурят о чудодейственных способностях и магической силе Манзан Гурмэ.

Как повествуется в Гэсэриаде, герою требовалось очистить преисподнюю Гумэн Сэсэн хана. Помочь справиться с этим заданием могли «пятнадцать волшебных сокровищ», которые хранились у Манзан Гурмэ в ее потайных сундуках. Гэсэр поднимается на небо к Манзан Гурмэ и угощает ее семьюдесятью видами кушаний и отменного качества молочной водкой (арза и хорзо) в семи раковинно-фарфоровых чашах, сотворенных из черепов семи кузнецов. Она, отведав яств и опьянев от выпитого, засыпает. Гэсэр тем временем открывает нужные сундуки, забирает оттуда «пятнадцать волшебных сокровищ» и отправляется в обратный путь. Проснувшись, Манзан Гурмэ обнаруживает пропажу. Рассерженная тем, что герой без разрешения взял ее сокровища, она швыряет семь раковинно-фарфоровых чаш, которые, взлетев на небо, превращаются в созвездие Семи Старцев (*Долоон Убгэд*) или Большой Медведицы. А ее грозное заклятие в адрес Гэсэра настигает героя на полпути между небом и землей и направляет его в ад. Между тем, Манзан Гурмэ, видя, что она подвергает своего правнука слишком суровому наказанию, окропляет молоком из своей груди вдогонку Гэсэру. Молоко, разлетаясь

брызгами, становится Млечным Путем (*Тэнгэриин Оёдол*), и удерживает летящего в преисподнюю Гэсэра.

Примечательно, что в арсенале Манзан Гурмэ обнаруживаются вещи, служащие боевым оружием. Таковыми являются «драгоценный синий хрустальный камень, величиной с лошадь», – *молор хухэ эрдэни* и желтый стальной тесак – *шара булад хума-ша*. Первый из них, пущенный рукой Заса Мэргэна, поражает насмерть антагониста Гэсэра – Гал Дулмэ хана в его огненный глаз. Второй находит применение у Гэсэра во время схватки с Пестрым тигром Огтоной, когда, оказавшись внутри гигантского зверя, герой перерезает ему сердцевину подаренным Манзан Гурмэ тесаком.

К числу наиболее эффективных боевых средств относится и шерстобитный прут Манзан Гурмэ. Он оказывается востребованным в одной из последних и решающих битв Гэсэра, когда его противником становится Шэрэм Мината – монстр с чугунным кнутом, «живущий в краю смерти, по ту сторону благословенной земли». Герой пытается в упорном единоборстве победить врага, но безуспешно. Находясь на грани поражения, он тайком возвращается на родину за помощью. Сначала Гэсэр обращается к Алма Мэргэн, затем к Хан Хормусте и Заса Мэргэну, но никто из них не в силах помочь ему. Лишь Манзан Гурмэ, выслушав рассказ правнука о его сражении с Шэрэм Минатой, одобрительно восклицает: «Ай эсэгэдээ хүбүүн болоодаа!». Это старинное выражение, дословно переводимое: «Ай, ты отцу стал сыном», в переносном смысле, согласно контексту, означает: «Ты совершил поступок, достойный уважения».

Дело в том, что Шэрэм Мината считался самым страшным и могущественным из монстров-чудовищ, и то, что герой решился сразиться с ним, свидетельствовало о его подлинной отваге и мужестве. Манзан Гурмэ вдохновляет героя на битву, «Дахяад оро!» (Снова иди!), – говорит она Гэсэру и вручает ему золотую шерстобитную палочку – *алтан хабаа*. Этот ивовый прут, используемый издавна кочевниками при взбивании шерсти во время летних работ, на деле оказывается чудодейственным предметом. Гэсэр, не смогуший одолеть Шэрэм Минату ни крепостью своего могучего оружия, ни меткостью богатырских стрел, ни силой волшебства, которым герой обладал в полной мере, побеждает врага в повторной схватке, до смерти избивая противника шерстобитным прутком.

Говоря об атрибутике Манзан Гурмэ, необходимо сказать несколько слов о «старинной материнской книге», к которой богиня нередко обращается. По ходу эпического сюжета, начиная с пролога, эта священная книга дает право праматери богов брать на себя ключевую роль в определении судеб и поступков основных эпических персонажей. С помощью священной книги Манзан Гурмэ держит в поле своего зрения всю вселенную, распутывает узелки тайн, неведомых богам и смертным, определяет ход дальнейших событий и содействует Гэсэру преодолеть все препятствия на его героическом пути. «По суще-

ству, она является главой всего сущего в мироздании» [6, с. 57]. Священная книга Манзан Гурмэ, судя по всему, представляет собой своего рода аксиологический феномен в эпосе «Гэсэр», сохранившем «память народа о своем безбрежном прошлом». Она не случайно именуется в эпическом тексте как «старинная материнская книга» (*хуушан эхэ ном*). Ее эпитетика правомерно отвечает высокому генеалогическому статусу праматери небожителей. Сама же «ясновидящая» книга является знаковым атрибутом всеведущей Манзан Гурмэ и олицетворяет ее божественную мудрость и знание.

В заключение хотелось бы коротко остановиться на солярном аспекте образа Манзан Гурмэ. Согласно эпическому тексту, она рождается от лучей солнца, что определяет ее светоносное доброе начало. Не случайно у небесного потомства Манзан Гурмэ – западных пятидесяти пяти тэнгриев клановым эпитетом является *сагаан* – «белый». Эта цветовая дефиниция в бурятской сакральной традиции указывает на связь с культом солнца, поскольку такова семантика белого цвета. Солярную подоплеку содержит и числовая символика восьмого неба – местопребывания Манзан Гурмэ. Данный нумерологический эпитет восходит к ранним мифам бурят, в которых солнце как женщина-мать представлялось зооморфным существом о восьми ногах, а впоследствии изображалось в виде восьми оградок или восьми лучей – «ног» (на священных онгонах) [7, с. 60]. В шаманских призываниях также прослеживается символика числа восемь в характеристике женского материнского начала солнца.

Следует отметить, что и атрибутика Манзан Гурмэ не лишена солярных признаков, выраженных в хроматических эпитетах *алтан* – золотой и *шара* – желтый. Это, например, *алтан сара аяга* – золотая чаша праматери богов, *хулхан шара хорьбо* – камышовая желтая трость [8, с. 40, 194, 195] и упоминаемый выше золотой шерстобитный прут, несущий в руках Гэсэра солнечное жизнеутверждающее начало в контексте его противоборства с противником из царства тьмы и смерти. И, наконец, «старинная материнская книга», которая в ряде особых случаев именуется «золотой», что также несет солярную смысловую окраску.

В целом эманация солнечных знаков имплицитно пронизывает многие эпизоды, связанные с Манзан Гурмэ. В этом плане показательным представляется миф, являющийся своего рода солярной прелюдией Гэсэриады. В мифологическом сюжете, рассказывающем об исцелении дочери солнца Наран Гохон, от здоровья и благополучия которой зависела судьба западных пятидесяти пяти небожителей, Манзан Гурмэ правомерно отводится ведущая роль. В качестве ее чудесного помощника выступает белый жаворонок, сакральная птица – хранительница духа, жизненной силы (*хүнэнэн хүлдэ*) самого солнца. Знаменательно, что исцеленная Наран Гохон становится земной матерью Гэсэра. По своей сути, и сам герой эпического

повествования является солярным персонажем, связанным кровным родством с солнечными богами Гэсэриады во главе с Манзан Гурмэ.

Таким образом, в контексте мифологических сюжетов, составляющих канву эпического повествования, вырисовывается концептуальный образ Манзан Гурмэ – прародительницы богов. Она проявляет себя как мудрая мать-богиня, являющаяся оплотом и гарантом позитивного равновесия сил Добра и Зла в дуалистическом мире бурятских богов, разделенных на западных светлых и восточных темных небожителей и противостоящих друг другу как носители светлого и темного начал. В данном космогоническом контексте солярный аспект, присущий образу Манзан Гурмэ, приобретает нравственно-этическое и философское звучание. Манзан Гурмэ, безусловно, уникальное явление в галерее женских образов бурятской Гэсэриады. Мифологическая парадигма ее образа восходит к архетипу Великой матери-богини и согласуется с тем большим удельным весом женских божеств, фигурирующих практически во всех древ-

них мифологических системах, начиная от шумерской богини-матери – «владычицы богов» до «великой матери» малоазиатских божеств.

Список литературы

1. *Абай Гэсэр*. Улан-Удэ, 1960. 314 с.
2. *Дугаров Б. С.* Бурятская Гэсэриада: небесный пролог и мир эпических божеств. Улан-Удэ, 2005. 296 с.
3. *Абай Гэсэр Богдо хаан*. Улан-Удэ, 1995. 521 с.
4. *Уланов А. И.* К характеристике героического эпоса бурят. Улан-Удэ, 1957. 172 с.
5. *Дмитриев П. Д.* Гэсэр. Улан-Удэ, 1953. 162 с.
6. *Кузьмина Е. Н.* Женские образы в героическом эпосе бурятского народа. Новосибирск, 1980. 160 с.
7. *Манжигеев И. А.* Бурятские шаманистические и дошаманистические термины. Опыт атеистической интерпретации. Москва, 1978. 127 с.
8. *Тушемилов П. М.* Абай Гэсэр. Улан-Удэ, 2000. 256 с.

Bair S. Dugarov, Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russia)
khaikhan@mail.ru

THE IMAGE OF THE PROTOMOTHER GODDESS IN THE BURYATIAN EPOS

Summary. The author considers “*The King Gesar*”, the Buryatian epos kept host of deities that play significant role in epical action. Foremother *Manzan Gurme*, the ancestor of heavenly deities, takes the leading position in the pantheon. She is considered as a mother and a master of nine deities of senior generation (as well as those who were born in patriarchy period) that act according to her instructions.

Using epic text, the author of the paper reconstructs a foremother *Manzan Gurme's* character: she gave her help to people who needed in difficult period of their life. She turns to “*age-old mother's book*” to get help, advices, knowledge, etc. In case of need, she sends her sons – heavenly deities – to support people. She has magic gift, she's wise and almighty, she was born by the Sun – so, she presents the good principle. Her image always related with white color. “*The King Gesar*”, the Buryatian epos gives good understanding to a reader about foremother *Manzan Gurme's* attributes – items that help her to make a magic act.

The article considers *Manzan Gurme's* material world in details. For example, the epos text notes the next several things: “*age-old mother's book*”, “*shelly and porcelain bowls*”, “*silver pearly amulet*”, “*wool-beating magic whip*”, “*fifteen magic treasures*” held in hidden coffers, etc.

The epos “*The King Gesar*” gave us the Buryatians' picture of the world (their space imaginary: heaven – the earth, the East – the West), their ethics, mythical folk-

lore. All of this made unique Buryats' cultural landscape which is just becoming a subject of today's scientific.

Keywords: *Buryatian mythology, pantheon of epic divinities, goddess-ancestor, Turkic-Mongolian world.*

References

1. *Abai Geser* [The King Gesar]. Ulan-Ude, 1960. 314 p. [In Russ.].
2. *Dugarov B. S.* Buryatskaja Geseriada: nebesnyj prolog i mir epicheskikh bozhestv [Buryat Geseriada: the Heavenly Prologue and the World of Epic Divinities]. Ulan-Ude, 2005. 296 p. [In Russ.].
3. *Abai Geser Bogdo khan* [The King Gesar Bogdo Khan]. Ulan-Ude, 1995. 521 p. [in Russ.].
4. *Ulanov A. I.* K karakteristike geroicheskogo eposa burjat [On Characteristics of Buryats' the Heroic Epos]. Ulan-Ude, 1957. 172 p. [In Russ.].
5. *Dmitriev P. D.* Geser [Gesar]. Ulan-Ude, 1953. 162 p. [In Russ.].
6. *Kuzmina E. N.* Zhenskie obrazy v geroicheskom epose burjatskogo naroda [Female Images in the Buryats' Heroic Epic]. Novosibirsk, 1980. 160 p. [In Russ.].
7. *Manzhigeev I. A.* Burjatskie shamanisticheskie i doshamanisticheskie terminy [Buryatian Shamanic and Pre-Shamanistic Terms. The experience of Atheistic Interpretation]. Moscow, 1978. 127 p. [In Russ.].
8. *Tushemilov P. M.* Abai Geser [The King Gesar]. Ulan-Ude, 2000. 256 p. [In Russ.].

УДК 378.1::008(571.17):069-051:[291.6+069+378.1](571.17)
DOI: 10.32340/2541-772X-2018-1-85-88

Д. Д. Родионова, кандидат философских наук, доцент
Кемеровский государственный институт культуры (Кемерово, Россия)
dasha.d.rodionova@yandex.ru

А. А. Насонов, кандидат исторических наук, доцент
Кемеровский государственный институт культуры (Кемерово, Россия)
nas-alex-alex@ Rambler.ru

ФОРМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ, МУЗЕЕВ И РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В РАМКАХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ МУЗЕОЛОГОВ

Аннотация. Проанализированы некоторые актуальные формы взаимодействия между образовательными организациями высшего образования, структурами музейного профиля и религиозными организациями в процессе образовательной подготовки специалистов в области современного российского музейного дела. По мнению авторов, каждая из уже практикуемых форм совместной работы разнопрофильных организаций может получить новое, более практически ценное содержание при учёте нужд, запросов и ожиданий всех субъектов взаимодействия, нацеленных на дальнейшее развитие и укрепление отношений сотрудничества. Изложена авторская дескриптивная модель «горизонтальных» связей, возникающих в системе сотрудничества указанных структур. Национально-культурные объединения, действующие в тесном контакте с различными профессиональными общностями, названы авторами в качестве потенциальных работодателей для квалифицированных музейных специалистов.

Ключевые слова: *музеолог, формы взаимодействия, религиозные организации, музеи, подготовка специалистов, сотрудничество, образовательная организация высшего образования (вуз), национально-культурные объединения.*

Процесс взаимодействия российских образовательных организаций высшего образования, музеев и религиозных организаций в ходе образовательной подготовки музеологов реализуется в рамках конкретных форм сотрудничества, каждая из которых имеет свою специфику. Однако с точки зрения планирования и реализации учебного процесса разнообразие форм позволяет учесть различные аспекты профессиональной деятельности, сформировать развитые общекультурные или универсальные, общепрофессиональные и профессиональные компетенции будущего специалиста. Также, разнообразие практикуемых форм сотрудничества активно способствует совершенствованию профильных направлений работы музейного учреждения – в первую очередь, экспозиционно-выставочного и культурно-образовательного.

К числу классических форм взаимодействия между профильной кафедрой образовательной организации и различными службами музея относятся: проведение учебных занятий в условиях действующих экспозиций или на территории музеев и учреждений музейного типа; проведение совместных культурно-образовательных и научно-просветительских акций; организация работы научно-практических и научно-теоретических мероприятий (конференций, семинаров, круглых столов, симпозиумов и пр.), а также учебных мероприятий (например, музеологических школ); планирование и проведение профориентационных акций с участием обучающихся.

Проектная деятельность обучающегося реализуется в соответствии с ранее выбранным направлением научно-поисковой работы (либо самостоятельно, либо при участии научного руководителя) на базе организаций, выступающих партнёрами образовательной организации (возможно, с последующим трудоустройством обучающегося) в рамках плановых мероприятий кафедры, по самостоятельной инициативе студента. При этом навыки организаторской деятельности обучающегося формируются в ходе проектирования и монтажа музейных экспозиций выставок, планировании и проведении культурно-просветительных, культурно-досуговых мероприятий [5].

Сотрудничество музея с религиозной организацией также строится по испытанным, вполне устоявшимся формам взаимодействия. Например, представители различных конфессий приглашаются в качестве экспертов в вопросах атрибуции религиозных ценностей, передаваемых в музейные фонды на хранение – эта форма межучрежденческого контакта предполагает тесное сотрудничество квалифицированных музейных работников, специализирующихся на углублённой научной разработке какой-либо темы, и священнослужителей, владеющих уверенным знанием догматических положений веры и канонического права, знакомых с тонкостями обрядовой практики. С точки зрения процессного подхода, сотрудничество такого рода имеет особую ценность не столько потому, что позволяет музею задействовать дополнительные источники комплектования собственных фондов и расширять спектр направлений

научно-исследовательской работы музея, сколько потому, что расширяет набор методического инструментария, с помощью которого музейный работник получает возможность более обстоятельного раскрытия информации, заключённой в музейном предмете, в ходе подготовки и демонстрации экспозиционно-выставочного проекта. Особое значение совпадение интересов религиозных организаций и музейных структур приобретает в случаях реализации реставрационных проектов с высокой стоимостью [7, с. 47–50].

Другой формой взаимодействия вышеперечисленных структур является методическая помощь, оказываемая музейными работниками субъектам сотрудничества, при подготовке, проведении и продвижении среди различных групп целевой аудитории совместных выставочных и культурно-образовательных проектов. Для религиозных организаций такая форма партнёрского контакта позволяет успешно решать различные задачи внекультурной деятельности, а для музейной структуры – решать задачи увеличения числа собственных экспозиционно-выставочных площадок, а также добиваться устойчивой положительной динамики показателей количества посетителей и количества посещений учреждения.

Таким образом, основываясь на вышесказанном, можно сформировать условную модель горизонтальных связей в системе следующих субъектов: религиозные организации, музеи и образовательные организации высшего образования творческой направленности. В этом субъектном составе роль последнего состоит в профессиональной подготовке квалифицированных кадров, уверенно овладевших необходимым минимумом компетенций коммуникативного характера и способных к эффективной реализации круга трудовых функций в контексте организационно-управленческой, научно-исследовательской, проектной и культурно-просветительской деятельности музейной структуры. Например, продуктивное развитие музеев, создаваемых по инициативе религиозных организаций, возможно только при достаточной обеспеченности таких структур высококвалифицированными кадрами. Однако сотрудники таких музеев должны являться верующими людьми. В такой ситуации наиболее оптимальной формой организации взаимодействия образовательной организации высшего образования творческой направленности и религиозной организации будет целевой набор абитуриентов с последующим проведением учебных занятий, прохождением практики на базе музея религиозной организации, а также трудоустройство выпускников. Такой музеолог должен понимать специфику взаимоотношений музейного сообщества и религиозных организаций [5].

Следует заметить, что такие квалифицированные специалисты музейного дела также могут быть востребованы национально-культурными объединениями, работающими в тесной взаимосвязи с конфесси-

ональными группами. Современные религиозные центры становятся площадками, вокруг которых возникают и развиваются этнокультурные сообщества; последние в результате неконфликтного симбиоза с религиозными структурами получают действенные инструменты сохранения и воспроизводства собственной национальной культуры.

Другим направлением сотрудничества образовательных организаций высшего образования творческой направленности и религиозных организаций является религиозно-просветительское просвещение студентов. Как отмечают в своих статьях В. Ф. Ефимов и Е. В. Никольский, компетенция религиозно-просветительской грамотности формируется в мировоззренческом ключе и включает в себя понимание сущностных характеристик и типологий религиозных явлений, конструктивной и деструктивной религиозности, соотношение религии и других форм культуры, религии и политики, а также понимание необходимости толерантного отношения к лицам с иными убеждениями и способностями [2, 3]. Эта сформированная общекультурная (в последнем варианте федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – универсальная) компетенция очень важна для будущего музейного специалиста, обязанного осуществлять сохранение историко-культурного наследия различных конфессий в условиях исторически многонационального российского общества. Безусловно, что без тесного взаимодействия с религиозными организациями формирование этой компетенции на должном уровне силами только учреждения образования невозможно.

Другим направлением реализации взаимодействия образовательных организаций высшего образования творческой направленности, музеев и конфессии является развитие культурно-познавательного туризма религиозной направленности [1, с. 18–19]. Здесь комплексный экскурсионный продукт и объекты показа предоставляются музеями и религиозными структурами, а образовательная организация удовлетворяет потребность в профессиональных кадрах. Так, кафедра музейного дела Кемеровского государственного института культуры (г. Кемерово, Россия) имеет ценный опыт адаптации собственных учебных программ, согласованных с индивидуальными особенностями студентов, к запросам организаций-партнёров [6, с. 144]. Кроме того, вуз культуры заинтересован в привлечении священнослужителей к организации преподавания религиозно-просветительских дисциплин [4, с. 66].

В ходе профессиональной подготовки в области музейного дела особое внимание уделяется организации научно-исследовательской деятельности обучающихся. Кроме традиционного сбора материала и написания курсовых и выпускных квалификационных работ (бакалаврских работ и магистерских диссертаций, научных докладов аспирантов), предусмотренных федеральным стандартом направления подготовки «Музеология и охрана объектов культурного

и природного наследия» студенты заняты инициативной научно-поисковой работой. В этой связи, обучающиеся, поступающие по квотам целевого набора, вправе заниматься разработкой тем, актуальных для направляющих учреждений. Таковыми традиционно выступают музеи и учреждения музейного типа, ими могут являться и религиозные организации.

Таким образом, спектр направлений и форм взаимодействия образовательных организаций высшего образования, музеев и религиозных организаций в процессе профессиональной подготовки специалистов музейного дела достаточно широк. Каждая из уже практикуемых форм совместной работы разнопрофильных организаций может получить новое, более практически ценное содержание при учёте нужд, запросов и ожиданий всех субъектов взаимодействия, нацеленных на дальнейшее развитие и укрепление отношений сотрудничества.

Список литературы

1. *Бондаренко Д. В.* Аспекты правового регулирования паломничества и религиозного туризма на современном этапе // Вестник ассоциации вузов туризма и сервиса. 2015. Т. 9. № 3. С. 14–20.
2. *Ефимов В. Ф., Никольский Е. В.* Методы, формы и средства формирования религиозно-теологической грамотности студентов // *Studia Humanitatis*. 2016. № 4. URL: <http://st-hum.ru/en/node/466> (04.05.2018).

3. *Ефимов В. Ф., Никольский Е. В.* Трудности, ошибки и поиски путей религиозно-теологического просвещения в вузовском преподавании // *Studia Humanitatis*. 2016. № 1 URL: <http://st-hum.ru/content/efimov-ef-nikolskiy-ev-trudnosti-oshibki-i-poiski-putey-religiovedcheskogo-prosveshcheniya-v> (04.05.2018).

4. *Кулемзин А. М., Насонов А. А., Родионова Д. Д.* Религиозно-теологическое образование в вузе культуры и искусств: история и современность в социокультурном изменении // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 19. С. 62–68.

5. *Родионова Д. Д., Насонов А. А.* Сетевое взаимодействие вузов культуры, музеев и религиозных организаций в рамках профильной подготовки музееведов // Современные проблемы науки и образования. 2017. № 2. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=26357> (08.05.2018).

6. *Родионова Д. Д., Насонов А. А.* Современная профессиональная подготовка музейного специалиста // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2015. № 3. С. 142–146.

7. *Тихонов В. В.* Практика реставрации и использования Казанской привратной церкви Илимского острога в музее «Тальцы» // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2015. № 3. С. 47–50.

Daria D. Rodionova, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Kemerovo State Institute of Culture (Kemerovo, Russia)
dasha.d.rodionova@yandex.ru

Aleksandr A. Nasonov, Ph. D. in History, Associate Professor
Kemerovo State Institute of Culture (Kemerovo, Russia)
nas-alex-alex@rambler.ru

FORMS OF INTERACTION BETWEEN EDUCATIONAL ORGANIZATIONS OF HIGHER EDUCATION, MUSEUMS AND RELIGIOUS INSTITUTIONS WITHIN THE FRAMES OF MUSEUM SPECIALISTS TRAINING

Summary. The article discusses several actual forms of interaction between educational organizations of higher education, museums and religious institutions within the frames of a process of educational training of a specialist in today's museum business. In the authors' opinion, each of such forms can get new meaning that is more valuable for the practice if cooperation participants' needs, expectation and interests will be taken into account. Also, the paper outlines the authors' descriptive model of "horizontal" relations and contacts appear in cooperation between the institutions listed above. Ethnic and cultural communities that act in close contact with various confessional groups are, in the authors' view, potential employers for museum specialists with qualification.

Keywords: a museum specialist, forms of interaction, religious organizations, museums, professional training, cooperation, an educational organization of

higher education (an institution of higher education), ethnic and cultural communities.

References

1. *Bondarenko D. V.* Aspekty pravogo regulirovaniya palomnichestva i religioznogo turizma na sovremennom etape [Legal Regulation of Pilgrimage and Religious Tourism at the Present Day] // Vestnik associacii vuzov turizma i servisa [Universities for Tourism and Service Association Bulletin]. 2015. Vol. 9. No. 3. Pp. 14–20. [In Russ.].
2. *Efimov V. F., Nikol'skii E. V.* Metody, formy i sredstva formirovaniya religiovedcheskoj gramotnosti studentov [Methods, Forms and Means for Forming Students' Theological Literacy] // *Studia Humanitatis*. 2016. No. 4. URL: <http://st-hum.ru/en/node/466> (04.05.2018.). [In Russ.].
3. *Efimov V. F., Nikol'skii E. V.* Trudnosti, oshibki i poiski putej religiovedcheskogo prosveshhenija v

vuzovskom prepodavanii [Difficulties, Mistakes and Search for Right Ways of Theological Education in Universities] // Studia Humanitatis. 2016. No. 1 URL: <http://st-hum.ru/content/efimov-ef-nikolskiy-ev-trudnosti-oshibki-i-poiski-putey-religiovedcheskogo-prosveshcheniya-v> (04.05.2018). [In Russ.].

4. Kulemzin A. M., Nasonov A. A., Rodionova D. D. Religiovedcheskoe obrazovanie v vuze kul'tury i iskusstv: istorija i sovremennost' v sociokul'tur-nom izmenenii [Theological Education in an University of Culture and Arts: History and Modernity in Social and Cultural Dimension] // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts]. 2012. No. 19. Pp. 62–68. [In Russ.].

5. Rodionova D. D., Nasonov A. A. Setevoe vzaimodejstvie vuzov kul'tury, muzeev i religioznyh organizacij v ramkah profil'noj podgotovki muzeologov [Network Communication between Universities of

Culture, Museums and Religious Organizations within the Frames of Museum Specialists Training] // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. 2017. No. 2. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=26357> (08.05.2018). [In Russ.].

6. Rodionova D. D., Nasonov A. A. Sovremennaja professional'naja podgotovka muzejnogo specialist [A Today's Museum Specialists Training] // Professional'noe obrazovanie v Rossii i za rubezhom [Professional Education in Russia and Abroad]. 2015. No. 3. Pp. 142–146. [In Russ.].

7. Tihonov V. V. Praktika restavracii i ispol'zovanija Kazanskoj privratnoj cerkvi Ilimskogo ostroga v muzee «Tal'cy» [Restoration Works and the Kazan Gate Church, Fort Ilim, in Architectural and Historical Museum “Talzy”] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologija i iskusstvovedenie [Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History]. 2015. No. 3. Pp. 47–50. [In Russ.].

УДК [130.2(4/5):069]:161.14

DOI: 10.32340/2541-772X-2018-1-88-91

О. С. Сапанжа, доктор культурологии, доцент

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

(Санкт-Петербург, Россия)

sapanzha@mail.ru

ЕВРАЗИЙСКИЙ КОНЦЕПТ И МУЗЕЙНАЯ ПАРАДИГМА В ДИСКУРСЕ НАСЛЕДИЯ

Аннотация. Статья посвящена анализу взаимосвязи понятий, важных для определения границ и стратегий развития современного музейного пространства: «евразийский концепт», «музейная парадигма» и «дискурс наследия». На основе изучения практики использования термина в современном научном и массовом дискурсе выводится определение евразийского концепта как сложного образования, включающего политический, экономический и культурный сегменты разной степени интенсивности и идеологической окрашенности.

Ключевые слова: евразийский концепт, музей, музейное пространство, музейная парадигма, наследие, культурное и природное наследие, культурные индустрии.

Исходным тезисом статьи может служить утверждение, что евразийство как актуальная культурная парадигма сегодня оказывает значительное влияние на динамику культурных институций, в том числе, музея. Однако сам предложенный термин «евразийский концепт» нуждается в пояснении.

Актуализация евразийского концепта, произошедшая в XXI веке, стала реакцией не просто на усиление глобализационных процессов, ставших важнейшим мотором XX века, а, скорее, их реальную констатацию. Как только явление стало слишком очевидно, его попытались перевести на уровень серьезного научного дискурса.

Исследуя границы глобализации, американский политолог Стэнли Хоффман выделил три модели: экономическую глобализацию, культурную глобализацию и политическую глобализацию [1]. Понятно, что сама природа глобализации предполагает, что все три составляющие находятся в единстве и образуют «глобализацию глобализаций», но их теоретическое

разделение вполне продуктивно, когда речь заходит о евразийстве как альтернативе глобализации, так как его тоже уместно рассматривать в совокупности тех же трех моделей: политической, экономической и культурной как антитезе глобализации.

Интересную трактовку концепта «евразийство» с его делением на идеологический и практический компоненты предлагает И. П. Кавинова, в частности, отмечая, что евразийская мысль в России представлена двумя философско-идеологическими «временными контекстами» и одним «практическим». Временные вехи – это, собственно, возникновение евразийства в 1921 году, а затем – возрождение идей евразийства в конце 1980-х – начале 1990-х гг. «Практический контекст» евразийства – это процесс евразийской экономической интеграции (ЕАЭС), которая хотя и содержит идеологическую составляющую, все же, в первую очередь, подчинена составляющей экономической, которая признается доминирующей [2, с. 144]. И если современное евразийство

как идеологический концепт связан с созданием концепции глобального противостояния западной цивилизации с ее мифологемами, то практическое евразийство, скорее, «выступает как реальная альтернатива глобализации со стиранием самобытной идентичности народов и потерей ими исторических корней» [2, с. 151].

Предложенная концепция демонстрирует, почему вполне реальным является парадоксальный факт усиления глобализации посредством практического евразийства, которое «продвигает центральноазиатские страны в сторону Европы, в то время как Россию – в Азию» [3, с. 117].

Все это приводит к тому, что само понятие «евразийство» понимается как многослойное. В рамках словоупотребления, можно отметить три уровня использования термина «евразийство»: онимическое употребление в исходном смысле как направления философской мысли и общественного движения, онимическое употребление в более широком смысле в совокупности экономической, политической и культурной составляющей и, наконец, деривационное, контекстное употребление, размывающее границы самого термина максимально широко и географически, и культурно.

Говоря о «евразийском концепте», мы имеем дело со сложным образованием, включающем политический, экономический и культурный сегменты разной степени интенсивности и идеологической окрашенности. Каждый из предложенных уровней можно обнаружить в динамике современного музейной пространства: от идеи создания музея евразийства (первого уровня) до широкого понимания функций музея как института, призванного сохранить и актуализировать природное и культурное наследие народов, населяющих пространство евразийского региона. В каждом случае оказывается, что музейная парадигма оказывается связана с евразийским концептом, но наиболее продуктивно его широкое толкование.

В этом смысле музейная парадигма (которая заявлена в статье как вторая составляющая проблемы) по преимуществу связана с деривационным, практическим пониманием евразийства. Отмечая, что сам феномен музея неразрывно связан с западной культурной моделью, порожден ею и затем транслирован в мировых масштабах, стоит отметить и факт активного включения музея в процессы сохранения идентичности в глобальном мире на новых основаниях понимания идентичности не как основы для изоляции, а инструмента диалога и сотрудничества.

Именно такое понимание музейного мира евразийского региона, ориентированного на сохранение и актуализацию наследия народов, его населяющих является ключевым и увязывает в единую схему и «евразийский концепт», и «музейную парадигму» и «дискурс наследия». Отношение к уникальному наследию становится ведущим даже в условиях сложного глобализующегося мира, в котором музей все отчетливее приобретает черты культурной индустрии.

Классическое определение А. Я. Флиера гласит, что культурные индустрии представляют собой производство «непосредственно культурных или в существенной мере культурно отрегулированных феноменов, которое является более или менее массовым по своим объемам и высоко стандартизированным по большинству своих характеристик» [4, с. 304]. Культурные ресурсы, как и любой другой вид ресурса, при соблюдении определенных условий, могут приносить «прибыль», но она никогда не будет поставлена во главу угла при определении стратегических принципов развития. Во главу угла будут поставлены именно моделируемые культурные смыслы.

Отметим, что музей стал объектом внимания в контексте технологий культурных индустрий сравнительно недавно, так как до недавнего времени общим было представление об уникальности, нетипичности музейных собраний и невозможности тиражирования результатов музейной деятельности. Но во второй половине XX – начале XXI века, когда музей стал все активнее включаться в актуальную повестку социального развития, исходным стал тезис о том, что музей можно рассматривать как элемент культурных индустрий, способствующий изменению социальной среды, фиксации и распространению важных культурных смыслов без потери исходного утверждения об уникальности музейных собраний как целостной модели (мира личности, региона, исторического этапа и т. д.). В этом смысле, музейный предмет – не всегда уникальный объект (он вполне может быть продуктом промышленного, массового производства), но музейная коллекция всегда уникальна. На основе этой коллекции, являющейся «родовым» признаком музея, музей и генерирует высказывание.

В рамках рассматриваемого концепта «наследие» именно производство культурных смыслов музеем становится особенно важным. В задачи музеев входит, во-первых, сохранение выявленного культурного и природного наследия, во-вторых – определение новых областей наследий, расширение его границ. Процесс расширения границ наследия стал ключевым в характеристике развития музея как социокультурного института в XX веке, включив области музейной персоналии (мемориальные музеи), музеефикации повседневности (музеи быта, одного класса предметов, повседневной культуры) и т. д. Наконец, в-третьих, важной задачей музея признано право на утверждение границ субъективного музейного высказывания, то есть моделирования культурных смыслов.

Если именно создание новых культурных смыслов, которые включаются в сферу создания культурного пространства в широком смысле, является основой развития культурных индустрий, то стоит признать, что музей последние десятилетия активно вовлекается в эти процессы. Именно такой взгляд на музей представлен в работе К. Хадсона «Влиятельные музеи» еще в 1980-е годы в разделе, посвященном музеям общин, решающим новые задачи новыми средствами [5, с. 75–82].

Наконец, самым важным для понимания границ включения музея в систему культурных индустрий является представление о прямом участии тех или иных институтов в производстве социальных смыслов, обоснованное Дэвидом Хезмондалшем [6]. Храня уникальное и неповторимое, или хотя бы уникальным образом интерпретируя типичное, музей, тем не менее, в способах трансляции исторического знания применяет технологии, позволяющие рассматривать его с позиций развития культурных индустрий. Подобный подход, развитие которого, является основным вектором развития музейного пространства второго десятилетия XXI века, позволяет анализировать музеи в качестве актуального компонента развивающегося культурного пространства, с одной стороны, отвечающего на существующие социальные вызовы, а, с другой стороны, формирующего это пространство, задающего ориентиры его развития [7, с. 44–45].

Таким образом, культурные индустрии, связанные с производством культурных феноменов, позволяют представить процесс создания музейного мира евразийского региона как модель, сочетающую широкий евразийский концепт, современный дискурс наследия и стратегические принципы музейной парадигмы. При подобном понимании евразийский концепт определяет географические границы пространства, наследие которого подвергается музеефикации, музейная парадигма «задает» направления музеефикации и их формы, а дискурс наследия формирует

представление о тех составляющих культурного мира, которые являются важными для понимания истории и современного состояния евразийского пространства.

Список литературы

1. Хоффман С. Столкновение глобализаций // Россия в глобальной политике. Москва, 2003. Т. 1.
2. Кавинова И. П. Евразийство в контексте русской истории и культуры // Вестник Российской академии наук. 2016. Т. 86. № 2. С. 144–151.
3. Калашикова Н. Ю. Научная конференция «Евразийство – Евроскептицизм – Евразийство. Варианты разочарований в европейском пути развития» // Славяноведение. 2017. № 4. С. 111–119.
4. Флиер А. Я. Культурные индустрии в истории и современности: типы и технологии // Культурология. Москва, 2011. С. 302–329.
5. Хадсон К. Влиятельные музеи. Новосибирск, 2001. 194 с.
6. Хезмондали Х. Культурные индустрии. Москва, 2014. 453 с.
7. Сапанжа О. С. Технологии культурных индустрий и продвижение концепции музея в городском пространстве (на примере национального музея афроамериканской истории и культуры) // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Серия «Экономика. Социология. Культурология». 2017. № 3. С. 43–48.

Olga S. Sapanzha, Doctor of Cultural Studies, Associate Professor
Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint Petersburg, Russia)
sapanzha@mail.ru

THE CONCEPT OF THE EURASIANISM AND PARADIGM OF A MUSEUM ACTIVITY IN CONTEXT OF THE HERITAGE DISCOURSE

Summary. The article is dedicated to the analysis of the co-relation between the next several concepts that are important for fixing borders and for a strategy of a today's museum activity: *“the concept of the Eurasianism”*, *“the paradigm of a museum activity”*, and *“the discourse of heritage”*.

The concept of the Eurasianism is considered by the author through the lens of political, economic and cultural knowledge. The author of the paper analysis usage traditions of the *“concept of the Eurasianism”* term in scientific and mass communication gives her own version of the definition.

The Eurasian concept has difficult nature, includes political, economic, cultural segments with different level of intensity and ideological color. The broadest variant of understanding of the Eurasianism is considers by the author as related with today's museum paradigm focused on search, preservation and development of the Eurasian-based nations' cultural heritage in peculiar form of a museum speech. In these terms, a museum is found involved in space of today's cultural industries, and, on the one

hand, that is a marker of globalization processes, but on the other hand, that is a channel for transfer of museum meanings, etc. The author notes that a museum actively came into social development agenda at the second half of 20th and at the beginning of the 21st centuries; in relation with this, a museum can be considered as an element of cultural industries that help to change social environment, to fix and to extend important cultural meanings without losing original thesis about a uniqueness of museum collections regarded as complete models (of a personality's world, of regional world, of historical epoch, etc.). These collections indicate a museum generic feature, they form a basis for a museum speech. So, cultural industries related with generation of cultural phenomenon let to represent the process of the Eurasian museum world creation in a form of a model that combines broad variant of Eurasian concept understanding, today's heritage discourse, and strategical principles of museum paradigm.

Keywords: *Eurasian concept, museum, museum space, museum paradigm, heritage, cultural and natural heritage, cultural industries.*

References

1. Hoffman S. Stolknovenie globalizacij [The Clash of Globalization] // Rossiya v global'noj politike [Russia in Global Policy]. Moscow, 2003. Vol. 1. No inf. [In Russ.].
2. Kavinova I. P. Evraziystvo v kontekste russkoj istorii i kul'tury [The Eurasianism within the context of Russian History and Culture] // Vestnik Rossijskoj akademii nauk [The Bulletin of the Russian Academy of Sciences]. 2016. Vol. 86. No. 2. Pp. 144–151. [In Russ.].
3. Kalashnikova N. Yu. Nauchnaya konfertseniya «Evraziystvo-Evroskoptizm- Evraziystvo. Varianty razocharovanii v evropejskom puti razvitiya» [“Eurasianism – EU-skepticism – Eurasianism. Disappointments in the European Way”, Academic Conference] // Slavyanovedenie [Slavic Studies]. 2017. No. 4. Pp. 111–119. [In Russ.].
4. Flier A. Ya. Kul'turnye industrii v istorii i sovremennosti: tipy i tekhnologii [Cultural Industries in His-

tory and in Modernity: Types and Technologies] // Kul'turologiya [Cultural Studies]. 2011. Moscow, 2011. Pp. 302–329. [In Russ.].

5. Hudson K. Vliyatel'nye muzei [Museums of Influence]. Novosibirsk, 2001. 194 p. [In Russ.].

6. Hesmondalsh H. Kul'turnye industrii [Cultural Industries]. Moscow, 2014. 453 p. [In Russ.].

7. Sapanzha O. S. Tekhnologii kul'turnykh industrii i prodvizhenie kontseptsii muzeya v gorodskom prostranstve [Cultural Industries Technologies and Promotion of a Museum Concept into the Urban Space] // Vestnik severo-vostochnogo federal'nogo universiteta im. M. K. Ammosova. Seriya «Ekonomika. Sotsiologiya. Kul'turologiya» [The Bulletin of the Ammosov North-East Federal University. Series “Economics. Sociology. Cultural Science”]. 2017. No. 3. Pp. 43–48. [In Russ.].

УДК 719.3:726.71/.74(571.54)

DOI: 10.32340/2541-772X-2018-1-91-97

И. С. Цыремпилова, доктор исторических наук, доцент
Восточно-Сибирский государственный институт культуры (Улан-Удэ, Россия)
irina161073@mail.ru

К ВОПРОСУ О СОХРАНЕНИИ И ИСПОЛЬЗОВАНИИ КУЛЬТОВЫХ ПАМЯТНИКОВ НА ТЕРРИТОРИИ БУРЯТИИ

Аннотация. В статье анализируется исторический опыт сохранения и использования, а также современное состояние памятников культовой архитектуры Бурятии. Эти вопросы рассматриваются на примере православных монастырей и церквей, являющихся объектами культурного наследия федерального значения: Посольского Спасо-Преображенского монастыря, ансамбля Свято-Селенгинского Троицкого монастыря, Свято-Одигитриевского собора г. Улан-Удэ, собора Святой Троицы г. Кяхта, церкви Воскресения Христова г. Кяхта.

Ключевые слова: культурное наследие, русская православная церковь, монастырь, собор, церковь, реставрация, музеефикация.

В современных условиях актуализация проблемы сохранения и использования культурного наследия обусловлена как экономическими интересами заинтересованных сторон, так и высокой степенью социальной значимости. Принятие Федерального Закона РФ от 30 ноября 2010 г. №327-ФЗ «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности» и его реализация вызвали противоречивую общественную реакцию. Некоторые средства массовой информации стали заявлять даже о «реституции церковного имущества», что не соответствует прописанным в законе юридическим нормам. В связи с этим необходима комплексная реконструкция исторического опыта взаимоотношений государства и религиозных институтов, особенно в советский период, для применения взвешенного подхода к этому достаточно сложному вопросу.

Эти вопросы имеют значимость и для Республики Бурятия, которая представляет собой уникальную

территорию, богатую объектами культурного и природного наследия. Так, этнокультурное явление старообрядцев (семейских) Забайкалья Тарбагатайского района Республики Бурятия было провозглашено ЮНЕСКО «Шедевром устного и нематериального наследия человечества» (2001 г.). Включение озера Байкал в список Участков Всемирного наследия (1996 г.) является фактом признания исключительной ценности самого озера и прилегающих к нему территорий, которые рассматриваются не только как геолого-географический водосборный регион, но и как уникальное культурное пространство. Уникальность и своеобразие Бурятии обусловлены также ее полиэтничностью и многоконфессиональностью, что привело к синтезу разнородных традиций и укладов, особым формам мультикультурного взаимодействия, от которых напрямую зависит устойчивое развитие общества.

В дореволюционный период на территории Бурятии были представлены все основные религиозные конфессии. Так, согласно данным на 1922 г.

насчитывалось: 154 православные церкви, 46 буддийских дацанов, 81 старообрядческий храм, 7 синагог, 5 мечетей, 1 костёл [1, с. 175]. В 1920–1930-е годы основная часть культовых зданий была закрыта и передана различным учреждениям и организациям под «культурно-просветительские нужды». Немалое количество закрытых зданий, которые не использовались, приходило в негодность и разрушалось. В настоящее время на государственной охране стоит 36 сохранившихся объектов культурного наследия религиозного назначения, из них 32 православных храма, 3 буддийских дацана, 1 синагога [2]. Из них 6 объектов (Посольский Спасо-Преображенский монастырь, ансамбль Селенгинского Троицкого монастыря, Гусино-озерский дацан, Одигитриевский собор г. Улан-Удэ, Собор Троицы г. Кяхта, Церковь Воскресения г. Кяхта) являются объектами федерального значения. В статье нами рассмотрен исторический опыт сохранения и использования православных культовых объектов, а также дана оценка их современного состояния.

Уникальным и старейшим памятником архитектуры Бурятии является Посольский Спасо-Преображенский монастырь, чья история наглядно отражает историю освоения и развития Забайкалья. 12 монахов под предводительством игумена Феодосия и иеромонаха Макария, которые составили ядро первой Забайкальской духовной миссии, основали в 1681 г. монастырь на берегу оз. Байкал. Обитель была основана на месте гибели русской посольской миссии в Монголию во главе с Ерофеем Заболоцким в 1650 г., что дало будущему монастырю название Посольский.

С 1773 г. стали возводить Спасо-Преображенский храм и он стал первой в Забайкалье каменной постройкой. Собор представлял собой выдающееся достижение архитектурной и технической мысли. Многие исследователи отмечают, что узорчатая обработка фасадов собора имеет сходство с декором Крестовоздвиженской церкви г. Иркутска, что говорит о единстве стиля сибирского барокко. В техническом отношении собор представлял сооружение, длина которого насчитывала 28,4 м; высота до верхушки креста – 26 м, а колокольни – 32 м. В 1780 г. началось строительство Святых врат в «монастырь с главного подъезда» – со стороны Байкала и надвратной церкви, в 1812 г. была освящена еще одна каменная церковь во имя Святителя Николая Чудотворца. Также в начале XIX в. вокруг монастыря была возведена каменная ограда высотой 5 м [3, с. 126–128].

С учреждением в 1861 г. Селенгинского викариатства Посольский монастырь, определенный как местопребывание селенгинского епископа, стал центром Забайкальской духовной миссии. Поскольку монастырь располагался на оживленном Московском торговом тракте, здесь создавались вполне благоприятные по тем временам условия для многочисленных путешественников, сотрудников академических экспедиций, прибывающих российских миссионеров, посылавшихся в Пекин, для дипломатов и купцов.

Качество постройки помогло монастырю устоять и в советский период. Несмотря на многочисленные попытки верующих в конце 1920-х – нач. 1930-х гг. зарегистрировать религиозное общество и заключить договор на пользование богослужебным имуществом, местные органы власти чинили различные препятствия (запрет на созыв собраний, проведение богослужений, отказ в регистрации служителя культа и т. п.). А постановлением ЦИК БМАССР от 17 июня 1935 г. № 31 Посольский Спасо-Преображенский монастырь был закрыт [4, с. 55].

О периоде разрушений и утрат строений монастыря в советский период, использовании частично сохранившихся храмов под иные нужды кратко сообщалось в 1974 г. в паспорте памятника архитектуры. При строительстве Кабанской машинно-тракторной станции в 1936 г. были разобраны и использованы монастырские деревянные здания и сооружения, келии монахов, часовни над могилой строителя забайкальских монастырей Г. А. Осколкова и каменная ограда. Посольский Спасо-Преображенский монастырь был принят на государственную охрану в соответствии с постановлением Совета Министров РСФСР №1327 от 30 августа 1960 г. В 1961 г. здание Посольского монастыря было передано по охранному договору Посольскому детскому дому инвалидов.

В 1990-х гг. шефство над процессом восстановления архитектурного облика и функций монастыря взяло на себя Министерство иностранных дел России. Своим решением от 19 апреля 2000 г. Священный Синод РПЦ благословил воссоздание монастыря на берегу оз. Байкал. С 2002 г. в монастыре ведутся реставрационные работы: было проведено инженерно-сейсмическое обследование сохранившихся строений историко-архитектурного комплекса, «ТМ Улан-Удэрхпроект» был разработан проект реставрации Посольского Спасо-Преображенского монастыря. Результатом археологических раскопок (2000–2002 гг.) стало определение места захоронения погибших послов, на котором сегодня установлены кресты и построена часовня [5]. В 2002–2008 гг. велись работы по восстановлению Спасо-Преображенского собора, Святых (царских) врат, выходящих на Байкал, построены келейный корпус для братии и трапезная, восстановлен храм Святителя Николая Чудотворца и др.

Следующий объект федерального значения – Селенгинский Троицкий монастырь (1681 г.), являясь первым форпостом православия в Забайкалье, представлял собой своеобразный тип сибирского «стоячего» острога-крепости. В монастырский комплекс входило несколько церквей: храм Живоначальной Троицы, церковь во имя Святителя Николая Чудотворца, церковь во имя Всех Святых, надвратная церковь во имя св. Архистратига Михаила. Троицкий храм, построенный в стиле барокко, отличала многокрасочная гамма икон с золотыми окладами, богатство церковных атрибутов. На колокольне Никольской церкви

имелись «часы боевые железные в станке с кампасом указательным». Это были первые башенные часы в Забайкалье. Всесвятская церковь была самой красивой из всех храмов монастыря. Иконостас в ней был сплошной «и по приличным местам вызолочен». В архитектуре монастыря отразилась типичная организация древнерусского монастырского ансамбля с его свободно застроенной культовыми сооружениями серединой и располагающимися вдоль ограждающих стен жилыми и хозяйственными постройками.

Монастырь в конце XVII–XVIII вв. являлся самым крупным оборонительным пунктом русских на территории края. Длина стен монастыря по сибирским условиям была значительной (852 м), ни один из 14 главных острогов Сибири в XVII в. не имел такой площади [6, с. 264]. В каждой из четырех башен монастыря было по три яруса («моста») в виде этажей с бойницами для «боя». Ограда была сложена из кирпича; при высоте 4 м она имела ширину 1 м. Высота кирпичной кладки башен (до купола) составляла 8,5 м, а общая высота башен до верхушки креста – 12 м. В настоящее время две южные башни и стена сохранились сравнительно хорошо.

Троицко-Селенгинский монастырь на протяжении всей дореволюционной истории оставался центром миссионерской работы РПЦ, его настоятели в XVIII–XIX вв. возглавляли три духовных миссии. Он являлся крупнейшим хозяйственным центром в Забайкалье, ему принадлежали вотчины, заимки и рыбные угодья: оз. Котокель со всеми впадающими в него реками; мельница, сенные покосы и др. Монастырь посещали известные люди, среди которых следует особо отметить полномочного посла России Федора Алексеевича Головина (1687 г.), цесаревича Николая Александровича (1891 г.). Через монастырь проезжали или останавливались русские дипломатические и торговые деятели, которые направлялись в Китай или в Восточное Забайкалье: Эберхард (Елизарий) Идес Избрандт, Лев Васильевич Измайлов, Лоренц (Лаврентий) Ланг, Савва Лукич Рагузинский, Абрам Петрович Ганнибал и др.

Троицкая обитель продолжала действовать до 1920 г. История её закрытия до конца не выяснена, известно лишь, что после ликвидации монастыря Свято-Троицкий храм какое-то время продолжал действовать как приходской и был закрыт только в конце 1920-х гг. После того как монастырь был разорен, там разместили исправительную колонию, находившуюся в монастырских стенах до 1926 г. Затем ее сменила психиатрическая больница, оставшаяся де-факто до 2005 г. Монастырь был принят на государственную охрану в соответствии с постановлением Совета Министров РСФСР № 1327 от 30 августа 1960 г. и получил статус памятника архитектуры.

В середине 1990-х гг. в с. Троицком был зарегистрирован православный приход, которому была передана часть надвратного Михайло-Архангельского храма. 25 декабря 2000 г. Президентом-Председателем Правительства Республики Бурятия Л. В. По-

тапов было подписано распоряжение о проведении мероприятий по освобождению исторического комплекса Свято-Троицкого Селенгинского монастыря от занимавшей его психиатрической лечебницы. Решение это выполнялось на протяжении пяти лет: монастырские здания постепенно передавались в ведение Бурятского благочиния Читинской и Забайкальской епархии. 26 декабря 2006 г. Священный Синод РПЦ принял решение о возрождении Свято-Троицкой Селенгинской обители. Силами духовенства и местного населения проводятся ремонтные и реставрационные работы Троицкого храма, надвратной Михайло-Архангельской церкви, южных башен ограды монастыря и др.

В целом, православные монастыри на территории Бурятии можно рассматривать как крупнейшие культурообразующие комплексы, которые оказали и продолжают оказывать существенное влияние на все стороны жизнедеятельности местного населения.

В Бурятии ярким образцом сибирского барокко является кафедральный Одигитриевский собор г. Улан-Удэ – один из сохранившихся храмов Забайкалья, первое каменное строение города. Возведение его началось в 1741 г. и продолжалось сорок четыре года. Строился храм на деньги местного купечества, которое «во искупление грехов – прошлых и будущих» жертвовало деньги не только на строительство собора, но и на его содержание. Собор сразу был признан кафедральным, т.е. главным храмом Верхнеудинского уезда. Нижний (зимний) придел во имя Богоявления Господня был освящен 27 мая 1770 г., а 3 мая 1785 г. – верхний (летний) придел во имя иконы Божией Матери Одигитрии, которая издавна считалась покровительницей честных торговцев и путешественников.

Объемно-пространственная композиция собора является вариантом широко распространенной схемы, восходящей к культовому зодчеству Северо-Восточной Руси конца XVII в.: это трехчастный, симметричный так называемый «корабль», где все объекты слиты воедино и образуют плотный монолит. Также характерно органическое объединение церкви и колокольни. По богатству иконостаса, церковной утвари и библиотеки Одигитриевский собор не имел себе равных в Забайкалье. Царские врата, мебель для архиерейской кафедры, жертвенные столы – все было выполнено искусными мастерами из дуба, кипарисового дерева и березы. Главным художественно-декоративным украшением интерьеров собора, не имевшим росписей, были золоченые резные иконостасы. В верхнем храме находился четырехярусный иконостас с восемью рядами икон [7, с. 42].

Собор являлся градообразующим центром, средоточием всей общественной и духовной жизни города. Отсюда начиналась главная улица города – Трастовая (позднее ул. Большая, современное название – ул. Ленина).

В советский период одним из первых в г. Верхнеудинске был закрыт Одигитриевский кафедральный

Собор. Постановление Президиума ЦИК БМАССР от 6 сентября 1929 г. гласило: «В виду отказа Оди-гитриевского общества верующих от производства ремонта его, а также вследствие отсутствия других религиозных объединений, желающих принять названное здание культа в свое пользование, Президиум ЦИК постановил: а) здание религиозного культа – Одигитриевский кафедральный собор со всем его имуществом ликвидировать» [8, с. 225]. Первоначально в 1927 г. специально созданной комиссией было произведено обследование здания, которая выявила, что «в верхнем этаже храма по своду обнаружена огромная сквозная трещина и оказались порванными связи, соединяющие стены здания. Все это требует восстановительного ремонта, в настоящее же время при толчке угрожает обвалу. ...Комиссия находит, что на весь ремонт в грубых цифрах требуется 30000 рублей...». Уже после закрытия было принято решение о том, что здание может быть использовано только как временное хранилище (склад), а какой-либо ремонт или переустройство для его приспособления под общественно-культурные нужды ввиду ветхости видится нецелесообразным. В 1930-е гг. в здании собора располагались курсы стройкадров.

Судьба Одигитриевского храма в советский период представляет собой пример особой музейности, когда «музейность с целью максимального бережного сохранения памятника уступает место приспособлению под антирелигиозные, краеведческие и другие экспозиции... Превращение архитектурного памятника в музей уступает место использованию памятника под музей» [9, с. 241]. Так, в 1933 г. из Верхнеудинского краеведческого музея был выделен антирелигиозный отдел, который затем становится самостоятельным музеем. Директором Антирелигиозного музея была назначена А. И. Герасимова. Антирелигиозному музею согласно выписке из протокола № 125 заседания Президиума ЦИК Бурят-Монгольской АССР от 16 мая 1934 г. было передано здание Верхнеудинского Одигитриевского собора как памятника I-категории историко-архитектурного значения [10, с. 148]. В созданный музей поступило свыше 12 тыс. музейных предметов – бесценных памятников культуры, собранных в ходе многочисленных экспедиций по районам республики из разрушенных церквей и дацанов [11]. Это уникальные тибетские и монгольские рукописи, ксилографы, изобразительные материалы, буддийские танка, иконы, Острожская Библия Ивана Федорова, предметы культа, облачения священнослужителей и др., что сегодня составляет гордость собрания Национального музея Республики Бурятия.

В 1941 г. в связи с сокращением финансирования Антирелигиозный музей был закрыт, а в 1946 г. был объединен с Центральным Бурят-Монгольским музеем. Впоследствии здание использовалось как фондохранилище музея истории Бурятии. Собор является объектом культурного наследия федерального

значения, был принят на государственную охрану постановлением Совета Министров РСФСР №1327 от 30 августа 1960 г.

31 марта 1992 г. при соборе был зарегистрирован православный приход и начаты работы по благоустройству прилегающей территории. 1 августа 1995 г. вышел указ Президента Республики Бурятия Л. В. Потапова № 180 о поэтапной передаче собора под управление Русской Православной Церкви: «<...> Поддержать обращение православных христиан г. Улан-Удэ о поэтапном возвращении Свято-Одигитриевского собора Русской православной церкви законному владельцу» [12, с. 232]. В 1996 г. во время празднования Вознесения Господня были установлены 6 колоколов, в 1999 г. на колокольню водрузили крест. В 2000 г. центр Бурятского благочиния переместился из Свято-Троицкого храма в Одигитриевский собор. Специальным распоряжением Президента РБ Л. В. Потаповым был создан Попечительский совет, в ходе телерадиомарафона было собрано свыше 3 миллионов рублей для реставрации храма. Сегодня Одигитриевский Собор является резиденцией митрополита Улан-Удэнского и Бурятского, Высокопреосвященнейшего Савватия.

Город Кяхта, входящий в Список исторических городов России, богат объектами культурного наследия. Троицкий Собор и церковь Воскресения являются уникальными памятниками истории и культуры.

Собор во имя Святой Троицы (1812–1817 гг.) был построен в стиле русского классицизма, надолго стал крупным по габаритам церковным зданием Забайкалья. Общая высота храма составляла 30 метров, высота монументальной ярусной колокольни – 37,70 м, на ней было установлено 8 колоколов общим весом 509 пудов. Кроме того, на колокольне были установлены башенные часы с циферблатами «на две стороны, на восток и запад с боем». Храм и колокольню завершали позолоченные кресты с цепями и коронами. Собор имел 5 приделов: Троицкий, Петра и Павла, Рождества Богородицы, св. Иннокентия Иркутского, иконы Богородицы «Споручницы грешных». В 1854 г. московским отставным подполковником Дмитрием Бонческулом был прислан в дар список «чудотворной» иконы Божией Матери «Споручницы грешных». Икона, творящая «мироточение и чудесные исцеления», стала одной из святынь и широко известной за пределами Забайкалья [7, с. 119].

29 марта 1934 г. собор был закрыт и передан на «культурные нужды», здесь разместили экспозиции музея, установили маятник Фуко. Несколько десятилетий здание пустовало. В 1960 г. собор был включен в список памятников истории и культуры, но это не спасло его от бедствия, когда в 1963 г. деревянные купол, хоры, пол и крыша, частично перекрытия второго этажа сгорели во время пожара. Не сохранилась большая часть ограды, один из флигелей. После еще нескольких пожаров собор оказался заброшен, вокруг него был разбит городской парк. После передачи в 1997 г. здания собора РПЦ началось восстановление

храма. Сегодня разработана проектно-сметная документация по реставрации собора, на которую требуется свыше 200 млн рублей.

Образцовым храмом классицизма XIX в. считается Кяхтинская Воскресенская церковь, построенная в 1830–1838 гг. Композиция церкви сочетает в себе византийские традиции крестово-купольного храма с достижениями зодчества первой трети XIX в. Строение получилось нетипичным для сибирской архитектуры, и больше напоминало петербургские храмы-дворцы. Увенчанная шпилем высокая четырехъярусная колокольня, широкая трапезная и крестово-купольный храм с алтарем в восточной части расположены на единой оси. Храм имеет крестообразную в плане форму, причем пятиглавие значительно отдалено от колокольни.

В церкви был роскошный бронзовый иконостас с хрустальными колоннами (был выполнен в стиле Вестминстерского аббатства), серебряные царские двери, серебряные престол и жертвенники; громадное паникадило, усеянное цветными камнями; драгоценное евангелие и т.д. Английский миссионер Лэнсдел, путешествовавший по Сибири в 1879 г., с восхищением писал о великом духовном чуде Кяхты – соборе, который слыл самым изящным в Восточной Сибири [13]. Путешественники называли его «застывшей музыкой в камне».

31 января 1930 г. Постановлением ЦИК Бурят-Монгольской АССР Воскресенская церковь была закрыта по причинам того, что «здание нуждается в ремонте... находящееся в нем культовое имущество находится в антисанитарном состоянии... ценное имущество не имеет надежного окарауливания, учитывая близость здания к границе с Монголией здание Воскресенского храма ликвидировать». В храме располагался склад спецорга.

В 1960 г. Воскресенская церковь была объявлена памятником республиканского (федерального) значения, как и Троицкий собор Кяхты. Несмотря на полученный статус, церковь долгое время была заброшенной, что стало причиной ее разрушения и разграбления. В 1970-е гг. были начаты реставрационные работы с целью дальнейшего использования здания для музея географических открытий Юго-Восточной Азии. 5 апреля 1996 г. Воскресенская церковь была передана в бессрочное и безвозмездное пользование РПЦ. В рамках празднования 350-летия добровольного вхождения Бурятии в состав Российского государства были выделены федеральные средства на реставрацию церкви. В сентябре 2011 г. храм был открыт после 40 лет реконструкции и ремонтных работ.

Говоря об истории изучения и практиках сохранения культурного наследия, нельзя не сказать о научно-исследовательской деятельности в этом направлении. Серьезный вклад в исследование данной проблематики, определение роли православия в истории и культуре различных стран и регионов, определение перспектив развития религиозного ту-

ризма внесли ставшие традиционными всероссийские/международные научно-практические конференции «Православие и дипломатия в странах Азиатско-Тихоокеанского региона». С 2009 г. учеными Бурятского государственного университета, Восточно-Сибирского государственного института культуры, Московского государственного института международных отношений (университета) МИД РФ при непосредственной поддержке Улан-Удэнской и Бурятской епархии было проведено пять конференций. Результатом работы представительных собраний стало конструктивное обсуждение и выстраивание взаимоотношений между органами власти, научным сообществом и церковью по широкому спектру вопросов: от внешней политики до образования и формирования духовно-нравственных ценностей подрастающего поколения.

В последние годы одной из эффективных форм популяризации объектов наследия является издательская деятельность. К положительным примерам следует отнести подготовку и издание таких работ, как энциклопедический справочник А. Д. Жалсараева «Поселения, православные храмы, священнослужители Бурятии XVII – XX столетий» (2001), «Памятники архитектуры и истории. Т. I. Свод объектов культурного наследия Республики Бурятия» (2010 г.), «Религиозные организации Республики Бурятия» (2011 г.), фотоальбома «Храмы Бурятии» (2014 г.) и др. Эти труды позволяют представить не только объективную историю религиозных институтов на территории Бурятии, но и дают оценку их современного состояния.

Памятники архитектуры, в т. ч. культовой, являясь результатом сложного технического и художественного процесса, представляют собой комплексный и многогранный источник. При этом они обладают не только свойством хранить и передавать информацию, но и свойством эмоционального воздействия. Эти ценностные характеристики позволяют включать православные объекты в экскурсионно-туристскую деятельность. Не является исключением в этом вопросе и Бурятия. Как подчеркивает большинство экспертов, туристская привлекательность Бурятии определяется не только наличием озера Байкал – объекта Всемирного природного наследия, но и уникальностью полиэтнического и многоконфессионального пространства региона. Это находит отражение в создании маршрутной экскурсионной сети на территории республики, в которую включено свыше 130 маршрутов, предусматривающих посещение более 850 историко-культурных объектов, среди которых и православные объекты.

Таким образом, сохранившиеся и восстанавливаемые православные храмы Бурятии, имея большое значение в системе духовно-нравственного развития общества, выполняют особую роль в деле сохранения уникальной самобытности и культурного ландшафта региона.

Список литературы

1. *Бурятия в 1920–1930-е гг.* // История Бурятии. Улан-Удэ, 2011. Т. 3: XX–XXI вв. С. 67–181.
2. *Памятники архитектуры и истории*. Т. I: Свод объектов культурного наследия Республики Бурятия. Улан-Удэ, 2010. 328 с.
3. *Минерт Л. К.* Памятники архитектуры Бурятии. Новосибирск, 1983. 190 с.
4. *Тиваненко А. В.* «Храм опечатать, общину разогнать!»: из истории закрытия и разрушения Посольского Спасо-Преображенского монастыря в 1934 г. // Деятельность Русской православной церкви в Забайкалье: история и современность (Ефремовские чтения – II). Улан-Удэ, 2005. С. 49–56.
5. *Лбова Л. В.* Результаты археологической экспертизы территории Посольского Спасо-Преображенского монастыря (2002 г.) // Русская Православная Церковь в Сибири: история и современность. Улан-Удэ, 2003. С. 78–84.
6. *Жалсараев А. Д.* Поселения, православные храмы, священнослужители Бурятии XVII–XX столетий. Улан-Удэ, 2001. 448 с.
7. *Храмы Бурятии*. Улан-Удэ, 2014. 172 с.
8. *Цыремпилова И. С.* Русская православная церковь и государство: история взаимоотношений в 1917–1930-е гг. (на материалах Байкальского региона). Улан-Удэ, 2008. 300 с.
9. *Каулен М. Е.* Музеефикация историко-культурного наследия России. Москва, 2012. 432 с.
10. *Цыремпилова И. С.* Проблемы сохранения и использования православного культурного наследия в контексте государственно-церковных взаимоотношений в 1920–1930-х гг. (на материалах Байкальского региона) // Власть. 2010. № 7. С. 144–150.
11. *Очирова Ц.-Х. В., Левитина Л. Ф.* Музей истории Бурятии им. М. Н. Хангалова – 80 лет. Хроника, события, личности // Региональные музеи: настоящее и будущее. Улан-Удэ, 2003. С. 7–17.
12. *Из истории религиозных конфессий Бурятии. XX век*. Улан-Удэ, 2001. 292 с.
13. *Дулов А. В., Санников А. П.* Православная церковь в Восточной Сибири XVII – начале XX вв. URL: http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publications/church/about.html (20.04.2018 г.).

Irina S. Tsyrempilova, Doctor of Historical Sciences, Professor,
East-Siberian State Institute of Culture (Ulan-Ude, Russia)
irina161073@mail.ru

CONSERVATION AND USAGE OF CULT MONUMENTS WITHIN THE TERRITORY OF THE REPUBLIC OF BURYATIA

Summary. Today's public attention to a problem of conservation and usage of cult heritage objects is determined by economic reasons as well as its high social significance. This major problem requires a balanced decision that foresees complex historical restoration a character of relationship between the Russian Orthodox Church and the Russian State (especially, in Soviet period of national history) as well as assessments of today's state of safety and usage of cult monuments. The article aimed at search a good decision for this issue.

The next five Orthodox monuments located in the today's Buryat Republic was chosen by the author as a subject for the article: Posol'skii Spaso-Preobrazhensky Monastery (in Eng.: *Ambassadorial Monastery of Transfiguration of Lord Jesus Christ*), architectural ensemble of Sviato-Selenginskii Troitskii Monastery (in Eng.: *The Holy Trinity Selenga Monastery*), Sviato-Odigitrievskii Cathedral (in Eng.: *Virgin Hodegetria Cathedral*) in Ulan-Ude, Sviato-Troitskii Cathedral (*The Holy Trinity Cathedral*) in Kyakhta (a Buryatian town), Voskreseniia Khristova Church (in Eng.: *Church of the Resurrection of Lord Jesus Christ*) in Kyakhta. These are scheduled monuments, they are under state protection.

Based on the analysis of the archival documents, academic papers, several expeditions materials the author of the article presents historical experience of conservation and modern usage of the Russian Orthodox Church objects.

History of Posol'skii Spaso-Preobrazhensky Monastery (in Eng.: *Ambassadorial Monastery of Transfiguration of Lord Jesus Christ*) and Sviato-Selenginskii Troitskii Monastery (in Eng.: *The Holy Trinity Selenga Monastery*) shows a process of opening up and development of the West Transbaikalia. These monasteries are striking example of technical and architectural thought and are major culture complexes that influence on a cultural and spiritual face of the local community till now.

The Sviato-Odigitrievskii Cathedral (in Eng.: *Virgin Hodegetria Cathedral*) located in Ulan-Ude is an outstanding example of Siberian Baroque which is one of the first stone temple built in the capital of the Republic of Buryatia. The history of the cathedral is a case of an especial museumification that means its adaptation for anti-religious museum and then for the Museum of Buryatian History. The samples of the Russian classicism of the 19th century are Sviato-Troitskii Cathedral (*The Holy Trinity Cathedral*), Voskreseniia Khristova Church (in Eng.: *Church of the Resurrection of Lord Jesus Christ*); both located in Kyakhta, a Buryatian town. Today, the doors of The Voskreseniia Khristova Church (in Eng.: *Church of the Resurrection of Lord Jesus Christ*) that once had been called "music carved in stone", after 40 years of restoration are have been opened for people again.

So, Buryatian temples of the Russian Orthodox Church that kept till now and that are in renewal process, they have colossal significance in spiritual and moral

upbringing of the local society and they are still fulfilling an especial role in conservation of the unique cultural landscape of the region.

Keywords: *cultural heritage, Russian Orthodox Church, monastery, a cathedral, a church, renewal (conservation), museumification processes.*

References

1. *Burjatija v 1920–1930-e gg.* [Buryatia, the 1920s and the 1930s] // *Istorija Burjatii* [History of Buryatia]. Ulan-Ude, 2011. Vol. 3: The 20th and the 21st Centuries. Pp. 67–181. [In Russ.].

2. *Pamjatniki arhitektury i istorii* [Monuments of Architecture and History]. Ulan-Ude, 2010. Vol. I: Svod ob'ektov kul'turnogo nasledija Respubliki Burjatija [Corpus of Cultural Heritage Objects of the Republic of Buryatia]. 328 p. [In Russ.].

3. *Minert L. K.* Pamjatniki arhitektury Burjatii [Buryatian Samples of Architecture]. Novosibirsk, 1983. 190 p. [In Russ.].

4. *Tivanenko A. V.* «Hram opechatat', obshhinu razognat'!»: iz istorii zakrytija i razrushenija Posol'skogo Spaso-Preobrazhenskogo monastyrja v 1934 g. [“Close Down the Temple, Break Up the Believers’ Community!”: Excerpts on the History of Closing and Destruction of Spaso-Preobrazhensky Monastery / Monastery of Transfiguration of Lord Jesus Christ /, 1934] // *Dejatel'nost' Russkoj pravoslavnoj cerkvi v Zabajkal'e: istorija i sovremennost' (Efremovskie chtenija – II)* [The Russian Orthodox Church Activity in Transbaikalia: History and Modernity (The Second Efremov Readings)]. Ulan-Ude, 2005. Pp. 49–56. [In Russ.].

5. *Lbova L. V.* Rezul'taty arheologicheskoj jekspertizy territorii Posol'skogo Spaso-Preobrazhenskogo monastyrja (2002 g.) [Results of Archaeological Expertize of Territory of Posol'skii Spaso-Preobrazhensky Monastery / Ambassadorial Monastery of Transfiguration of Lord Jesus Christ / (2002)] // *Russkaja Pravoslavnaja Cerkov' v Sibiri: istorija i sovremennost'* [The Russian Orthodox Church in Siberia: History and Modernity]. Ulan-Ude, 2003. Pp. 78–84. [In Russ.].

6. *Zhalsaraev A. D.* Poselenija, pravoslavnye hramy, svjashhennosluzhiteli Burjatii XVII–XX stoletij [Settlements, Orthodox Churches, Priesthood in Buryatia, the 17th – 20th Centuries]. Ulan-Ude, 2001. 448 p.

7. *Khramy Burjatii* [Buryatian Churches]. Ulan-Ude, 2014. 172 p. [In Russ.].

8. *Tsyrempilova I. S.* Russkaja pravoslavnaja cerkov' i gosudarstvo: istorija vzaimootnoshenij v 1917–1930-e gg. (na materialah Bajkal'skogo regiona) [The Russian Orthodox Church and the Russian State: History of Relationship, 1917–1930s (A Case Study of the Baikal Region)]. Ulan-Ude, 2008. 300 p. [In Russ.].

9. *Kaulen M. E.* Muzeefikacija istoriko-kul'turnogo nasledija Rossii [Museumification of Russian Historical and Cultural Heritage]. Moscow, 2012. 432 p. [In Russ.].

10. *Tsyrempilova I. S.* Problemy sohraneniya i ispol'zovaniya pravoslavnogo kul'turnogo nasledija v kontekste gosudarstvenno-cerkovnyh vzaimootnoshenij v 1920–1930-h gg. (na materialah Bajkal'skogo regiona) [Difficulties of Preservation and Usage of Orthodox Cultural Heritage in Context of Interrelations Between The Russian Orthodox Church and the Russian State, the 1920s and 1930s (A Case Study of the Baikal Region)] // *Vlast' [Power]*. 2010. No. 7. Pp. 44–150. [In Russ.].

11. *Ochirova C.-H. V., Levitina L. F.* Muzeju istorii Burjatii im. M. N. Hangalova – 80 let. Hronika, sobytija, lichnosti [The 80th Anniversary of Khangalov Museum of the Buryatian History. Chronicles, Events, Personalities] // *Regional'nye muzei: nastojashhee i budushhee* [Regional Museums: Modernity and Future]. Ulan-Ude, 2003. Pp. 7–17. [In Russ.].

12. *Iz istorii religioznyh konfessij Burjatii* [Excerpts on the History of Religious Confessions of Buryatia. The 20th Century]. Ulan-Ude, 2001. 292 p. [In Russ.].

13. *Dulov A. V., Sannikov A. P.* Pravoslavnaja cerkov' v Vostochnoj Sibiri XVII – nachale XX vv. [The Orthodox Church in the East Siberia, the 17th century and the Beginning of the 20th Century]. URL: http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publications/church/about.html (20.04.2018). [In Russ.].

УДК 069.8::061.12(571.1/.5)ГПНТЬ СО РАН:719(4/5)

DOI: 10.32340/2541-772X-2018-1-97-101

О. Н. Шелегина, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия)
oshelegina@yandex.ru

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЕКТЫ ПО ОСВОЕНИЮ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ЕВРАЗИИ

Аннотация. В статье представлены новационные исследовательские тренды в изучении наследия: формирование мнемософии – науки о совокупной памяти общества; развитие историографического ресурса по проблемам освоения всех видов наследия; разработка концепта «освоение наследия». Дан анализ результатов проекта «Современные тенденции в актуализации исторического опыта формирования идентичностей в Сибирском регионе» (2016–2017 гг.; Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск, Россия); руководитель – О. Н. Шелегина). Показан социокультурный эффект и потенциал глобального проекта, посвящённого изучению Великого шелкового пути (ЮНЕСКО, с 1988 г.; Россия, с 2015 г.). Определена интегрирующая роль государственных (Российская Федерация, Республика Казахстан) программ в реализации международных и региональных проектов по освоению историко-культурного наследия Евразии.

Ключевые слова: Евразия, освоение наследия, мнемософия, исследовательские, социокультурные проекты, Великий шелковый путь.

Идеология проектирования является одной из целесообразных тенденций современной культуры, позволяющей выявить актуальные потребности и проблемы общества, обеспечить их изучение и реализацию в социокультурной практике на основе программ и проектов разных уровней от глобальных до локальных. Для дальнейшего развития этой перспективной тенденции, ее методологической и методической основы, расширения эмпирической базы программ считаем необходимым отразить новационные аспекты в области теории наследия, проанализировать актуальные исследовательские и социокультурные проекты по освоению наследия Евразии.

В эпоху глобализации как магистральная социокультурная тенденция позиционируется переход от декларировавшегося ранее использования наследия к его освоению [1]. Страны Европы и Азии, регионы Сибири в числе приоритетных социогуманитарных задач решают проблемы актуализации наследия, идентификации и музеефикации своей уникальной историко-культурной и природной среды [2]. Весьма значимым результатом проектной деятельности Международного совета музеев (ИКОМ) и Комитета музеологии стран Азии и Тихоокеанского региона (АСПАК ИКОМ), востребованным историографическим ресурсом является коллективная монография «Cultural heritage in Asian countries: from theory to practice» («Культурное наследие в странах Азии: от теории к практике»). Ученые из 11 стран мира представили результаты своих исследований по изучению, с использованием новых технологий, презентации научного и историко-культурного наследия, включения его в сферу туризма, а также креативные наследиеведческие проекты [3].

Актуальным исследовательским и социокультурным трендом в освоении наследия на международном уровне признана интеграция учреждений науки, образования, культуры. 40 известных и молодых музеологов из Китая, Монголии, России, Германии, Канады, Франции приняли участие в сборнике «Наука, образование, музеи: формы освоения наследия» [4], получившем высокую оценку общественности. В нем аккумулированы материалы II всероссийской научно-практической конференции «Современные тенденции в развитии музеев и музееведения» (Россия, Новосибирск, 2014), международного симпозиума АСПАК «Музей и культура» (Тайвань, Тайпей, 2015), а также результаты реализации проекта РГНФ 14-21-03501г(м) «Культурное и научное наследие в странах Азии: результаты и перспективы актуализации» (руководитель – О. Н. Труевцева). Учеными и практиками выявлены и обобщены традиционные и новые формы освоения наследия, опыт реализации научно-образовательных программ и внедрения проектных технологий в сфере наследия.

Формулировка «освоение наследие» начинает постепенно входить в научный оборот, но концепт

(ментальное образование, базовая единица культуры и любой коммуникации, играющая решающую роль в процессах познания) «освоение наследия» до настоящего времени не разработан. М. Е. Каулен предлагает рассматривать освоение наследия как «универсальный способ сохранения наследия, остающегося живым и действенным даже когда та или иная форма бытия культуры перестает существовать физически. Освоенная социумом культурная форма, обретает свое духовное бытие и способность воплотиться в иной форме культуры иного времени и пространства» [1, с. 9]. С учетом нашей концептуальной разработки «музейный мир Сибири», анализа релевантной литературы и репрезентативной международной эмпирической базы на данном этапе исследования предлагаем следующее авторское определение. Освоение наследия можно рассматривать как совокупность процессов выявления, изучения, сохранения, реставрации и реконструкции, дегитализации, музеефикации объектов материального и нематериального наследия, трансляции в региональное, национальное и мировое социокультурное пространство системы знаний, обеспечивающих современное и перспективное государственное и общественное значение объектов наследия. Апробация этого варианта концепта будет осуществляться в пространстве мнемософии которая может стать глобальным исследовательским проектом.

Создание мнемософии, как науки о публичной памяти, инициировано и активно продвигается всемирно известным теоретиком и практиком музейного дела, сербским профессором Томиславом С. Шола. Он убежден, что «Наследие и публичная память должны служить обществу, должны помогать решать современные проблемы и строить достойное будущее» [5, с. 10]. Одним из базовых тезисов его концепции является: «Культура в широком смысле всегда включает в себя наследие так же, как наследие включает в себя идентичность» [5, с. 47].

В этой парадигме реализован проект «Современные тенденции в актуализации исторического опыта формирования идентичностей в Сибирском регионе» (Институт истории СО РАН, 2016–2017 гг., руководитель – О. Н. Шелегина). Впервые осуществлялось исследование социокультурных практик институций (музеев, архивов), связанных с освоением наследия как базового источникового ресурса для самоидентификации коллективной и индивидуальной, личностной идентификации, определения направлений и результатов формирования «нарративов идентичности», репрезентируемых в наследии. Основным результатом проекта, расширившими пространство объективного научного знания и имеющим значительную степень научной новизны и социальной значимости является определение современных социокультурных тенденций, связанных с освоением наследия. К их числу относятся:

– формирование и развитие топов с профессиональной идентичностью (Новосибирский Академгородок, микрорайон АБ наукограда Бийск) как феноменов регионально-локальной идентичности, с репрезентативным наследием, освоение которого обеспечивает гармонизацию социокультурного пространства. Перспективным является придание таким топам статуса достопримечательных мест разных уровней (от муниципального до федерального);

– освоение научного наследия эффективно осуществлять на новом методологическом и технологическом уровне с созданием и использованием интернет-ориентированных ресурсов. «Открытый архив СО РАН» (<http://odasib.ru>) – электронная система накопления, представления и хранения научного наследия носит универсальный характер, позволяющий успешно решать гносеологическую задачу повышения уровня доступности памятников материального и нематериального наследия в нашей стране и за рубежом;

– кардинальные изменения, новации в музейном мире, связаны с эволюцией местного музея – от музея местного края к новому типу музеев локальной истории, выполняющих миссию по актуализации и комплексному освоению наследия, формированию, с учетом локальной идентичности, привлекательного образа территории необходимого для экономического и социокультурного развития регионов.

Как актуальный и перспективный исследовательский и социокультурный тренд была выделена потребность в создании адекватной современным условиям развития науки и общества новационной системы освоения наследия, направленной на продвижение позитивного имиджа Сибирского региона, укрепление российской идентичности, интеграции в социокультурное пространство Евразии. Организационная структура этой системы должна строиться с учетом опыта реализации программ и проектов, связанных с комплексным подходом к освоению наследия на глобальном, национальном, региональном и локальном уровнях.

В этой связи следует отметить, что в эпоху глобализации начинают активизироваться процессы, связанные с изучением и использованием в креативной экономике линейного (протяженного) наследия. В 1988 г. ЮНЕСКО начал проект «Интегральное изучение Шелкового пути – пути диалога», рассчитанный на 10 лет. Благодаря полученным результатам и общественному резонансу этот беспрецедентный по масштабу проект был пролонгирован, создана on-line – платформа для развития научно-информационной коммуникации. Показательно замечание заместителя министра культуры России Аллы Маниловой, о том, что «без науки, разработок историко-документального контекста Шелкового пути приступить к нему (проекту – О. Ш.) не стоит» [6]. Россия присоединилась к этому глобальному проекту в 2015 г. В настоящее время в нем, при координирующей роли Республики Хакасия, участвует 28 российских регионов. На VII Международном культурно-туристическом форуме «Историко-культурное наследие как ресурс социокультурного развития» – «Сибирь Ил» (Республика Хакасия, 2017 г.) прошли пленарное заседание по теме «Культурно-цивилизационный пояс Великого шелкового пути: новая эпоха», выставка современного искусства. При участии ИКОМ России состоялась презентация Всероссийского культурно-познавательного туристического проекта и одноименной выставки «Великий шелковый путь. Сибирская дорога». В ее научную основу были положены и результаты проекта «Культурно-историческое наследие России в контексте культурно-познавательного проекта «Великий Шелковый путь» (руководитель – Грусман В. М.). Этнографические и этноконфессиональные феномены наследия в нем рассматривались в максимально широком хронологическом диапазоне, использовались материалы реконструированных этнографических комплексов, музеев под открытым небом, музеев-заповедников, «этнодеревень» из Республик Южной Сибири: Тывы, Алтая, Хакасии, Кемеровской области. Внимание посетителей выставки привлекала интерактивная карта, отражающая маршрут Шелкового пути, миграции народов, развитие государств в исторической динамике и дававшая возможность пройти по стопам знаменитых исследователей и путешественников. Специалисты из разных регионов России, Монголии, Китая поделились опытом и обменялись мнениями по реализации проектов, открывающих новые возможности межрегионального и международного сотрудничества, отметили важность системного подхода в проектном управлении. Наличие материалов, относящихся к освоению мирового наследия (например, в музее Чуйского тракта (г. Бийск), могут стать основанием для интеграции в глобальный проект на российском уровне.

В Сибирском федеральном округе (г. Омск) разработан и апробируется проект (авторы – В. Г. Рыженко, Л. И. Рыженко), объединяющий локальные практики актуализации историко-культурного наследия регионов вокруг мест исторической памяти [7]. Программа «Сибирский тракт» с открытым электронным ресурсом (<https://sibtract.ru/>) может обеспечить интеграцию в освоение наследия и долгосрочный ресурс развития территорий. В этом тренде интерес представляет и туристический маршрут «Казачья подкова Алтая», включающий знакомство с 16 объектами историко-культурного и природного наследия, 5 музеями, ориентированный на погружение в культуру и быт казаков с конца XVIII в., охранявших границы Российской империи.

В современный период в ряде стран Евразии имеются государственные программы и проекты, интегрирующие процессы актуализации и освоения наследия с официальной политикой мест памяти, учетом национальной и региональной специфики. В Республике Казахстан успешно работает стратегическая программа «Культурное наследие» – «Мәдени мұра», обеспечивающая развитие и укрепление национального самосознания казахстанцев через богат-

ство культурного наследия народа; открытие миру богатства национальной духовной сокровищницы; создание системы изучения национального культурного наследия: истории, философии, этнографии, языка, литературы, живописи, музыки. В Российской Федерации реализуется государственная программа «Развитие культуры и туризма» на 2013–2020 гг., включающая подпрограмму «Наследие», направленную на сохранение культурного и исторического наследия народа, обеспечение гражданам доступа к культурным ценностям. В ее контексте формируются и реализуются соответствующие региональные программы и проекты. В рамках сотрудничества Института археологии и этнографии СО РАН, и Министерства региональной политики Новосибирской области (НСО) издан этноконфессиональный атлас Новосибирской области. Проект носит долгосрочный характер с целью формирования «поликультурности как одного из важнейших навыков адаптации и очень важного ресурса российского сообщества...» [8]. Подобный опыт внедрения результатов научных исследований в социокультурную практику заслуживает дальнейшего распространения.

Важное значение имеют и проекты с выраженной молодежной составляющей. В рамках проекта «Россия и Казахстан: от соседства к добрососедству» (Алтайский край, Павлодарская область, руководитель – Т. Буканович), нацеленного на развитие общественной дипломатии был проведен Конкурс агитационных плакатов для школьников и студентов на тему «Добрососедство». Работы 12 победителей (в возрасте от 12 до 22 лет), ярко отражающие отношение молодежи к межкультурным контактам, наследию были опубликованы в специальном альбоме. В культурно-образовательном проекте «Мы – земляки» (музей «Заельцовка» филиал Музея Новосибирска, автор, руководитель – Е. В. Макарова) на основе представления в областном центре выставок районов НСО ведется формирование у подрастающего поколения гражданской и регионально-локальной идентичности. Этому способствует и проведение одноименной историко-краеведческой интернет-викторины, разработка молодежного проекта «Социокультурная разведка “Живые сокровища наши”», который может быть адаптирован к применению в других регионах нашей страны [9].

В целом, с учетом анализа вышеизложенного можно выделить новационные глобальные перспективные исследовательский (создание новой науки о публичной памяти – мнемософии) и социокультур-

ный (Великий шелковый путь) проекты. Приоритетную роль в освоении наследия Евразии играют государственные программы, интегрирующие региональные и локальные наследиеведческие проекты. Вместе с тем, солидаризируясь с мнением В. Г. Рыженко и Л. И. Рыженко о том, что «идея создания целостного представления о наследии регионов России как символическом капитале устойчивого развития территорий и истории как живой энергии, соединяющей прошлое настоящее и будущее, пока не стала системообразующей» [7, с. 40], считаем целесообразным инициировать комплексный (исследовательский и социокультурный проект), действующий в рамках международного научно-практического форума «Культура евразийского региона». Концепция проекта с вариантом названия «Освоение наследия Евразии» может быть определена с использованием форсайт-технологий. Проект может стать шагом на пути к созданию новой профессии, которая связана с наукой, с наукой о наследии и должна бороться за мудрость в обществе [5, с. 12; 8].

Список литературы

1. Каулен М. Е. Музеефикация историко-культурного наследия России. Москва, 2012. 432 с.
2. Новации в музейном мире. На пути к музею локальной истории нового типа. Новосибирск, 2017. 190 с.
3. *Cultural Heritage in Asian Countries: from Theory to Practice*. Pavlodar, 2015. 227 p.
4. *Наука, образование, музеи: формы освоения наследия*. Барнаул, Новосибирск, 2016. 204 с.
5. *Шола Томислав С. Мнемософия. Эссе о науке публичной памяти*. [Ростов-на-Дону]: Ростов Великий, 2017. 320 с.
6. *Заблоцкая Д.* Сибирская дорога Великого шелкового пути // *Комсомольская правда*. 2017. 28 июня.
7. *Рыженко В. Г., Рыженко Л. И.* Возможности актуализации историко-культурного наследия в рамках партнёрской программы «Сибирский тракт» // *Четвертые Ядринцевские чтения*. Омск, 2017. С. 40–42.
8. *Новосибирская область: этноконфессиональный атлас*. Новосибирск, 2017. Ч. 2: Праздники и фестивали. 212 с.
9. *Шелегина О. Н., Овчинникова А. Е.* Молодёжный проект «Социокультурная разведка “Живые сокровища наши”» // *Роль проектной деятельности в развитии музеев*. Рязань, 2018. С. 114–124.

Olga N. Shelegina, Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher
Institute of History
of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia)
oshelegina@yandex.ru

RESEARCH, SOCIAL AND CULTURAL PROGRAMS ON HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE DEVELOPMENT

Summary. Today's projection activity on the Eurasian historical and cultural heritage development is im-

portant in theoretical, geopolitical, social, and cultural aspects. The article bases on Russian and foreign histo-

riographical informational materials, gives some results of the analysis several projects devoted to a questions of conservation and development of the world, Russian and local heritage to define modern and perspective trends of progress on this issue. The author have found that within a framework of the key tendency earlier tied up with usage of the historical and cultural heritage now there are new processes related to studying and museumification of unique historical and cultural, and natural environment, also to search of effective forms of work with heritage in the Eurasian countries, Siberian areas.

The notion of “*historical and cultural heritage development*” progressively introduces into scientific discourse, but its basic concept had not been spelled out in details till now. The author outlines its definition for public discussion. Tomislav Sladojević Šola’s initiative on creation of *mnemosophy* as science of public can be considered as innovative project for understanding the origin and mission of the heritage.

The main results of research project “*Modern Tendencies in Actualization of Historical Experience of Identities Forming in the Siberian Region*” (leded by Institute of History of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences in 2016/2017; scientific chief: Olga Shelegina, Dr. of Historical Sciences, leading researcher) show reasonability of Siberian heritage development system, of strengthening of a Russian’s identity, of integration into social and cultural space of the Eurasia.

The next projects focused on the development of extended heritage have perceptible geopolitical, social and cultural effect and potential: “*Integrated Research if the Silk Road*” (UNESCO, since 1988), All-Russian cultural and informative touristic project “*The Silk Road. The Siberian Path*” (since 2015), “*The Siberian Tract*”, “*The Altaian Cossacks’ Horseshoe*” (Siberian Federal District).

Government programs in the Eurasian countries play the leading role in process of actualization of historical and cultural heritage objects related with national politics of memorial places, a person’s regional and local identity. In accordance with this, international and regional social and cultural projects with the big youth’s presence are fulfilled.

In general, the author concludes that international and government programs included the world, regional and local heritological projects have prior position in the process of the Eurasian historical and cultural heritage

development. Synergetic effect can be acquired in process of elaboration interdisciplinary project realized in frameworks of “*Culture in the Eurasian Space*”, international scientific and practical forum (Barnaul, Russia).

Keywords: *Eurasia; historical and cultural heritage development; mnemosophy; research, and social and cultural projects; the Silk Road.*

References

1. Kaulen M. E. Muzeifikacija istoriko-kul'turnogo nasledija Rossii [Museumification of Russian Historical and Cultural Heritage]. Moscow, 2012. 432 p. [In Russ.].
2. Novacii v muzejnom mire. Na puti k muzeju lokal'noj istorii novogo tipa [Innovations in the Museum World. Toward Local History Museum of a New Type]. Novosibirsk, 2017. 190 p. [In Russ.].
3. *Cultural Heritage in Asian Countries: from Theory to Practice*. Pavlodar, 2015. 227 p. [In Eng.].
4. *Nauka, obrazovanie, muzei: formy osvoenija nasledija* [Science, Education, Museums: Forms of Heritage Development]. Novosibirsk, 2016. 204 p. [In Russ.].
5. Šola T. S. Mnemosofiya. Esse o nauke publichnoj pamyati [Mnemosophy. Essay On the Science of Public Memory]. [Rostov], 2017. 320 p. [In Russ.].
6. *Zablockaja D. Sibirskaja doroga Velikogo shelkovogo puti* [The Siberian Path of the Silk Road] // *Komsomolskaya Pravda* [Young Communists' Truth]. June 28, 2017. [In Russ.].
7. Ryzhenko V. G., Ryzhenko L. I. Vozmozhnosti aktualizacii istoriko-kul'turnogo nasledija v ramkah partnerskoj programmy «Sibirskij trakt» [Perspectives of Actualization of the Historical and Cultural Heritage Within the Framework of the Affiliate Program «The Siberian Tract»] // *Chetvertye Jadrincevskie chtenija* [The 4th Nikolai Yadrintsev Readings]. Omsk, 2017. Pp. 40–42. [In Russ.].
8. *Novosibirskaja oblast: etnokonfessionalnyj atlas* [Novosibirsk Region: Ethnic Groups and Faith Communities Atlas]. Novosibirsk, 2017. Pt. 2. Holidays and Festivals. 212 p. [In Russ.].
9. *Shelegina O. N., Ovchinnikova A. E. Molodezhnyj proekt «Sociokul'turnaja razvedka “Zhivye sokrovishha nashi”»* [“Social and Cultural Exploration ‘Live Treasures of Ours’”, the Youth Project] // *Rol' proektnoj dejatel'nosti v razvitii muzeev* [The Role of Project Activities in Museums Development]. Ryazan, 2018. Pp. 114–124.

РАЗДЕЛ VI

СОВРЕМЕННЫЕ ИСКУССТВОВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

УДК [176.7+7.01:111.85]:130.2(4/5)
DOI: 10.32340/2541-772X-2018-1-102-106

М. В. Москалюк, доктор искусствоведения, профессор,
Красноярский государственный институт искусств (Красноярск, Россия)
mawam@rambler.ru

ВЫЗОВЫ ГЛОБАЛИЗМА В ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ИСКУССТВО И НЕ-ИСКУССТВО

Аннотация. Публикация фокусирует внимание на целом ряде радикально отрицательных следствий культурной глобализации: агрессивная экспансия массовой низкопробной культуры, нивелировка национальных культурных ценностных систем, общественная терпимость по отношению к идеям морального нигилизма, транслируемым в формате этически спорных культурных акций.

В статье реактуализуется вопрос о границах творческой свободы этически индифферентного художника, художественный язык которого сознательно игнорирует общепринятую дифференциацию категорий добра и зла, «высокого» и «низменного». Автор аргументирует необходимость формулировки компромиссного варианта критериев оценки произведений художественного творчества, с помощью которых возможно отличить подлинное произведение искусства, обладающее несомненной эстетической ценностью, от продукции массовой культуры. Произведение современного искусства, по замечанию автора, не может оперативно и достоверно получить однозначной положительной или отрицательной оценки, однако обязательным условием, строго определяющим его ценность для культуры, должно быть соответствие его формы высокому уровню исполнения, поскольку произведения, не отвечающие критерию эстетичности, остаются за границами мира искусства. Автор отмечает, что без освоения ценного национального духовного и художественного опыта творческий прогресс художника невозможен; авторская позиция близка философским взглядам деятелей русского евразийства на вопросы культурно-эстетического порядка.

Ключевые слова: культурная глобализация, евразийское пространство, мировоззренческие ценности, границы творческой свободы художника, национальные традиции.

Термин глобализм и стоящее за ним понятие глобализации регулярно используется на разных уровнях: от публикаций в СМИ до дискуссий на площадках значимых экономических и научных форумах. Под глобализацией общепринято понимать процесс всемирной экономической, политической, культурной и религиозной интеграции и унификации. В России и многих других странах глобализация нередко отождествляется с американизацией. Подобная ситуация обусловлена влиянием Соединенных Штатов Америки в различных сферах человеческой жизнедеятельности. Голливуд выпускает большую часть фильмов для мирового проката. В Америке берут своё начало мировые корпорации: Microsoft, Intel, AMD, Coca-Cola, Apple, Procter&Gamble, Pepsi и многие другие. Своеобразным символом глобализации, присутствующим в подавляющем числе больших и малых городов Европы, Азии, России, стал McDonald's. Города Сибири не являются здесь исключением. На данном фоне актуализируется созда-

ние союзных форм сотрудничества, обладающих региональной спецификой и продвигающих собственные программы развития. Особенно активно данные процессы протекают сегодня в евразийском регионе. Назовем наиболее масштабные объединения: ЕАЭС (Евро-Азиатский экономический союз) – международная организация региональной экономической интеграции, обладающая международной правосубъектностью и учреждённая Договором о Евразийском экономическом союзе; ШОС (Шанхайская организация сотрудничества) – международная организация, основанная в 2001 году лидерами Китая, России, Казахстана, Таджикистана, Киргизии и Узбекистана.

Глобализация в целом – многогранная проблема мирового сообщества, но предметом внимания в данном исследовании является исключительно культура и искусство. Необходимо сразу подчеркнуть, что евразийское пространство в нашем контексте рассматривается не столько как географический регион, сколько совокупность исторических, культурных,

религиозных императивов, формирующих современную социальную картину.

Обращаясь к проблематике современной культуры и искусства, отметим, что в программных документах международных и всероссийских конференций последних двух-трех лет на обсуждение научного сообщества неизменно выносятся следующие ключевые вопросы:

культурное наследие в условиях глобализации,
критерии художественности и трансформация природы искусства в условиях глобализации,
глобальный мир и культурная идентичность,
противоположность духовно-мировоззренческих ориентаций рыночного и художественно-эстетического сознания,

значение классического художественного наследия в современной культуре,

изменения форм и методов художественной деятельности в традиционном их понимании, статуса произведения искусства и т. п.

Не является исключением и II Международный научно-практический форум «Культура евразийского региона» (Барнаул, май 2018 года), который задачами своей работы ставит «привлечение устойчивого академического интереса к актуальным проблемам сохранения и трансляции культуры исторической и современной Евразии». Почему же со стороны культуры и искусства в евразийском пространстве глобализация вызывает столько опасений у научного и художественного сообщества, находится в зоне столь пристального внимания?

Задача культуры современного общества – формирование мировоззренческих ценностей, их трансляция и сохранение. Именно для этого человечество выработало уникальный язык, не знающий временных границ, не требующий перевода – это язык искусства. На языке искусства через страны и континенты, через века и тысячелетия мы говорим о высоком, о духе и душе, о любви и верности, о красоте и гармонии, о материнстве и подвиге, о многом другом, без чего наша жизнь стала бы бессмысленной и плоской, возможно, и вовсе не состоялась бы на планете Земля.

«Vita brevis, ars longa» – так на латыни прозвучала в изложении римского философа-стоика, поэта и государственного деятеля Сенеки знаменитая фраза величайшего врача Древней Греции Гиппократ. «Жизнь коротка – искусство вечно», нередко повторяем и мы вслед за древними римлянами. Тезис о том, что человеческая жизнь коротка, вряд ли вызовет споры, а вот антитезис, что искусство вечно требует уточнений и разъяснений. Это особенно очевидно, когда мы соприкасаемся с современным нам искусством, в процессе восприятия которого зачастую не о вечности думаем, а задаём себе вопрос, является ли данный арт-объект, перформанс или акция, музыкальная какофония, вульгаризированная театральная постановка собственно искусством?

Именно в сфере современного искусства отчетливо выкристаллизовываются основные вызовы глобализма:

утрата, размывание национальных культурных ценностей;

экспансия массовой низкопробной культуры;

политкорректность по отношению к деструктивным идеям, элементам, акциям.

Отсюда ясна обеспокоенность состоянием современных культурных и художественных процессов, где понятие нормы и допустимых границ авторского высказывания размывается и становится все более невинным. Необходимость оценочных критериев определяется тем, что в области современного искусства неизбежны и обязательны острейшие споры, «что такое хорошо и что такое плохо»? что хочет сказать нам автор? где границы допустимого в авторском художественном творении?

Современное искусство, как сфера духовной самореализации человека и способ образного переосмысления действительности, не может и не должно восприниматься однозначно, как не может быть однозначным современный социум. История искусства демонстрирует, что в данной области деление «плохое-хорошее» бывает изменчивым, не постоянным. И то, что не принималось при своем появлении на свет критикой, со временем может считаться общепринятым шедевром. Критерии оценки «искусства» и «не-искусства» также меняются во времени, но есть несколько позиций, которые остаются и должны оставаться неизменными. В обозначенных выше вызовах глобализма их формулирование нам представляется крайне актуальным.

Прежде всего, остановимся на сложнейшем вопросе: где пределы допустимой свободы, где границы авторского самовыражения? В изобразительном искусстве легко проследить, что в мировом художественном наследии есть достаточно большая группа работ, содержание которых далеко выходит за рамки общепринятой человеческой морали. Вспомним, например, мрачного фантаста, «почетного профессора кошмаров» нидерландца Иеронима Босха (около 1450–1516). Для нормального человека очевидна противоестественность, абсолютная чуждость предложенных им совмещений в одном персонаже человеческого и звериного, живого и мертвого, антропоморфного и машинного, физического совершенства и сексуальной извращенности. Вершинами творчества великого испанского художника Франциско Гойи (1746–1828) справедливо считаются циклы офортов «Капричос», «Тавромахия», «Диспаратес», где перенасыщенные интеллектуальными призраками листы будоражат воображение выходом в сферу мира жестокости, насилия, предательства, извращения, что на бытовом, каждодневном уровне существования человека абсолютно не приемлемо. И, наконец, ярчайший в этом ряду пример – сюрреалист Сальваторе Дали (1904–1989), откровенно шокирующий содержанием своих больших и малых творений. В беспредельной фантазии монструозных мотивов Дали идет дальше и Босха, и Гойи.

Но вполне цивилизованные и добропорядочные граждане считают данных мастеров своими любимыми художниками, обращаются к их творчеству на протяжении всей жизни. Почему, за счет чего Босх, Гойя, Дали и другие мастера могут не только вторгаться в запретную зону, на которой человеческая мораль раз и навсегда поставила табу, но и предъявлять человечеству чуждое и запретное несметное число раз? Ответ однозначен. Одновременно с безобразным данные художники с полнотой и глубиной выразили красоту и богатство реальной действительности, при всех запредельных аспектах содержания сохранили кипящее и волнующее ощущение жизни. Колористическая и композиционная красота творений Босха, Гойи, Дали безупречна. Глубокие проникновения в сокровенные, запретные пласты внутреннего мира человека прочно спаяны в их работах с высочайшим уровнем художественности, что являлось и будет всегда являться основным оценочным критерием значимости произведения искусства.

Итак, выход за границы человеческой морали в сфере искусства вполне допустим, в истории искусства тому есть немало ярчайших примеров. Но убедительным и нужным человечеству такой выход будет только при условии, что он совершен по самым высоким законам искусства. Облаченное в эстетическую форму «греховное, темное, чужое» перестает угрожать «светлому, чистому, своему», держит необходимую дистанцию, перестает быть опасным. Неслучайно эстетические категории бинарны: прекрасное – безобразное, возвышенное – низменное, трагическое – комическое.

Тревожно-беспокойный, галлюцинирующий, ирреальный мир, где находят свое воплощение тайные монстры человеческого сознания, воссозданный в безупречных художественных формах великих творцов в конкретных произведениях искусства, как бы ни было это парадоксально, необходим для сохранения человеческой морали, для очищения и оздоровления человеческой души. Через идеальную художественную форму временно (процесс восприятия произведений искусства всегда имеет временные границы) снимается табу с абсолютно запретного в реальном человеческом бытии. Думается, именно таким образом через искусство, через эстетическую форму человечеству в целом, и каждой конкретной личности в частности, не только возможно, но и необходимо соприкоснуться с «запретным, темным». Освоенное через мир искусства оно перестает быть тайным и страшным, следовательно, можно найти механизмы его распознавания, осознания и регулирования.

Наряду с высокой художественной формой, вторым критерием, позволяющим прогнозировать необходимость и жизненность произведения искусства в современном мире, обозначим не разрушительный, а созидательный со стороны этических норм характер его содержания. Необходимо наличие в самом языке, в самом изобразительном тексте произведения таких

приемов (в каждом случае индивидуальных, присущих только конкретному автору), которые помогают разделить «прекрасное-безобразное», «возвышенное-низменное», «трагическое-комическое». «Произведение искусства не только сообщает, информирует, но и провоцирует некую эстетическую деятельность читателя, зрителя, слушателя. Произведение искусства рассчитано в акте своего творения не только на пассивное восприятие, но и на активное соучастие», – писал Д. С. Лихачев [1, с. 62]. В этом процессе активного соучастия зритель и должен иметь возможность, в конце концов, приобретать позитивный этический и эстетический опыт.

Далее в попытках определения критериев, позволяющих оценивать произведение современного искусства как необходимый не только их создателю, но и человечеству в целом опыт образного переосмысления действительности, опыт духовного познания и самопознания, обратимся еще раз к мысли Дмитрия Сергеевича Лихачева. В статье «Искусство памяти и память искусства» он констатирует: «Что давало каждому народу, например, обращение к национальным корням? Если это обращение не было продиктовано узким национализмом, стремлением огородиться от других народов и от их культурного опыта, оно было плодотворным, ибо расширяло и разнообразило культуру данного народа, обогащало его эстетическую восприимчивость. Ведь каждое обращение к старому в новых условиях было всегда новым. Обращение к старому, возрождение старого, сохранение его – это не отказ от нового, это новое понимание старого, своих корней, это ощущение себя в истории. Задержку в развитии создает не приверженность к истокам, а отказ двигаться вперед». И далее: «Ценность культуры прежде всего определяется тем, как она создавалась, какая в ней «заложена память». Если культура создавалась путем накопления многовекового опыта, она не может быть низкой. Если она создавалась путем отрицания всего предшествующего, то это вообще не культура» [2, с. 73]. Полностью разделяя данную позицию, хотелось бы заострить ее злободневность для современного художественного процесса, ведь один из основных вызовов глобализации – это утрата, размывание национальных культурных ценностей.

Искусство не создается из ничего. Предшествующий опыт техник и технологий, языка и формы, национального и интернационального в конкретной творческой практике может декларироваться как необходимый, важный или, наоборот, как отвергнутый, преодоленный, ненужный. Созданное в результате творческого акта произведение зачастую несет смыслы, которые сам автор предполагает скрытыми. Не забудем также, что произведение оживает, перестает быть предметом из определенного материала (краски и холста в живописи, металла, камня, дерева в скульптуре) только в диалоге со зрителем. Единственное условие диалога-воскрешения – процесс восприятия искусства. Само же восприятие есть

такой же активный творческий акт созидания идеальных смыслов из реальной материи, как и акт создания данного произведения. Получается, что произведение всегда говорит само за себя, какую бы глубокую концепцию по его прочтению нам не предлагали извне. Зачастую декларативно автор отвергает наличие той или иной традиции, но сам текст произведения показывает иную ситуацию.

Выше, пытаясь сформулировать основные оценочные критерии современного искусства в эпоху глобализации, мы адресовались к общепризнанным примерам подлинного искусства, прочно вошедшего в число мировых художественных ценностей. В ряду Гойи, Босха, Дали вряд ли корректен будет пример Олега Кулика, однако позволим его себе. Акция «человек-собака», тридцатилетняя «зоофрения» (так Кулик определил свое направление) стала достоянием не только российской, но и мировой общественности, так как в образе собаки он объездил Европу и Америку. Сама эта акция (как впрочем, и все другие акции Кулика) является ярчайшим примером политкорректности по отношению к деструктивным идеям. Рассматривать акции Кулика в категориях искусства бессмысленно, но необходимо заострить внимание, как легко в современных манипуляциях общественным сознанием «низменное» выдается за «высокое». Арт-критика вокруг Кулика позиционирует его не просто гением, а истинно «русским художником». Вот короткие цитаты Марата Гельмана: «Олег стал самобытным художником, который в своем творчестве проявляет русский характер, русскую дикость. С одной стороны, он опустил человека до собаки, с другой стороны, продемонстрировал равенство человека и животного, основу русской этики». «Вот эта его обостренность на этических проблемах – истинно русская черта, и его юродство – тоже» [3]. К сожалению, не замечать подобные перевертыши нельзя, многими данные сентенции воспринимаются абсолютно серьезно. В процессе глобализации, в период намеренного стирания нравственных границ в сфере искусства активность деструктивных направлений вызывает самую серьезную тревогу. Новое содержание масс-культуры именно благодаря глобализму (в данном случае выгодной определенным политическим кругам всемирной унификации) транслируется настойчиво и агрессивно. Поэтому мы и говорим о необходимости присутствия объективных критериев оценки в современном разговоре об искусстве.

Подводя итоги, еще и еще раз подчеркнем, что в вызовах глобализма оценочные критерии современного искусства необходимы. В обобщенной форме их можно суммировать следующим образом:

– высокий уровень художественной формы; в мир искусства не входят произведения, выпадающие из сферы эстетического;

– разделение «добра» и «зла», «высокого» и «низменного» согласно нормам общечеловеческой морали;

– освоение мирового и национального духовного и художественного опыта, претворение традиции.

Заостренность нашей проблематики привела к тому, что понятие глобализации выше рассматривалось исключительно в негативном аспекте. Это не совсем верно. Для современной эпохи культурной глобализации характерно сближение между разными странами мира, рост международного общения и обмен лучшими достижениями. Все более развитым становится международный культурный туризм, что приводит к популяризации отдельных видов той или иной национальной культуры по всему миру. Очевидно также, что положительными факторами являются такие возможности современного мира, как выходящие на экраны одновременно во многих странах лучшие кинофильмы, перевод и популяризация у читателей разных стран шедевров литературы, благодаря TV возможны мировые премьеры и многое другое. Очевидно, что в культурной глобализации повсеместное распространение Интернета играет в определенных сферах положительную роль. Понимая реальную опасность обозначенных в начале публикации негативных вызовов глобализации, мы ни в коем случае не ведем речь о «железном занавесе» на евразийском культурном пространстве, о запрещении смелых и неоднозначных творческих экспериментов. Но воспитание в самых различных социальных слоях (юношество, студенчество, бизнес и политические элиты) умения отличать подлинные художественные и духовные ценности от вульгарного суррогата сегодня как никогда актуально.

Несомненно, что именно в сфере искусства глобализация осуществилась давным-давно и многосторонне. Искусство тысячелетиями успешно существует без языковых границ (не зная испанского, итальянского, арабского и сотен других языков, мы в полной мере постигаем великие создания мира). Кроме того, благодаря искусству мы легко преступаем и временные границы, ведь наскальные рисунки первобытных людей не менее ценны для нас сегодня, чем уже упомянутые шедевры Босха, Гойи, Дали. С другой стороны, существуя в общечеловеческих категориях этических и эстетических ценностей, именно искусство позволяет нам понять и почувствовать уникальность чужой культуры, индивидуальность чужой души, основы чужой религии. Таким образом, в глобальном масштабе подлинным искусством создается исключительно продуктивный диалог, способствуя развитию человеческой цивилизации.

Критерии различения искусства и не-искусства всегда пролегли и в будущем также должны пролежать на уровне высоких норм общечеловеческой морали и общечеловеческих ценностей. В продвижении данного тезиса в полной мере можно опереться на активно изучаемую сегодня философию евразийства. В целом она оставила нам сложное и отнюдь не однозначное по своему составу наследие, но наиболее содержательным и перспективным в феномене евразийства нам видится именно культурно-эстетический аспект, с его настойчивыми поисками особой гармонизирующей силы,

необходимой для преобразования действительности. В широкой сфере евразийства пристально рассматривались вопросы культуры. В трудах религиозного философа, протоиерея Георгия Флоровского (1893–1979), философа, историка, поэта Льва Петровича Карсавина (1882–1952), философа и публициста князя Николая Сергеевича Трубецкого (1890–1938) ставились самые высшие задачи духовного содержания и идеального предназначения человека. Большие идеи евразийской концепции в части поиска гармоничного равновесия и симфонического содержания человеческой личности, отказ трактовать человека как машину потребления и наслаждения крайне актуальны для современности.

Список литературы

1. Лихачёв Д. С. О «неточности» искусства и несколько мыслей о стилистических направлениях // Очерки по философии художественного творчества. Санкт-Петербург, 1999. С. 59–73.
2. Лихачёв Д. С. Искусство памяти и память искусства // Критика и время. Ленинград, 1984. С. 68–74.
3. Репина С. Метаморфозы Олега Кулика. URL: https://daily.afisha.ru/archive/gorod/archive/oleg_kylik/ (5.02.2018).

Marina V. Moscaluk, Doctor of Art Criticism, Professor,
Krasnoyarsk State Institute of Arts (Krasnoyarsk, Russia)
mawam@rambler.ru

CHALLENGES OF GLOBALIZATION IN THE EURASIAN SPACE: ART AND NON-ART

Summary. The paper focuses on some extremely negative consequences of cultural globalization process, such as the mass culture's aggressive expansion, elimination of ethnic cultural systems, public tolerance to ideas of moral nihilism that are outspreaded in a format of ethically disputable cultural events. The author re-arises a question about borders of creative freedom of an ethically indifferent artist whose artistic language consciously ignores the distinguishing the kindness and the evil, as well as hierarchy in "high" and "low" genres of art.

The author argues a need of elaborating compromise version of assessment criteria for work of artistic creativity whereby it is possible to distinguish the true masterpiece with doubtless aesthetical value from mass culture production. A work of contemporary art, in the author's opinion, cannot be positively or negatively rated quickly and reliably but essential condition for its value definition for culture should be accordance of its form with high-level of its performance because work of art that does not meet the aesthetics criteria is leaved behind the edges of art world. The author notes that an artist's creative progress is impossible without his or her in-depth

knowledge of motherland's precious spiritual and artistic experiences. On this count, the author's viewpoint is close to the Eurasianists' standpoint concerning cultural and aesthetics questions.

Keywords: cultural globalization, the Eurasian space, worldview values, borders of an artist's creative freedom, ethic cultural traditions.

References

1. Likhachov D. S. O «netochnosti» iskusstva i neskol'ko myslej o stilisticheskikh napravleniyah [On "Inaccuracy" of the Art and Some Thoughts About Stylistic Directions] // Ocherki po filosofii hudozhestvennogo tvorchestva [Essays on Philosophy of Artistic Creativity]. Saint-Petersburg, 1999. Pp. 59–73.
2. Likhachov D. S. Iskusstvo pamyati i pamyat' iskusstva [Art of Memory and Memory of Art] // Kritika i vremya [Criticism and the Time]. Leningrad, 1984. Pp. 68–74.
3. Repina S. Metamorfozy Olega Kulika [Oleg Kulik's Metamorphoses]. URL: https://daily.afisha.ru/archive/gorod/archive/oleg_kylik/ (5.02.2018).

УДК 7.072.2:7.046.1:552::904-032.5(517.3)
DOI: 10.32340/2541-772X-2018-1-106-111

М. Ю. Шишин, доктор философских наук, профессор
Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова (Барнаул, Россия)
shishinm@gmail.com

ИСКУССТВОВЕДЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ В ИЗУЧЕНИИ КОМПЛЕКСОВ ПЕТРОГЛИФОВ: ОПЫТ СЕМАТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА КОМПОЗИЦИИ «ШАМАН НА ВОЛКЕ» В БАГА-УЙГУР В ЗАПАДНОЙ МОНГОЛИИ

Аннотация. На примере крупнейшего комплекса петроглифов в Бага-Уйгур I в Западной Монголии автор статьи исследует значимые для искусствоведения вопросы: как выглядел художник в древности с точки зрения художественных задач, какими материалами и инструментами он пользовался, какова была его система средств

художественной выразительности. Статья содержит искусствоведческое и культурологическое описание композиции петроглифов из комплекса Бага-Уйгур I.

Ключевые слова: *Западная Монголия, Бага-Уйгур I, петроглиф, художник, шаман.*

Исследования последних двух десятилетий по петроглифам в трансграничной области на Алтае, на территории Республики Алтай, западных аймаков в Монголии, на северо-западе Китая и в Восточно-Казахстанской области Республики Казахстан, упрочили мнение о том, что эта территория может рассматриваться как один из крупнейших центров сосредоточения искусства древних культур. Стараниями археологов и историков уже описаны и введены в научный оборот комплексы в Западной Монголии и в Республике Алтай в России. Здесь располагаются крупнейшие комплексы петроглифов не только в Монголии, но и в мире, получившие название по месту расположения Бага-Уйгур и Цагаан-Сала.

О мировом значении этих комплексов можно говорить без преувеличения: во-первых, они поражают своими масштабами – практически непрерывная лента петроглифов тянется вдоль долины реки Бага-Уйгур на протяжении более 15 километров. Но не только количеством, но и замечательными художественными качествами многих отдельных изображений и композиций эти места, вне всякого сомнения, должны привлечь внимание не только историков и археологов, но и этнографов, антропологов, культурологов и, конечно, искусствоведов. По сути дела, это огромный музей под открытым небом, хранящий еще немало загадок и образов выдающегося художественного значения. Подчеркивая значимость памятника, стоит сказать, что комплексы петроглифов Цагаан-Сала, Бага-Уйгур, приуроченные к ним Шивет-Хайрхан, Арал Толгой уже внесены в список Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО.

Огромный вклад в основательное изучение этих комплексов и продвижение в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО сделала международная экспедиция, в ядро которой входили Э. Якобсон, В. Д. Кубарев, Д. Цэвээндорж. Их многолетняя работа нашла свое отражение в многочисленных публикациях и фундаментальной монографии [1], к которой мы не раз обратимся ниже.

Исследования нашей российско-монгольской искусствоведческой экспедиции, которую с монгольской стороны возглавляла профессор, кандидат искусствоведения, директор института искусств и дизайна Монгольского государственного университета культуры Д. Уранчимэг, а с российской стороны, – автор настоящей статьи, велись на протяжении десяти лет по этим и другим комплексам петроглифов в России, на территории Республики Алтай. Собранный материал – описание и фотофиксация сотен уникальных по своим художественным и семантическим особенностям композиций – вдохновляет на исследования и уже помог в прояснении ряда важных вопросов с искусствоведческой точки зрения.

Во-первых, удалось проследить, как наследие прошлого повлияло на современный художественный процесс в Сибири и Монголии. Можно смело утверждать, что петроглифы, изваяния, каменные сооружения дали мощный толчок в формировании нового стиля в искусстве, который предложено назвать «метаисторический экспрессионизм» [2, с. 208–212]. Художники этого стиля не цитируют искусство прошлого, а творчески его осмысливают. В процессе погружения в материал они приходят к ярким открытиям, через (мета) историческое наследие они стремятся отобразить образы эйдетической реальности, что некогда были открыты их далекими «коллегами» из каменного и бронзового века. Это замыкание наследия прошлого с современной художественной культурой – само по себе выдающееся явление, которое еще требует основательного анализа.

Была замечена и кросс-культурная переключка на уровне общих сюжетов с отдаленными от трансграничной области на Алтае регионами, например, с петроглифами Северной Индии [3, с. 258–264]. Поставлены и волнующие, чисто искусствоведческие вопросы: как выглядел художник прошлого, естественно, не в модусе его внешности, а с точки зрения художественных задач – кто учил мастера, каковы были его инструменты, краски, сюжеты, система средств художественной выразительности и т. д. Поскольку творческий процесс хоть в его современном виде, хоть и в отдаленном прошлом, должен быть схожим, то легко предположить следующее. Как и сегодня, не все люди художественно одарены, а среди художественно одаренных есть наиболее талантливые, которые становятся выдающимися мастерами не только благодаря своим способностям и постоянному кропотливому труду, но и благодаря помощи учителя. Порой общение, даже краткое, с талантливым опытным художником радикально меняет все в жизни и творчестве художника. Это сегодня, а разве в прошлом могло быть иначе? По ряду признаков, можно выдвинуть гипотезу, что были творческие группы, наподобие возрожденческих боттег, где вокруг одного или нескольких мастеров формировалась школа подмастерьев, которые шаг за шагом овладевали секретами мастерства. Но не только. Уже выделен круг так называемых канонических сюжетов, восходящих к древнейшим пластам мифопоэтики, например, солярный олень. Эти образы широко распространены по всей трансграничной области на Алтае. Порой кажется, что они выполнены по одному трафарету, с поразительным сходством. Это значит, что перед нами, как говорят искусствоведы, одна рука, или один мастер, но вернее всего это школа, которая могла на протяжении многих веков хранить и воспроизводить канонические образы. И, главное, члены этого сообщества

знали и следовали религиозным представлениям, присущим тем культурам. Только ли знали и воспроизвели эти образы древние мастера или сами были носителями культа, соединяя в себе художника и шамана, этот вопрос остается открытым. Но по аналогии с описаниями современных ученых (Т. Фрезер, А. Голан, Леви Брюль и др.), все шаманы в традиционных обществах были художественно одаренными людьми и это хорошо видно на примерах бубнов, костюмов и других атрибутов шаманского культа. Поэтому предположение о сочетании художника и шамана в одном лице небесспорно, но требует своего исследования.

К чисто искусствоведческим относятся и вопросы: какими средствами и материалами были получены те или иные изображения. Исследования, проведенные археологами, приоткрывают многие тонкости в этом вопросе [4, с. 187–201; 5]. Они все учитываются в наших исследованиях. Кроме того, в экспедицию были привлечены профессиональные художники, и беседы с ними и их работа над петроглифами дали повод к новым ракурсам изучения самого художественного процесса.

Мнения художников и новые подходы в изучении петроглифов, в частности, трасология (изучение на микроуровне следов нанесения рисунков) дают основание говорить о том, что мастера прошлого имели разнообразные инструменты нанесения и, как современный художник, должны были иметь и своеобразные палитры, емкости для красок, нечто напоминающее кисти и т. д. Но далее возникает вопрос о том, кто изготавливал эти инструменты, краски и прочее, – все то, что нужно для художественного процесса, все предметы и материалы. Скорее всего, сам мастер, но учитывая трудозатраты и на изготовление инструментов, и на исполнение своих работ, он должен был практически все время этим занят, а отсюда следует, что он был выделен из общей массы племени, не был задействован или мало задействован в текущих и актуальных для жизни делах. А это говорит о том, что племя признавало значение его работы и поддерживало его. Что говорит о высоком статусе художника прошлого.

Наконец, в числе искусствоведческих вопросов есть такие, как: где подготовительные рисунки, где этюды и прочие вспомогательные материалы. Разумеется, найти этюды бронзового века невозможно, но среди тысяч рисунков в том же Цагаан-Сала и Бага-Уйгур находятся рисунки, явно начатые и не законченные. Более того, можно предположить, что мастер остановил процесс, потому что увидел принципиальную ошибку. Так происходит и ныне, когда художник останавливает или заново переписывает свою картину. Художник прошлого не имел холстов, но точно имел краски. Микрофотографирование показало, что прежде чем начиналась пробивка инструментом контура, прочерчивался рисунок остро оточенным резцом. По штриху и шла насечка, и, что особенно ценно, были обнаружены сбивки от уверен-

но прочерченной линии. Что это было – ошибка мастера, неуверенная рука подмастерья, изменение творческой задачи, – трудно сказать. Важно отметить близость художественного процесса прошлого и настоящего. То, что подготовительные работы велись, не вызывает сомнения. Искусствоведы и художники часто поражаются идеальному вписыванию в плоскость камня той или иной композиции. Это прямо говорит об уровне одаренности, о чувстве художественного вкуса и пропорциональности, которыми были наделены мастера прошлого. Но даже самый одаренный мастер ныне, прежде чем начнет свою работу, постарается сделать хотя бы быстрый набросок, который поможет вписать изображение в границы плоскости. Это должно было быть и в прошлом, ведь поправить рисунок, переписать на камне невозможно. Тем более что дополнительного свободного камня с такой плоскостью, твердостью, фактурой поверхности просто не было. Нужно учитывать и то, что выбор места расположения крупных композиций прямо говорит о включении изображения в религиозный обряд, который требовал ориентации по сторонам света, свободного пространства рядом и т. д. Все эти ограничения должны были заставлять художника прошлого тщательно подготавливаться к процессу исполнения. Вероятнее всего, красящим веществом наносился предварительный рисунок на камне, а затем уже шла работа по пробивке. Не исключается при этом, что цвет рисунка мог учитываться на других этапах. А, назовем это так, этюды и этюды могли выполняться на других, менее ответственных и выделенных плоскостях. Замечены были композиции, когда художники с более развитой и усовершенствованной художественной культурой делали изображения подле рисунков своих предшественников, изображая сходные сюжеты. Чем же это отличается от соревновательности современных художников?

Анализ средств художественной выразительности в композициях петроглифов – еще слабо разработанная тема в искусствоведении. Мешает многое: высокая степень условности изображения, наслоение разновременных изображений, разумеется, утраты и нерешенность некоторых вопросов. Например, есть основания полагать, что мы видим изображение не в том виде, в котором их видели современники. Единого мнения у археологов о том, были ли расписаны поверх выбивки рисунки или нет, не существует. Относительно выбивки можно заметить разные приемы – глубокая выбивка, протирания поверхностей, прочерчивания и т. д. Можно предположить, что перфорированную поверхность скалы покрывали цветными пастами, и быть может, это защитило рисунки от воздействия солнечных лучей и разного рода осадков. Порой они выглядят, как только что выполненные.

И, самое значимое, что затрудняет возможность искусствоведческой интерпретации, – это сюжетная сторона изображения, непрослеженная связь изображения с другими на этой плоскости и на отдалении

и сторонами света, невозможность точно реконструировать обряд, в котором участвует то или иное изображение. Выход из всего этого круга вопросов видится в выделении среди всего числа рисунков композиционно завершённых работ, в которых явно начинает просматриваться сюжетная сторона, видны ходы мысли художников для достижения художественной и образной выразительности. Их искусствоведческое и культурологическое описание в итоге может привести к выделению эталонных произведений, и, опираясь на их анализ, фиксируя специфику изображения, стилистику и почерк мастера, можно продвинуться дальше в интерпретации петроглифов и введении их в оборот как произведений искусства.

Продemonстрируем некоторые первичные подходы на примере изучения композиции из комплекса Бага-Уйгур I. Есть основания считать, что это культовое изображение, на котором представлен «шаман» в маске. Рисунок был отмечен исследователями комплекса и воспроизведён, правда фрагментарно, в упомянутой выше монографии Э. Якобсона, В. Д. Кубарева, Д. Цевээндоржа [1, с. 343, рис. 2]. Фрагментарность воспроизведения не даёт возможность представить себе всю композицию в целом и соответственно не позволяет оценить сюжетную сторону (см. рис.).

О том, что это, возможно, культовое изображение, можно говорить не только по характеру и деталям, авторы уже упомянутой книги дают в ней целый раздел, в котором обосновывают сакрально-ритуальный характер многих изображений [1, с. 37–42].

Важное значение имеет не только композиция, но и камень. Это отдельно лежащий валун, с достаточно большим свободным пространством вокруг, что позволяет предположить проведение вокруг него разного рода обрядов, например танцев и хороводов. Форма камня удобна для жертвоприношения, основная плоскость с шаманом ориентирована на южную сторону, которая имеет сакральный статус, что подтверждается и многими другими археологическими и этнографическими примерами, например, вход в юрту ориентирован на южную сторону.

Главное в композиции – это фигура «шамана», которая стоит на фигуре волка. К морде животного примыкают (как будто бы обнюхиваются, вдыхают запах друг друга) морды других хищников, по явным признакам барс и собака. Это явно ритуальная сцена, потому что и стоять на спине волка, и тем более так близко сопри-

касаться друг с другом в жизни эти животные не могут. Масштаб фигур шамана и хищников говорит о том, что это громадные – исключительные, не реальные животные, которые собой должны олицетворять особые мощные силы. Стояние на спине волка и замыкание фигур животных говорят об их подчинении «шаману», который явно возвышается над силами природы, покоряя их себе.

Легко заметить продуманный характер изображения. Фигура «шамана» возвышается над фигурой волка. У него характерный волчий по форме хвост, у собаки он акцентирован завитком на спине. Тяжёлая, лобастая морда и, на что хотелось бы обратить внимание, отвислый живот. Это не характерно для поджарых и подвижных хищников, и, быть может, здесь изображён не волк, а волчица, ожидающая детенышей, а это даёт возможность привлечения большого числа сюжетов из мифопоэтики.

Волк – один ведущих типов евразийской мифологии. С глубокой древности люди высоко оценивали способности волка к организованным загонным охотам, а быть может, и учились у них чутью, скорости

движения, преданности и заботе о потомстве. Волк сакрализован в тюркской культуре – легенда гласит, что тюрки произошли от волчицы, то же самое можно встретить у монголов и других народов. Конечно, и в бронзовом веке волк был включен в пантеон божественных животных и был тотемом многих племен, о чем говорят находки в курганах и изображения в петроглифах. Волк, безусловно, был доминирующим животным в данной долине Цагаан-Сала и Бага-Ойгур. То, что шаман возвышается над волчьей фигурой, значит момент подчинения его своей воле и силе.

У барса своя миссия. Он также герой многих мифов, его описывают как владетеля и пастуха горных баранов, и встречаются композиции, где он возвышается над фигурами баранов. Есть мифы, которые говорят о происхождении отдельных родов от барса, он также включён в число тотемных животных для многих народов. Была подмечена одна особенность древних охотников в поведении барса: он бросается на свою жертву сверху. Это всегда бывает неожиданно, и бросок очень точный и сильный. В этом моменте важно отметить нападение сверху, то есть барс – это сила сверху, в определённом смысле сила небес. Неслучайно в скифской культуре формируется образ крылатого барса.

Высшее, небесное позиционирование барса подтверждается и другими композициями. Например, в известном комплексе Калбак-Таш на территории Республики Алтай химера, по виду явно схожая с барсом, бросается на людей сверху, для чего очень удачно использован покатый склон скального выступа. Подобного рода композиция с нападением барса на человека в покое, как и на Калбак-Таше, грибовидном головном уборе зафиксирована и в Шивээт-Хайрхан (Монголия). Биологи утверждают, что нападение барса на человека – это исключительное событие, более того, снежный барс легко приручался, и есть древние изображения с совместными охотами людей и барсов. Поэтому, за изображением стоит, скорее всего, олицетворение сил небесного порядка.

Логично вывести, что собака, третий персонаж в этой композиции, – олицетворение подземных сил. Что хорошо известно по евразийской мифологии, ярким воплощением здесь можно считать трехголового пса Цербера.

Таким образом, все три уровня и соответственно все стихии, с ними связанные, сведены вместе, замыкаются мордами животных, а над ними возвышается фигура шамана. Остановимся на нем подробнее. В его руках, просматриваются два предмета – лук со стрелой и дубинка. На голове маска с явными признаками рогов, и при хорошем увеличении читается морда животного, скорее всего, быка. Бык, дубинка и лук со стрелой могут быть интерпретированы в качестве атрибутивных признаков божества громовника. Миф о нем широко распро-

странён в данном регионе. Г. Потанин посвящает этому образу божества грома – Тэнгри-хану развернутое культурологическое исследование [6, с. 116–167]. Другими словами, перед нами, возможно, высшее божество небесного плана, которое подчиняет себе все силы природы. Маска и костюм быка только дополняют этот образ, который связан с небесным быком, дождем и громом.

Все рядом расположенные фигуры требуют специального и подробного рассмотрения. По характеру насечки и стилизованным признакам можно говорить, что все они выполнены в один период в бронзовом веке. Видимо, связан с главной фигурой и образ лошади, возвышающейся слева от главных персонажей. От нее к богу-громовнику ведет линия – может быть, символическое изображение повода. Конечно же, требуется более детальное изучение этой композиции и культуролого-семантический анализ всего объекта в целом, но, как показывает даже первичный подход, памятник может сообщить очень много интересного и ценного для постижения внутреннего мира древних народов. Очевидно и то, что подобного рода интерпретации позволяют ввести данную композицию в число эталонных произведений искусства в комплексах петроглифов.

Список литературы

1. Кубарев В. Д., Цэвээндорж Д., Якобсон Э. Петроглифы Цагаан-Салаа и Бага-Ойгура (Монгольский Алтай). Новосибирск, 2005. 640 с.
2. Шишин М. Ю. Основные черты стиля «мета-исторический экспрессионизм» и его проявление в искусстве современных художников Сибири и Монголии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 11. С. 208–212.
3. Белокурова С. М., Ом Ч. Х., Шишин М. Ю. Петроглифы Алтая и Гималаев: общее и особенное, подходы к искусствоведческому анализу // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 12–5. С. 258–264.
4. Дэвлет Е. Г., Гиря Е. Ю. «Изобразительный пласт» в наскальном искусстве и исследования техники выполнения петроглифов Северной Евразии // Древнее искусство в зеркале археологии. К 70-летию Д. Г. Савинова. Кемерово, 2011. С. 187–201.
5. Дэвлет Е. Г. Памятники наскального искусства: изучение, сохранение, использование. Москва, 2002. URL: <http://arheologija.ru/devlet-pamyatniki-naskalnogo-iskusstva-izuchenie-sohranenie-ispolzovanie/> (20.03.2018).
6. Потанин Г. Громовник в повериях и сказаниях племен Южной Сибири и Северной Монголии // Журнал Министерства народного просвещения. 1882. Ч. ССХІХ. С. 116–167.

Mikhail U. Shishin, Doctor of Philosophical Sciences, Professor
Polzunov Altai State Technical University (Barnaul, Russia)
shishinm@gmail.com

**PETROGLYPHS COMPLEXES FROM THE VIEWPOINT OF ART HISTORY:
SEMANTIC INTERPRETATION OF “THE SHAMAN RIDING THE WOLF”,
THE PETROGLYPHS COMPOSITION (BAGA–UYGHUR, WESTERN MONGOLIA)**

Summary. Studying of petroglyphs located in Western aimaks (a territorial unit) of Mongolia assured the researches that the region is one of the biggest centers of the ancient cultures' art. Baga Uyghur (*Oigor*) and Tsagaan Sala, the petroglyphs complexes with the world significance, entered in the UNESCO World Heritage List.

A major contribution to researching the petroglyphs complexes was made by the international expedition with Ester Yakobson, Vladimir Kubarev, Dadmii Tseveendorzh as its core. Results of the expedition have been outlined in “*Petroglyphs of Tsagaan Sala and Baga Uyghur (the Mongolian Altai)*” (Novosibirsk, 2005), the multi-authored scientific monography. Studying of the petroglyphs was conducted for ten years by team of Russian and Mongolian specialists headed by D. Uranchimeg and Mikhail Shishin. Collected material helped to clear up a whole host of issues raised by the art history. For example, it is managed to trace an influence of the ancient cultural heritage to today's Siberian and Mongolian artistic life. In particular, petroglyphs, statues, and stone constructions have given the strong impulse to forming a new artistic style named “*metahistorical expressionism*”.

Also, there was noticed cross-cultural talk in narrative commonality with regions distanced from the transbordered Altai, for example with petroglyphs from the North India. The author makes a supposition about beingness of ancient creative groups with its master and subworkers who had been practiced in crafts step by step. In particular, the set of so-called “*canonic subjects*” spread throughout the transbordered Altai confirms it. The author offers to mark images with finished composition among the rest painted by unknown ancient artists; presents some results of semantic interpretation of the one of these compositions (from *Baga Uyghur (Oigor) I*, archaeological complex) shows a ritual scene: “shaman” with a horned mask on his face, having a bow and a maul, standing on a wolf's back. A dog with a (snow?) leopard sides with a wolf's jaw. The researcher offers to hold an association between each animal and the upper (a (snow?) leopard), the lower (a dog) and the middle (a wolf) world. In such case, a “shaman” may be understood as Tengri Khan, a higher divinity.

Key words: *Western Mongolia, Baga-Uyghur I, a petroglyph, an artist, a shaman.*

References

1. Kubarev V. D., Tsehvehehdorzh D., Yakobson E. Petroglify Tsagaan-Salaa i Baga-Ojgura (Mongol'skij

Altaj) [Petroglyphs of Tsagaan Sala and Baga Uyghur (the Mongolian Altai)]. Novosibirsk, 2005. 640 p. [In Russ.].

2. Shishin M. Yu. Osnovnye cherty stilya «metahistoricheskij ehkspressionizm» i ego proyavlenie v iskusstve sovremennykh khudozhnikov Sibiri i Mongolii [The Key Features of the “*Metahistorical Expressionism*” Style and Its Displaying in Contemporary Siberian and Mongolian Artists' Works] // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki [Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Cultural Studies and Art History. Theoretical and Practical Questions]. 2017. No. 11. Pp. 208–212. [In Russ.].

3. Belokurova S. M., Om Ch. Kh, Shishin M. Yu. Petroglify Altaya i Gimalaev: obshhee i osobnoe, podkhody k iskusstvovedcheskomu analizu [Petroglyphs of the Altai and the Himalayas: the Similarities and the Differences, Approaches to the Analysis from the Point of View of Art History] // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki [Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Cultural Studies and Art History. Theoretical and Practical Questions]. 2017. No. 12–5. Pp. 258–264. [In Russ.].

4. Dehvet E. G., Giryu E. Yu. «Izobrazitel'nyj plast» v naskal'nom iskusstve i issledovaniya tekhniki vypolneniya petroglifov Severnoj Evrazii [“*Graphic Layer*” in the Rock Art and Research the Painting Technique of Petroglyphs from the Northern Eurasia] // Drevnee iskusstvo v zerkale arheologii. K 70-letiju D. G. Savinova [Ancient Art in the Mirror of Archeology. To Dmitry Savinov 70th Anniversary]. Kemerovo, Pp. 187–201. [In Russ.].

5. Dehvet E. G. Pamyatniki naskal'nogo iskusstva: izuchenie, sokhranenie, ispol'zovanie [Rock Art Monuments: Study, Preservation, and Usage.] Moscow, 2002. URL: <http://arheologija.ru/devlet-pamyatniki-naskalnogo-iskusstva-izuchenie-sohranenie-ispolzovanie> (20.03.2018). [In Russ.].

6. Potanin G. Gromovnik v poveriyakh i skazaniyakh plemen Yuzhnoj Sibiri i Severnoj Mongolii [“*Gromovnik*” in the Southern Siberian and Northern Mongolian Tribes' Legends and Folk Tales] // Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshhenija [Journal of the Ministry of Education]. 1882. Pt. CCXIX. Pp. 116–167. [In Russ.].

РАЗДЕЛ VII

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ЕВРАЗИЙСКОМ РЕГИОНЕ

УДК 394.26: 124.5(4)“476–1600-е”

DOI: 10.32340/2541-772X-2018-1-112-115

Г. Г. Волощенко, доктор культурологии, доцент
Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского (Омск, Россия)
wolosch@mail.ru

ДОСУГ МЕЖДУ ВОСТОКОМ И ЗАПАДОМ В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ¹

Аннотация. Статья продолжает ретроспективу теоретико-культурологических представлений о досуге как культурной ценности. Объяснён распад триады досугов в средневековой Европе.

Ключевые слова: Средневековье, «божественный досуг», «высокий досуг», «праздный досуг».

Итак, из античности в Средневековье (V–XVIII вв.) идут три досуга: преследуемый и замалчиваемый «Σχολη» Пифагора (VI в. до н. э.) как высшая деятельность, самостоятельная и скрываемая под «гармонией сфер», «высокий досуг» Аристотеля (IV в. до н. э.) как высокая нравственная деятельность гражданина и «досуг-праздность», идущий из римской культуры.

Центр Пифагора на юге Италии продержался до 3 в. н. э. [1]. Но рукописи пифагорейского знания хранились у части из девяти философских школ Греции и Южной Италии (см. чертёж А. Ф. Лосева), где некоторые из них (Афины и т. д.) дожили до средневековья. Вспомним случай с пленением Платона пиратами во время одной из его поездок в Египет в 388 г.

до н. э., выкуп его представителями южно-итальянских школ и то, что в окончательный расчёт вошла плата за цикл работ пифагорейского учения, которое они предоставили Платону [3, с. 46]. Укажем также на резко отрицательное отношение римлян и во II в. до н. э. к мудрости Пифагора, о чём повествует Е. М. Штаерман. В 181 г. до н. э., по рассказу Ливия, в поле под Яникулом были выкопаны два каменных ящика с латинскими и греческими надписями. В латинском оказались книги по понтификальному праву. В греческом – семь книг «Науки мудрости» Пифагора. Книги прочли многие, в том числе городской претор Квинт Петелий. Он решил, что последние угрожают разложить религию Рима и что их нужно сжечь, с чем согласились и сенат и народные трибуны – книги были сожжены в комициях при народе [4].

Как же шло в Средневековой Западной Европе формирование понятия «досуг» в свете трёхсферности его выхода из античности?

Прежде всего, следует обратить внимание на мощное влияние на молодые варварские государства римско-латинской культуры. И здесь стоит согласиться с утверждением Ю. Н. Кротовой о том, что «...с крушением античного мира наступает длительная эпоха идентификации досуга с праздноностью» [5, с. 14], т. е. культура раннего европейского средневековья впитала в себя норму досуга римской античности.

Это мнение разделяет и Б. А. Титов, отмечая вместе с Н. А. Костровой, что «...английский *leisure* берёт своё начало от латинского *licere*, что означает

"Нисхождение" на землю в VI в. до н. э. высшего досуга как составной части мифа-учения Пифагора и рождение школы

¹ Продолжение; начало см.: Волощенко, Г. Г. Досуг как основа культуры: от архаики к современности // Культура в евразийском пространстве: традиции и новации. Барнаул, 2016. Ч. I. С. 66–68.

«быть свободным», французский *loisir* также происходит от латинского и означает «быть разрешённым».

Эти слова отмечают авторы, были родственными и подразумевали наличие выбора и отсутствие принуждения [6, с. 4]. В этом же контексте идёт и наше с С. С. Принц исследование немецкого слова *Muße*, проведённое среди жителей старшего поколения в Азовском немецком районе Омской области. Выяснилось, что слово *Muße* восходит к древнегреческой *музе* и также связано с праздностью [7].

Базовый праздный досуг средневековой Европы подкрепляется и источниками из произведений классики. Так, в вышедших в Париже в 1559 г. «Любовных историях» Маргариты Наваррской мы встречаем типичную характеристику такого досуга: «Жена же его, где бы она ни бывала, всегда ухитрялась проводить время за играми, танцами и прочими светскими развлечениями, за которыми молодым женщинам пристало коротать свой досуг» [8, с. 369]. Именно с праздностью связаны досуги во второй половине XIX века в произведениях Карла Маркса и Томаса Веблена. Но был ли праздный досуг единственным в культуре Средневековой Европы? Не было ли развития аристотелевского «высокого досуга»?

Выясняется, что работы Аристотеля стали востребованы в средневековой Европе с XII–XIII вв., с появлением университетов. В XIII веке они прошли обязательную христианизацию, т. е. комментирование и критику теологов, и с XIV в. начинается аристотелизм в учебных заведениях Европы. Отразился ли «высокий» досуг Аристотеля в общественной жизни? Обратимся снова к произведению Маргариты Наваррской, как известно, одной из самых образованных женщин средневековой Европы. В её «Гептамероне» мы действительно встречаем трактовку досуга, резко отличающуюся от распространённого досуга-праздности, близкую к трактовке Аристотеля: «Другой его (мальчика) учитель, природа, воспользовавшись его досугом и хорошим здоровьем, обучила его кое-каким вещам. Мальчик стал заглядывать на все красивое» [8, с. 237].

Теперь несколько слов о *via-dolorosa*² «Σχολή» Пифагора и его спутника – заместителя «гармонии сфер». В 2004 г. на обсуждении моей докторской диссертации «Досуг как явление культуры: генезис и развитие» редактор журнала «Личность. Культура. Общество», профессор, д. ф. н. Ю. М. Резник, пришедший вместе с заведующим кафедрой философии Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского профессором, д. ф. н. В. И. Разумовым, просмотрев материал, обронил замечание: «Что-то было ещё в Средневековье...». Это замечание я вспомнил в ноябре 2014 г., когда в программе телеканала «Культура» дважды посмотрел передачу «О взаимосвязях в науке». Началась она с сюжета, наделавшего много

шума в средневековье – переезде в VI в. н. э. последнего схоласта Афинской платоновской академии Дамаскина в Сирию с большим количеством рукописей. Так же мелькнули в кадре фамилии **Аристотелеξ**, **Платон**, **Пифагорас**. Дерзкий поступок Дамаскина был ответом на эдикт Юстиниана 529 г. о закрытии языческих философских школ на территории Византии (Афин, Александрии, Бейрута, Газы и др.) и открытия высшей школы в Константинополе. Сигналом Дамаскину об очередной волне преследования римской церковью еретиков, к которым относился и Пифагор с его восточным ядром досуга, стала весть о казни в 524 г. в Риме философа Боэция, разделявшего пифагорейско-платоновскую традицию, за связь с учёными Восточной империи.

Переезд Дамаскина с группой философов и большим числом рукописей в Сирию в 531 г. способствовал расцвету сирийской, а затем и арабской науки и образования, культуры стран Востока. В крупнейших городах арабов Багдаде, Каире и других создавались Дома мудрости как центры науки и культуры, объединяющие образовательные учреждения с библиотеками. В Аль-Каруйи (Марокко), Аль-Асхаре (в Каире) появились в X в. первые университеты. На арабский язык было переведено большое число работ древнегреческих философов, врачей, астрономов. Знания Пифагора, чаще всего в варианте пифагорейско-платоновского изложения, находят место у учёных Востока (см., например, у Ибн Сины (Авиценны) (980–1037 гг.) в «Книге исцеления» четыре раздела, в том числе в одном из них – геометрия, арифметика, музыка, астрономия (и метафизика) [9, с. 194].

В Европе в Средние века при церквях было до ста книг. Арабская же цивилизация включала в себя сотни направлений развития науки и образования, сопровождаемые десятками тысяч рукописей. Зная это, к крестоносцам примыкали ученые, которые везли от арабов в Европу новые знания. Арабы передали европейцам индийские цифры, которые стали называться арабскими. Ассутти из Ирана доказал, что Земля не является центром Вселенной (что вскоре и повторил Николай Коперник).

Проследим развитие досуга в Византии (395–1453 гг.). З. В. Удальцова, характеризуя особенность Византийской культуры, отмечает, что она складывалась под влиянием римских, греческих и восточно-эллинских традиций, с IV в. оформилась как христианско-православное государство, традиционализм её основывался на Библии, греко-кафолической церковной литературе и на произведениях античной классики.

От западноевропейской византийская культура отличалась более высоким (до XII в.) уровнем материального производства, устойчивым сохранением античных традиций в просвещении, науке, литературе, творчестве, быте; индивидуализмом (неразвитостью корпоративных принципов); культом императора как сакральной фигуры; унификацией науч-

² Путь скорби (итал.)

ного художественного творчества, чему способствовало развитие Византийского государства [10; 335].

Через Византию пролегали важнейшие торговые пути: сухопутный и морской «шелковый путь» в Китай и «путь благовоний» через Аравию к Персидскому заливу и Индии.

Самая короткая характеристика у досуга как производного римской культуры – *otium* – праздности. Латинский язык был государственным в Византии с IV по VII вв., затем он уступил пальму первенства древнегреческому языку и перешёл в разряд разговорного. Андре Гийу в «Византийской цивилизации» пишет: «Различают письменный и разговорный язык. Письменный язык Византии – греческий язык эллинистической и римской эпохи, язык Аристотеля, Полибия, Плутарха, затем отцов церкви, официальный язык государства и администрации. Начиная с VII в. – литературный книжный язык. Разговорный язык, вульгарный, никогда не рассматривался как язык для письма» [11, с. 539]. Так, *otium* – праздность остался в Византии, в отличие от Запада, на уровне «разговорного, вульгарного» знания.

Иная судьба у «высокого» досуга Аристотеля. Именно в Византии из сотен рукописей сформировался *Corpus Aristotelicum*. А. Гийу описывает проникновение понятийного аппарата и терминологии Аристотеля в христианскую теологию через труды ряда аристотелистов, в том числе Фемнистия, профессора Александрийского университета, Филопона, Леонтия Византийского (основателя византийской схоластики), Акрополита, Георгия Пахимера, Георгия Схолария, патриарха в начале турецкого владычества [10, с. 77–78].

Но базовым течением в культуре и досуге Византии был неоплатонизм, представлявший, по определению К. Маркса, сочетание стоического, эпикурейского и скептического учений с философией Платона и Аристотеля [11, с. 122]. Неоплатоники Ямвлих, Юлиан Заступник, Прокл в III–V вв. развивали пифагорейско-платоновское направление, Василий Великий, Григорий Богослов и Григорий Нисский способствовали вводу «гармонии сфер» в раннюю патристику. Высшая Патриаршая школа в XI в. возобновилась, преподавали Иоанн Ксифилин, Константин Лихуд и Михаил Пселл. После нашествия крестоносцев в 1024 г. и их 60-летнего пребывания в Византии, Патриаршая школа прекратила своё существование. В 1054 г. состоялось разделение церквей

(схизма) на православную и католическую, в которой, как нам представляется, определённую роль сыграло различие трактовок досуга в римско-латинской и греко-византийской интерпретации.

В 1080-х гг. арабы, вытесняемые из Испании, сделали ответный подарок Европе – оставили десятки тысяч рукописей. Произведения Платона, Аристотеля и ряда других философов прошли через религиозную цензуру, и вскоре они стали властителями дум в молодых университетах Европы. Но напрасно мы ищем в числе первых «возвращенцев» Пифагора. Набирающая силы инквизиция задержала, а затем выпустила в свет его работы, но в купированном, ампутированном, обрезанном виде.

Приведённый материал доказывает, что развитие ядра «досуга» Пифагора не остановилось в III веке до н. э. с окончанием деятельности пифагорейских школ на юге Италии, а было подхвачено в Афинах и в Византии, а затем в VI веке ушло через Сирию в арабскую культуру. Так, к древнегреческому и древнерусско-византийскому следам досуга добавляется ещё Восточный след.

Список литературы

1. *Философский энциклопедический словарь*. Москва, 2002. 576 с.
2. *Диоген Лаэртский*. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. Москва, 1979. 628 с.
3. *Волощенко Г. Г.* Досуг: генезис и трёхсферность развития в греко-римской культуре в Западной Европе, у восточных славян. Гамбург, 2016. 182 с.
4. *Штаерман Е. М.* Социальные основы религии Древнего Рима. Москва, 1987. 324 с.
5. *Кротова Ю. Н.* Педагогика досуга в англоязычных странах. Санкт-Петербург, 1994. 162 с.
6. *Титов Б. А., Кострова Н. А.* Досуг в США. Ленинград, 1982. 84 с.
7. *Принц С. С., Волощенко Г. Г.* Еще раз о современной структуре досуга немцев // Проблема культуры городов России. Ишим, 1997. С. 91–94.
8. *Валуа Де [Наваррская] М.* Гептамерон. Екатеринбург, 1992. 446 с.
9. *Философский энциклопедический словарь*. Москва, 1983. 840 с.
10. *Удальцова З. В.* Византийская культура. Москва, 1988. 228 с.
11. *Гийу А.* Византийская цивилизация. Екатеринбург, 2005. 545 с.

Gennady G. Voloshchenko, Doctor on Cultural Studies, Assistant Professor
Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)
wolosch@mail.ru

LEISURE ACTIVITY IN THE EAST AND IN THE WEST IN THE MIDDLE AGES

Summary. The article continues the retrospection of leisure theoretical concepts considered by cultural studies in capacity of cultural value. The paper outlines

a theoretical construct of three-level leisure development; the studying of the issue was started by the author earlier (*“Leisure as A Basis of Culture: From*

Archaic Times to the Present"; Barnaul, 2016), and where the Antiquity, chronological period, was captured by the author.

Now, the author focuses on explanation of leisure triad disintegration process in cultural life of the Europe in the Middle Ages. So, the researcher traces a process of forming of "leisure" concept in the Western Europe at the end of the Antique Time and in the beginning of the Middle Ages. The triad of leisure interpretation includes, firstly, Pythagoras' doctrine (the 6th century before Christ) on essence of leisure considered as "Σχολη" (pronounced: *skhole*, means *a school*) which regarded as pursued divine independent activity, that hid in a term "harmony of the spheres". Secondly, Aristotle's "high leisure" (the 4th century before Christ) considered as a citizen's highly-moral activity. Thirdly, "leisure/idleness", a concept came from Roman culture. The author's theoretical constructions had been inspired by the term "leisure" interpretation crisis in Antique and Medieval texts, also by the effects faiths struggle, by an undercover knowledge about leisure essence, but also by taboo for deeply studying the leisure history, its nature in general, in Soviet period of the Russian history.

The author argues that development of Pythagoras' "core of leisure" had not stopped in the 3rd century before Christ, with the end of Pythagorean schools activity in Southern Italy, but had been picked up by Athenians and Byzantines, and gone in Arabic culture through Syria in 6th century.

Ключевые слова: *leisure regarded as "Σχολη" in Pythagoras' doctrine, Aristotle's "high leisure", a Roman culture concept of "leisure/idleness", leisure in medieval Europe, leisure in the Southern Italy, leisure in Byzantine empire, leisure in Syria, leisure in Italy, Arabic culture.*

References

1. *Filosofskij jenciklopedicheski slovar'* [Philosophical Encyclopaedic Dictionary]. Moscow, 2002. 576 p. [In Russ.].
2. *Diogen Lajertskij. O zhizni, uchenijah i izrechenijah znamenijah filozofov* [Lives and Opinions of Eminent Philosophers]. Moscow, 1979. 628 p. [In Russ.].
3. *Voloshchenko G. G. Dosug: genezis i trjohsfernost' razvitija v greko-rimskoj kul'ture v Zapadnoj Evrope, u vostochnyh slavjan* [Leisure: Genesis and Three-Leveled of Development in Greek and Roman Culture in the Western Europe, in Eastern Slavic culture]. Gamburg, 2016. 182 p. [In Germ.].
4. *Shtaerman E. M. Social'nye osnovy religii Drevnego Rima* [Social Basics of Religion in the Ancient Rome]. Moscow, 1987. 324 p. [In Russ.].
5. *Krotova Ju. N. Pedagogika dosuga v anglojazychnyh stranah* [Leisure Pedagogics in English-Speaking Countries]. Saint-Petersburg, 1994. 162 p. [In Russ.].
6. *Titov B. A., Kostrova N. A. Dosug v SShA* [Leisure in the United States]. Leningrad, 1982. 84 p. [In Russ.].
7. *Princ S. S., Voloshhenko G. G. Eshhe raz o sovremennoj strukture dosuga nemcev* [Once Again About Today's Structure of Germans' Leisure] // *Problema kul'tury gorodov Rossii* [Cultural Problems of Urban Russia]. Ishim, 1997. Pp. 91–94.
8. *Valua De [of Navarre] M. Heptameron* [Heptameron]. Ekaterinburg, 1992. 446 p. [In Russ.].
9. *Filosofskij jenciklopedicheski slovar'* [Philosophical Encyclopaedic Dictionary]. Moscow, 1983. 840 p. [In Russ.].
10. *Udal'cova Z. V. Vizantijskaja kul'tura* [Byzantine Culture]. Moscow, 1988. 228 p. [In Russ.].
11. *Guillou A. Vizantijskaja civilizacija* [Byzantine Civilization]. Ekaterinburg, 2005. 545 p. [In Russ.].

Научное издание

**КУЛЬТУРА В ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ:
ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ**

Научный журнал

№ 1 (2) 2018 г.

Ответственные за выпуск: А. С. Фролова, Л. Ю. Егле

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений,
а также за соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов статей.

При использовании и заимствовании материалов ссылка на издание обязательна

Редакторы: Н. Н. Баумтрог, В. Г. Кузнецова

Издательство Алтайского государственного института культуры

Подписано в печать 24.07.2018 г. Формат 60x84¹/₈. Усл. п. л. 13,5. Тираж 500 экз. Заказ 169

Алтайский государственный институт культуры

656055, г. Барнаул, ул. Юрина, 277